

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал издается с 2008 года

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

<i>А.Е.Белькова</i> Контекстуальные синонимы как стилистическое средство выразительности в языке поэзии В.А.Мазина	3
<i>Л.Г.Викуллова, Е.Ф.Серебренникова</i> Структуры и способы конструирования социальной реальности в медийном дискурсе (предметная область <i>иммиграция</i>)	10
<i>И.А.Дьяченко</i> Симуляция интенции «борьба за власть» в политическом дискурсе	16
<i>У.А.Жаркова</i> К проблеме интердискурсивности типа текста «спортивный анонс» (на материале немецкоязычных текстов)	21
<i>Л.А.Нефёдова, Э.Ш.Никифорова</i> Контактоустанавливающие тактики в русскоязычном, казахоязычном и англоязычном судебном дискурсе	29
<i>А.Ю.Фетисов</i> Метафора в научном тексте: понимание текста и субъективность лингвистического анализа	41

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Н.А.Кривошея</i> Повесть А.М.Ремизова «Крестовые сестры» в аспекте идейно-художественного своеобразия творчества писателя и литературных традиций	49
<i>О.М.Кульмиева</i> В.Маяковский в отражении прижизненной и посмертной иностранной прессы	57
<i>М.А.Лагода</i> Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного литературного произведения: к постановке проблемы	62
<i>Л.А.Лысенко</i> Поэма в прозе «Лето Господне» И.Шмелева как энциклопедия русских православных праздников	71

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

<i>О.В.Брезгина</i> Об использовании информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранному языку	77
<i>И.Р.Зязова</i> Кинофильмы с субтитрами как дидактический материал при изучении иностранного языка	81
<i>Н.В.Самсонова</i> Система проблемных заданий при обучении иностранному языку как средство формирования ценностно-смысловой компетентности студентов	85

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Элина Тамминиеми</i> XX Всемирный конгресс Международной федерации переводчиков	93
---	----

Главный редактор

Горлов С.И., доктор физико-математических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Заместители главного редактора

Карпов А.К., кандидат филологических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Коричко А.В., кандидат педагогических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Рянская Э.М., доктор филологических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Секретарь

Новикова Л.В., кандидат филологических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Абрамов А.В., доктор педагогических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Бурханов Р.А., доктор философских наук, профессор, (г. Нижневартовск)

Ваграменко Я.А., доктор технических наук, профессор (г. Москва)

Ерохин В.Н., доктор исторических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Ибрагимова Л.А., доктор педагогических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Игнатъев М.Б., доктор технических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

Grabowska Magdalena, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Kludacz Magdalena, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Krzetowska Agnieszka, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Культышева О.М., доктор филологических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Нурбеков Б.Ж., доктор педагогических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Михайлова О.Ю., доктор психологических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Медведев С.С., доктор биологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

Соколов С.Н., доктор географических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Усманов И.Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Цысь В.В., доктор исторических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Editor-in-Chief

Gorlov S.I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Nizhnevartovsk)

Deputy Editors

Karpov A.K., Candidate of Philological Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Korichko A.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Executive Editor

Ryanskaya E.M., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Secretary

Novikova L.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Abramov A.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Burkhanov R.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Vagramenko Y.A., Doctor of Technical Sciences, Professor (Moscow)

Erokhin V.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Ibragimova L.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Ignatyev M.B., Doctor of Technical Sciences, Professor (Saint Petersburg)

Grabowska Magdalena, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Kludacz Magdalena, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Krzetowska Agnieszka, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Kultyshева O.M., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Nurbekov B.Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Mikhailova O.Y., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Medvedev S.S., Doctor of Biological Sciences, Professor (Saint Petersburg)

Sokolov S.N., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Solodkin Y.G., Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Usmanov I.Y., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Tsyy V.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: 628605, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56.

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.12.2014

Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов

Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз. Заказ 1629

Отпечатано в Издательстве Нижневартовского государственного университета

628615, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

УДК 801.82

А.Е.Белькова
Нижевартовск, РоссияКОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ В.А.МАЗИНА

Аннотация. Исследование лексических категорий и их стилистических особенностей в произведениях современности представляет наиболее ценный по своему составу лексический ресурс. Одной из актуальных проблем в этой области является лингвистическое осмысление контекстуальных синонимов современного русского языка. Предметом рассмотрения в статье являются контекстуальные синонимы как стилистическое средство выразительности в поэзии югорского писателя Владимира Алексеевича Мазина. Контекстуальные синонимы в творчестве В.А.Мазина не становились предметом специального научного исследования, хотя его поэтические тексты содержат материал для изучения данного явления. Материалом для написания статьи послужили поэтические произведения В.А.Мазина, опубликованные с 1967 по 2001 гг. Теоретической и методологической базой исследования послужили основные положения лексикологии и стилистики, разработанные отечественными языковедами: В.В.Виноградовым, Н.М.Шанским, А.П.Евгеньевой, И.Б.Голуб, М.Н.Кожинной, В.А.Белошапковой, М.Ф.Палевской и др. Основным методом исследования послужил контекстологический анализ, учитывающий влияние контекста на значение синонимов. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что представленные в работе результаты анализа произведений В.А.Мазина могут быть использованы при составлении лекций и практических заданий, ориентированных на развитие ассоциативного мышления, синонимических связей, как у школьников, так и у студентов, изучающих курсы лексикологии, культуры речи.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что контекстуальная синонимизация обусловлена индивидуальным замыслом автора, особенностями его языка. Отличительные признаки контекстуальных синонимов В.А.Мазина: выраженная контекстуальная обусловленность и закреплённость; неустойчивость и ненормативность употребления; отсутствие в синонимических словарях. Лексические синонимы в творчестве В.А.Мазина со всей очевидностью обнаруживают свои определяющие характеристики, свою предназначенность — служить средством многомерного представления объекта, инструментом коммуникативной «настройки», одним из ярких средств создания образности.

Ключевые слова: синонимия; контекстуальные синонимы; контекстуальные антонимы; семантика; стиль; контекст.

Сведения об авторе: Белькова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и массовых коммуникаций.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628600, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3 Б; e-mail: bae14@mail.ru

Изучение, исследование и анализ особенностей художественных произведений той или иной эпохи, того или иного автора или отдельного произведения эксплицирует важные, актуальные проблемы современного языкознания, так как состояние литературного языка каждой эпохи во многом определяется наследием мастеров художественного слова.

Произведения югорского поэта Владимира Алексеевича Мазина представляют собой интересный текстовый материал, который ранее не был подвергнут лингвистическому анализу. Актуальность темы определяется отсутствием системного описания особенностей стиля

Владимира Мазина. Исследование контекстуальных синонимичных рядов позволяет выявить универсальные черты пера поэта.

Изучение синонимов может проходить в рамках стилистики языка на примере стиля одного писателя, что дает возможность рассмотреть значение слова в целом, его синонимические связи, а также выявить и противопоставить лексическое значение слова его речевому, контекстуальному значению, дифференцировать языковые и речевые синонимы. Задачей настоящего исследования является введение в научный обиход и лингвистическое осмысление лексической природы контекстуальных синонимов

современного русского языка на примере творчества Владимира Алексеевича Мазина.

Владимир Алексеевич Мазин (01.01.1951) — филолог, культуролог, член Союза писателей России. Первые его публикации относятся ко второй половине 60-х гг. С 1970 г. В.А.Мазин занимается культурно-просветительской работой и исследованиями региональной культуры Ханты-Мансийского автономного округа. Им впервые были созданы танцевальные композиции на этническом материале ваховских хантов, литературно обработаны произведения фольклора для сценического исполнения. Стихи, художественная проза и публицистика поэта печатались в коллективных сборниках, журналах, альманахах и хрестоматиях. В.А.Мазин является автором отдельных изданий 10 поэтических сборников, монографии о культуре обских угров, книг для детей. Владимир Алексеевич, работая над языком своих произведений, придает особое значение стилистическим приемам, в том числе, контекстуальным синонимам, которые делают его речь точной, яркой и образной. Как справедливо отметил А.М.Пешковский, «...оценить выбор автором того или другого синонима можно только при рассмотрении данного текста на фоне всего произведения или даже всех произведений данного автора» [15. С. 174].

Исследование лексических категорий и их стилистических особенностей в произведениях современности представляет наиболее ценный и обширный по своему составу лексический ресурс, богатый арсенал словесной культуры нации, классов лексики в современной лингвистике. «Синонимия является свойством всех развитых языков и воплощает выразительные возможности языковой системы. Универсальность этого явления, отражающего диалектическое взаимодействие семантического тождества и различия, коммуникативная предназначенность синонимов, активно используемая говорящим и пишущим, определили многоаспектность подходов к синонимическим связям» [16. С. 3].

Контекстуальная близость значений слов, отличительной чертой которой является выраженная контекстуально-ситуативная обусловленность и индивидуальный характер семантики, незакрепленность в словарях синонимов [1], открывает исследователю доступ к *единой «перцептивно-когнитивно-аффективно-информативной базе индивида»* [11. С. 8]. С.В.Лебедева и М.Ф.Палевская отмечают, что нигде так ярко

не проявляется авторская или субъективная индивидуальность, как при описании близости значения слов в разного рода контекстах [3; 14]. Г.В.Колшанский указывает также, что синонимия как категориальное семантическое явление в языке может рассматриваться только на уровне контекста, адекватность сигнификативного содержания слов и выражений определяется в рамках всего высказывания, а не выбором отдельных слов, встречающихся в различных контекстах и имеющих некоторую общность значения [3].

Контекстуальные синонимы определяются нами в качестве продукта индивидуального творческого акта, актуализирующего близость значений слов только в рамках определенного контекста. Анализ контекстуальных синонимов имеет особое значение при рассмотрении художественного текста. Возникновение синонимии этого типа обусловлено семантическими процессами, возникающими при взаимодействии значений слов в тексте, т.е. синонимичным сближением. Как известно, синонимы возникают из необходимости фиксировать в слове новые оттенки явления, представления или понятия. С другой стороны, такие слова могут характеризовать не самое явление, а своеобразное видение, оценку отношения к нему. В тексте одни и те же объективные свойства явления характеризуются разными словами в зависимости от оценки говорящего. Часто эти слова не являются синонимами в языковой системе, но близки к ним по значениям, потому что в окружении синонимических слов принимают на себя определенные их признаки, и поэтому воспринимаются как синонимичные. В таком случае происходит сближение в тексте значений слов, которые в языке не являются синонимами. Синонимичное сближение может возникать между родовыми и видовыми понятиями, между словами одной тематической группы. Согласимся с мнением Д.М.Шмелева, который утверждает, что «нет смысла возражать против обозначения контекстно сближенных слов термином “контекстные синонимы” или “ситуативные синонимы”, но следует при этом четко представлять себе, что в таком случае отмечаются не системные отношения, которые существуют в лексике, а (почти безграничные) возможности использования разнообразных слов в различных целях» [17. С. 202].

Контекстуальные синонимы (иногда их называют *контекстуально-речевые, ситуативные,*

оказиональные, индивидуальные, авторские) — слова, сближение которых по значению происходит лишь в условиях определенного контекста (вне этого контекста они не являются синонимами).

Рассмотрим контекст, в котором проявляется сближение лексических единиц:

*Щиплет бережно старик
Удивительные струны...
Повествует еле слышно
О течении времен;
Добротой ласкает слух...
Льет неистово талант.*
(«Скрипач у белой горы», 1979)

Контекстуальные синонимы *щиплет* — *повествует* — *ласкает* — *льет* отражают различные действия человека. Последовательность лексем передает своего рода этапы восприятия слушателем описываемой ситуации и одновременно демонстрирует эмоциональное воздействие описываемых языковых средств: у читателя возникает чувство успокоения и утешения.

Контекстуальные синонимы *облизана* — *облапана* — *окапана*, репрезентирующие индивидуально-авторский смысл в результате трансформации семантики, реализуют сразу несколько значений, взятых из исходного языкового значения лексемы, с одной стороны, и индивидуальной ассоциативной базы автора — с другой. Такие контекстуальные синонимы в творчестве В.А.Мазина, как правило, экспрессивно окрашены, их основная задача не назвать явление, а охарактеризовать его:

Стерильной не бывает правда,
Она *облизана*,
облапана
И ядом зависти *окапана*...
(«Стерильной не бывает правда...», 1979)

В данном контексте в основе синонимичности лежит явление фоносемантики — способности отдельных фонем выступать в качестве смыслообразующих. Ассоциативное сближение глаголов *облизана* — *облапана* — *окапана* происходит в результате благозвучия приставок *-об* и *-о*.

Приведем пример синонимического «заражения» слов, где задача синонимического ряда состоит в раскрытии разнообразия признаков:

*Как отжажду,
отжалею,
отслужу, —
Так уж точно, даже слова не скажу.*
(«Ничего тебе сегодня не скажу...», 1978)

Глаголы *отжажду* — *отжалею* — *отслужу* семантически сближаются в тексте благодаря повтору приставки *-от* и наличию общего семантического компонента с признаком «конца, прекращения, окончательного выполнения действия».

В поэтических произведениях В.А.Мазина использована функция синонимического противопоставления слов. Противопоставлять контекстуальные синонимы друг другу позволяет различие в их значении. Д.М.Шмелев отмечает, что смысловые и экспрессивные различия между словами-синонимами проявляются в тех случаях, когда они определенным образом противопоставляются в тексте [17. С. 198]. Противопоставление синонимов в поэтическом языке В.А.Мазина выражается различными синтаксическими средствами: противительными союзами, отрицательными частицами и реализуется контекстуальными синонимами:

Декабри да января
Разных лет соединяя,
Промолчи, не говори,
Что года людей меняют.
(«Соавторы любви», 1990)

Контекстуальные синонимы в поэзии В.А.Мазина используются для создания мелодичности, образности речи. Они употребляются не только в прямом, но и в переносном смысле. Сближение слов-контекстуальных синонимов репрезентирует семный состав лексического значения, с учетом контекстных связей:

Не *рыдания*, а *всхлипы*
Источает инструмент:
Стоны прожитого либо
Ожиданья перемен.
(«Скрипач у белой горы», 1979)

По данным словаря синонимов русского языка А.П.Евгеньевой, лексемы *рыдание*, *всхлип*, *стон* не выступают в качестве синонимов. Об этом свидетельствуют и дефиниции, приведенные в толковом словаре русского языка С.И.Ожегова: «Рыдать — громко, судорожно

плакать» [13. С. 689]; «Всхлип — судорожный громкий вздох при плаче» [13. С. 106]; «Стон — протяжный звук, издаваемый при сильной боли, страдании» [13. С. 770]. В рассматриваемом контексте синонимичность формируется на основе отражения в лексемах доминантного образа — звука, издаваемого инструментом.

Контекстуальные синонимы являются одним из важных средств экспрессии в творчестве В.А.Мазина. В поэтических текстах встречаются синонимические ряды, состоящие из четырёх и более контекстуальных синонимов, «наизывание» которых порождает градацию — каждый следующий синоним ослабляет значение предыдущего:

И родник *не сроднит*,
И тропа *не направит*,
И сосна *не спасет*,
И дожди *не пройдут*,
Если *не выбирал*,
С кем душой породниться...

(«Надпись на камне, поставленном на перепутье», 1982)

В данном примере контекстуальные глаголы-синонимы *не сроднит* — *не направит* — *не спасет* — *не пройдут* — *не выбирал* придают фразе выразительность, способствуют созданию ритма, динамики, делают текст эмоционально более насыщенным.

Распространенной функцией контекстуальных синонимов в поэтических текстах В.А.Мазина является дифференциация: уточнение, детализация изображаемого, где переход от одного синонима к другому дает новую, дополнительную информацию о предмете, его признаках или свойствах:

Я так далеко *уплывал*,
Избу оставляя на время!
Под звездами там *кочевал*,
Где отчее славилось племя.
(«Я рыбацкого племени сын», 1998)

По данным словаря С.И.Ожегова, лексема *уплывать* означает «отправляться, уезжать куда-либо водным путем» [13. С. 835], а *кочевать* соотносится с более широким понятием — «переезжать с места на место со своим жильем и имуществом; вести неоседлую жизнь» [13. С. 301]. Сочетание контекстуальных синонимических слов *уплывал* — *кочевал* передает на-

пряженное состояние автора. За счет сложения значений двух слов усиливается экспрессивность поэтического текста: я не просто *уплывал*, я *кочевал*, следовательно, синонимы выражают крайнюю границу чувства лирического героя.

Для поэзии В.А.Мазина со свойственным ей эмоциональным напряжением, с многообразными ассоциативными связями контекстуальная синонимия является одним из существенных выразительных средств. Такое синонимичное сближение слов необходимо, чтобы не потерять эмоциональности высказывания, если синонимов нет или синонимический ряд ограничен:

Мы *пространство* и *время* проехали,
Но все выше зовут облака —
Голоса неизвестные, эхо ли
Приближают иные *века*.
(«Торопясь не дослушали что-то мы...», 1999)

Слова *пространство* — *время* — *века*, которые в языковой системе не являются синонимами, в приведенном контексте связаны единством образа, представленного в авторской картине мира.

Синонимичное сближение слов ценно тем, что существенно увеличивает выразительные возможности синонимии. Задача контекстуальных синонимов заключается в том, чтобы описать интенсивность проявления действия:

По бездорожью лютому
На стойбище, к своим,
Оленьими маршрутами
Торопимся. *Бежим*.
(«Детское впечатление», 1998)

Контекстуальные синонимы *торопимся* — *бежим* выражают разную степень интенсивности движения и одновременно нарастания волнения лирического героя. Число и характер указанных слов расходятся с традиционно представленными в словарях синонимическими рядами.

В творчестве В.А.Мазина происходит своеобразное использование синонимов: при переносном употреблении слова приобретают собственными авторские смыслы. Называя одно имя за другим: *ручей-шептун*, *ручей-болтун* — *баловень* — *игрун*, автор создает синонимичный ряд, усиливающий оттенки значения:

Ручей-шептун, ручей-болтун
 Во мраке буерака,
 Природы баловень, игрун
 Резвиться близ Ларьяка.
 («Ручей-шептун, ручей-болтун», 1979)

Как следует из приведенного примера, поэт использовал в качестве синонимов разные именованья водного потока, который олицетворяется в контексте, наделяется человеческими чертами. По данным словаря С.И.Ожегова, «шептун — тот, кто шепчется» [13. С. 894]; «болтун — болтливый человек» [13. С. 55]; «баловень — человек, которого балуют, которому во всем потворствуют» [13. С. 35]; «игрун — тот, кто любит играть и резвиться» [13. С. 236]. Каждое из этих именованья связано между собой, синонимичность формируется на основе целостного образа — отображения качеств и свойств описываемого водного пространства.

Для сближения контекстуальных синонимов достаточно понятийной соотнесенности. В поэзии В.А.Мазина могут синонимизироваться слова, вызывающие в сознании читателя определенные ассоциации. Извозчика-мужчину писатель называет *возницей*, *плутом*:

Неровной улицей *возница* не доволен:
 Поклажа падает, и плачет кнут,
 Пытаясь запеть о тяжелой доле,
 Как промотавший счастье старый *плут*.
 («На телеге», 1995)

Лексемы *возница* и *плут* синонимичны в условиях данного контекста, синонимичность обусловлена содержанием высказывания, носит индивидуальный, авторский характер и не воспроизводится в языке.

Контекстуальные синонимы используются В.А.Мазиным для создания контраста: *заря* — *закатная пора* — *рассвет*, при этом особую роль выполняют различные признаки, способствующие выдвиганию значимой информации:

Дождь и слезы. Да *заря* —
 Не понять какая:
 То ль *закатная пора*,
 То ль *рассвет* играет.
 («Плачут, плачут вечера...», 1970)

Многочисленные примеры функционирования синонимов подтверждают, что «даже минимальное семантическое расхождение», спе-

цифический «остаток значения» двух синонимов может быть «раздут», абсолютизирован — и тогда синонимы превращаются в «контекстуальные антонимы» [12]. Из приведенных примеров видно, как на основе ассоциативной связи возникают ряды однородных членов, которые не являются синонимами, но объединяются общей семой, что создает впечатление общности их содержания.

Выделяя в качестве важнейшего условия лирического впечатления «смысловое эхо» или семантическую осложненность, Б.А.Ларин считал одним из главных средств его достижения плеонастическое сочетание сходнозначных выражений: «Последовательное накопление синонимичных фраз концентрирует внимание у одного стержня мысли, возбуждает слушателя (читателя) — испытать воображательные возможности данной темы и интеллектуальную эмоцию — узнавания непредвиденного подобия смысла в разнородных оборотах речи» [4. С. 73].

Так, повторенное слово *ехать* и его контекстуальный синоним *плыть* в стихотворении «На теплоходе» являются тем семантическим стержнем, на который нанизываются все метафористические номинации, создающие эмоциональную доминанту текста:

Все *ехать* бы, не подъезжая,
 Все *плыть* вдоль вахских берегов...
 Не дожидаясь урожая,
 Рассеиваться средь лугов...
 Упрямая, но не чужая,
 Волна вскипает от винтов...
 Все *ехать* бы, не подъезжая,
 Все *плыть* вдоль вахских берегов...
 («На теплоходе», 1995)

Говоря о роли синонимов в поэтическом тексте, нельзя не вспомнить глубокие, звучащие сегодня очень современно размышления о лирике Б.А.Ларина, который писал, что всеобщим и постоянным свойством лирики является ее «семантическая осложненность», которая достигается употреблением многозначных слов, «соединением синонимических речевых комплексов», сопоставлением «созвучных слов», «изломистостью речи», «чисто семантическими контрастами» [4].

Контекстуальные синонимы в творчестве В.А.Мазина со всей очевидностью обнаруживают свою онтологическую предназначенность — служить средством многомерного представления

объекта, инструментом коммуникативной «настройки», одним из ярких средств создания образности. Анализ языкового материала позволил установить, что в поэзии В.А.Мазина контекстуальные синонимы образуют синонимические ряды, состоящие из двух или трех, значительно реже — из большего числа лексем. На контекстуальные синонимы двухсловных и трехсловных рядов в их авторском использовании приходится наибольшая нагрузка и в смысловом, и

в количественном отношении. Своеобразие использования контекстуальных синонимов в творчестве В.А.Мазина проявляется в их выраженной контекстуальной обусловленности и закреплённости; в неустойчивости и ненормативности их употребления. Таким образом, можно говорить об авторском расширении границ семантического пространства в поэтической речи за счет семантики синонимичных рядов как стилистического средства выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десятова Т.Б. Синонимы языка и речи // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. Тверь, 2003. Вып. 1.
2. Евгеньева А.П. Построение словаря // Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. I. М., 2003.
3. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
4. Ларин Б.А. О лирике как разновидности художественной речи // Русская речь: Новая серия 1. Л., 1927.
5. Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: Дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2002.
6. Мазин В.А. Бубен и скрипка. Стихи. М., 2001.
7. Мазин В.А. Вихрастое золото. Стихи. М., 2000.
8. Мазин В.А. Ларьякский голос. Стихотворения. Нижневартовск, 1998.
9. Мазин В.А. Пристань радостей и печалей: Сборник стихов. Surgut, 1997.
10. Мазин В.А. Ритмы времени в рифмах судьбы: избранные стихотворения. Екатеринбург, 2010.
11. Неверова Т.А. Контекстуальная синонимия как средство репрезентации принципа триадности в трилогии Д.С.Мережковского «Христос и Антихрист»: Автореф. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2008.
12. Норман Б.Ю. Язык. Знакомый незнакомец. Минск, 1987.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова; изд. 24-е, испр. М., 1999.
14. Палевская М.Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964.
15. Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959.
16. Черняк В.Д. Синонимия в русском языке. Учеб. пособие. М., 2010.
17. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

REFERENCES

1. Desyatova T.B. Synonymy yazyka i rechi [Synonyms of language and speech] // Slovo i text: psikhologicheski podkhod [Word and Text: psycholinguistic approach]: Collected works. Tver, 2003. Vol. 1 (in Russian).
2. Evgenyeva A.P. Postroeniye slovarya [Building a dictionary] // Russian Thesaurus: 2 vol. Vol. I. Moscow, 2003 (in Russian).
3. Kolshansky G.V. Kontekstualnaya semantika [Contextual semantics]. Moscow, 1980 (in Russian).
4. Larin B.A. O lirike kak roznovidnosti khudozhestvennoy rechi [About the lyrics as a form of artistic speech] // Russkaya rech: New series 1. Leningrad, 1927 (in Russian).
5. Lebedev S.V. Blizost znacheniya slov v individualnom soznanii [Proximity of word meaning in the individual consciousness]: Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Tver, 2002 (in Russian).
6. Mazin V.A. Buben i skripka [Tambourine and violin]. Poems. Moscow, 2001 (in Russian).
7. Mazin V.A. Vikhrastoye zoloto [Whirly gold]. Poems. Moscow, 2000 (in Russian).
8. Mazin V.A. Laryaksky golos [Laryak voice]. Poems. Nizhnevartovsk, 1998 (in Russian).
9. Mazin V.A. Pristan' radostey i pechaley [Pier of joys and sorrows]. Collection of poems. Surgut, 1997 (in Russian).
10. Mazin V.A. Ritmy vremeni v rifmakh sudby [Rhythms of time in rhymes of fate]: Selected Poems. Ekaterinburg, 2010 (in Russian).
11. Neverova T.A. Kontekstualnaya sinonimiya kak sredstvo reprezentatsii printsipa triadnosti v trilogii D.S.Merezhkovskogo "Khristos i Antikhrist" [Contextual synonymy as a means of representing triad principle in a trilogy of

D.S.Merezhkovsky "Christ and Antichrist": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philology]. Pyatigorsk, 2008 (in Russian).

12. Norman B.Ju. Yazyk. Znakomy neznakomets [Language. Familiar stranger]. Minsk, 1987 (in Russian).

13. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. 24th edition, corrected. Moscow, 1999 (in Russian).

14. Palevsky M.F. Synonimy v russkom yazyke [Synonyms in the Russian language]. Moscow, 1964 (in Russian).

15. Peshkovski A.M. Selected Works. Moscow, 1959 (in Russian).

16. Chernyak V.D. Synonimiya v russkom yazyke [Synonyms in the Russian language]: Study Guide. Moscow, 2010 (in Russian).

17. Shmelev D.N. Sovremenny russky yazyk. Leksika [Modern Russian language: Lexics]. Moscow, 1977 (in Russian).

A.E.Belkova

Nizhnevartovsk, Russia

CONTEXTUAL SYNONYMS AS A STYLISTIC EXPRESSIVE MEANS IN VLADIMIR MAZIN'S POETRY

Abstract. Lexical categories and their stylistic features used in modern literary works are a most valuable lexical resource for linguistic research. One of the current problems in this area is the linguistic understanding of contextual synonyms of the modern Russian language. This study deals with contextual synonyms as a stylistic expressive means in the poetry of Vladimir Mazin, a modern poet of Khanty-Mansiysk Autonomous Area Yugra. Contextual synonyms used in the works of Vladimir Mazin have not been a subject of special scientific research yet, though his poetic texts contain a lot of material for the study. This article particularly concerns the poems of Vladimir Mazin published within the period of 1967—2001. In terms of theory and methodology, the study is based on lexicological and stylistic research of Russian linguists, including V.V.Vinogradov, N.M.Shansky, A.P.Evgenyeva, I.B.Golub, M.N.Kozhina, V.A.Beloshapkova, M.F.Palevsky and others. The basic research method is contextual analysis considering the impact of context on the meaning of synonyms. The research has a certain theoretical and practical significance, as its results can be used in lectures and practical classes of lexicology and speech culture aimed at the development of associative thinking and synonymous relations among schoolchildren and college students.

The analysis has showed that the contextual synonymization is based on individual intent of the poet and the nature of his poetic language. The distinguishing features of Mazin's contextual synonyms include apparent contextual causality and fixity; unstable and non-normative use of synonyms; absence of these words in dictionaries of synonyms. Lexical synonyms used by Mazin in his literary works clearly reveal their defining characteristics and purpose. They serve as a means of representing an object in a multidimensional way, as a means of communication "setting" and as one of the clearest expressive means.

Key words: synonymy; contextual synonyms; contextual antonyms; semantics; style; context.

About the author: Anna Evgenievna Belkova, Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Philology and Mass Communications.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 81.139

Л.Г.Викулова
Москва, Россия
Е.Ф.Серебренникова
Иркутск, Россия

СТРУКТУРЫ И СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ИММИГРАЦИЯ)

Аннотация. Статья посвящена способам конструирования социальной реальности в медийном дискурсе. В русле теоретической проблемы социальной роли языка в эпоху информационного общества в статье ставится вопрос о структурах и способах конструирования смыслов общего интереса в «центрах социальной напряженности», к числу которых относится социальная реальность трудовой миграции в современной России. Устанавливается, что в текстах медийного дискурса осуществляется мониторинг актуального состояния социального феномена и задаются когнитивные структуры его осмысления и оценивания в процессах медиатизации тематического контента. Основные методы исследования: контент-анализ, интерпретативный анализ, когнитивное моделирование.

В статье разрабатывается положение о том, что в коммуникативных координатах масс-медийной коммуникации медийный дискурс социальной реальности приобретает аксиологическую направленность, представляя сетку ценностей и ценностных ориентиров для определения дискурсивной идентичности публичного адресата. В этой связи выявляется аксиологическая полифония и поляризованность предметной сферы, виды элементов контента в их качестве структур репрезентации объектов медиатизации данного центра социальной напряженности. Намечается перспектива дальнейшего анализа в русле выявления стратегического и технологического характера данного типа социального дискурса.

Полученные результаты могут найти применение в области научных разработок по проблемам медийного и социального дискурса. Материалы и выводы могут быть также использованы в области образовательной деятельности: в курсах по теории коммуникации, дискурсивного анализа, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: социальная реальность; медийный дискурс; социальный феномен; центр социальной напряженности; ценностные ориентиры.

Сведения об авторах: Викулова Лариса Георгиевна¹, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии; Серебренникова Евгения Федоровна², доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии.

Место работы: ¹ Московский городской педагогический университет; ² Евразийский лингвистический институт (филиал Московского государственного лингвистического университета).

Контактная информация: ¹ 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б; e-mail: vikulovalg@mail.ru; ² 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 8; e-mail: ser_evgen@yahoo.com

В эпоху информационного общества и развития сетевой коммуникации проблема «конструирования социального» [5] и роли языка как «силы, конституирующей общество» [2] во многом сосредотачивается на исследовании фундаментального соотношения «социальная реальность — медийная реальность». В рамках данного соотношения возможно утверждение о том, что дискурс масс-медийного коммуникативного пространства является социальным по своей институциональности, публичной адресации, воздействующей ценностной телеологии. Реализуя специфическую *метафункцию*, данный дискурс референциально соотносится с событиями, явлениями, фактами — феноменологией социальной реальности.

Медиа-дискурс денотативно «отражает», описывает, реконструирует уже сложившуюся про-

блемную и сложную реальность, но не иконически, а интенционально и интерпретативно — символически, корректируя, трансформируя ее и даже «придумывая» правдоподобные факты по объективным и субъективным причинам. В этом плане медиа-дискурс можно рассматривать, с одной стороны, как способ «мониторинга» феноменологии фрагмента социальной реальности. С другой стороны, дискурс СМИ представляет собой способ формирования ценностных координат для определения *дискурсивной* идентичности адресата, которая параметризуется в векторах «я ↔ ты ↔ они», «мы ↔ они», «наши ↔ не наши», «свой ↔ иной ↔ чужой».

В медиатизации «контента», в содержании сообщения конструируется видение предмета сообщения в целевой направленности на ценностное «узаконивание» данного видения при

его восприятию и осмыслению адресатом. Такая направленность определяет акциональный, событийный потенциал дискурса, который, в презумпции, способен оказывать влияние на дифференциацию смыслов, мировоззрение и реальные коммуникативные и иные действия — реальную социальную практику в обществе. Конструируемый в дискурсе фрейм как «структура понимания и размышления» всегда «говорит» о ценностях [6]. В этом плане можно вести речь о медийном переосмыслении социальной реальности, которое происходит в процессах медиатизации процессов, фактов, лиц, событий.

Данное положение релевантно прежде всего по отношению к медиатизации явлений действительности, которые образуют «центры социальной напряженности» [1. С. 126] и становятся аттрактивными зонами коммуникативной медийной реальности. К ряду таких явлений, безусловно, относится *иммиграция* и, в частности, трудовая миграция в России. Медийное означивание в предметной сфере миграции представляет собой многоаспектное поле исследований. В свете постнеклассической эпистемы представляется возможным рассматривать предметную область *иммиграция* как «динамический объект», в терминологии А.В.Кирилиной, — «политизированный интернет-феномен, наблюдаемость и объективация развития которого обеспечивается техническими возможностями электронной коммуникации». Согласимся с мнением авторитетного лингвиста в том, что изучение такого динамического объекта, реагирующего на актуальные общественные изменения, важно и для диагностики межнациональной напряженности, в том числе в сфере иммиграции [3. С. 112—113].

Полифоничность открытого сетевого пространства делает значимым фактор коммуникативного статуса медиатора, который формулирует свою позицию в сообщении. Отметим, прежде всего, превалирование в данной предметной сфере позиций медиаторов — политиков, аналитиков, а также журналистов в их статусе ньюсмэйкеров.

Важными параметрами оказываются в этом плане те базовые концептуальные «матрицы», которые закладываются в импликационные структуры транслируемого смысла и определяют структурированное видение предмета сообщения — фрейм. Значим также и аксиологический интенс-анализ, когда учитываются аспекты интенциональности и целеполагания, опре-

деляющие предназначение определенных дискурсивных формаций.

Задачей нашего анализа является выявление содержательных структур дискурса предметной сферы *иммиграция* в российском медийном пространстве, способов их формулирования с акцентом на установление когнитивного аксиологического характера таких структур. Тем самым попытаемся определить параметры конструирования смыслов общего, социального характера в их вероятном событийном потенциале воздействия.

Именно в дискурсе политическом и аналитическом формулируется обобщающее сущностное определение иммиграции как феномена: *Иммиграция в России появилась как социальный феномен с 1992 года, после распада СССР* [26]; *Феномен под названием иммиграция* [7].

Контент дискурсов «медиаторов» данной предметной сферы выявляет наличие центра социальной напряженности посредством структур дескриптивного и нарративного характера, в оценочном плане диагностирующих критичность самой ситуации и состояния вовлеченных в нее «актантов» — коренного населения и мигрантов, профилируемых как пара социальных контрактантов: *Люди на пределе, их не защищают ни местные власти, ни депутаты разных уровней* [8]; *Они трудились несколько месяцев с 7 утра до 10 вечера, на обед получали в лучшем случае буханку хлеба, жили в таких условиях, что и собака не позавидует. И в результате оказались под угрозой штрафных санкций и принудительной депортации* [9].

Обращает на себя внимание насыщенность знаками «жесткой» тональности тех сообщений, которые передают «голос народа», коренных жителей и мигрантов (*люди на пределе, бесправность, жестокая эксплуатация*), а также обвинительная модальность высказываемой позиции посредством указания на «виновных» данной ситуации (*не защищают ни местные власти, ни депутаты разных уровней / эксплуатация со стороны нанимателей*).

При этом выделяются так называемые структуры-аттракторы — носители доминантных оценочных номинаций и квалификаций. Аттрактором оценки ситуации в данном случае следует считать структуру, возводящую критичность к максимальной степени угрозы — угрозе национальной безопасности: *Ситуация угрожает национальной безопасности страны* [10].

Центр социальной напряженности диагностирует поляризованность позиций, охватывающих все общество. В полифонии представлены голоса (позиции), в которых структурируется осмысление феномена и образа мигранта:

статусных политиков: «Криминальный Интернационал» — выражение из речи президента В.В.Путина перед Государственным Советом (декабрь 2013 г.) по отношению к нелегально действующим чиновникам и работодателям [10]; директор федеральной миграционной службы К.О.Ромодановский: «Скажу одно: есть два вида миграции — временная и постоянная. Временный мигрант — это иностранный гражданин, приезжающий в Россию с целью заработать денег, для того чтобы прокормить свою семью, оставшуюся на родине. Такой вид миграции нам в определенной степени выгоден. Что называется, приехал, отпахал, заработал денег и уехал домой. Но есть и минус такой миграции: эти работники — “временщики”. Зачастую они и русский язык, и нашу культуру плохо знают, и процесс интеграции у них намного сложнее» [11];

представителей местной власти: Я уже говорил на заседании Координационного совета, что они как тараканы начинают расползаться по всей Ленинградской области, как тараканы, абсолютно бесконтрольно (глава Ленинградской области А.Дрозденко) [12].

законодателей: Депутат Московской городской думы Виктор Волков объясняет, чем нехороши для россиян нелегальные мигранты: «... платим за них, за все именно мы. У них свои страны, пусть они в них и живут. Если они собираются жить в нашем городе, пусть платят налоги, пусть получают квоты на использование своего труда» [13];

экспертов: При нынешних, крайне тревожных темпах роста нелегальной трудовой миграции из Центральноазиатского региона, в среднесрочной перспективе она, даже при «плохом сценарии», вряд ли сможет превысить уровень в 5 млн. человек [14];

журналистов-аналитиков: Миграция — объективный и неизбежный процесс, который не остановить административными барьерами и полицейскими методами. Не только потому, что часть иммигрантов бежит от войн, голода и нищеты, но и потому, что поиск лучшей доли — естественное стремление человека [23];

представителей местного населения: Претензии местных жителей к мигрантам стан-

дартные — антисанитария, шум, навязчивое внимание к девушкам. По их словам, утром гастарбайтеры массово выходят совершать намаз под открытым небом, чем будят местных жителей, а вечером в большом количестве сидят на детских площадках, куда детей петербуржцы больше не отпускают [16];

представителей мигрантов, отстаивающих свои интересы: Бывают проблемы на работе или в учебном заведении из-за ношения головного платка мусульманками. Бывают порой и откровенные оскорбления и притеснения по национальному и религиозному признакам. А наши братья, приезжие из других стран, часто сталкиваются с проблемами невыплаты заработной платы работодателями [17].

Систематизация тематических констант и концептуальных переменных социального дискурса в области иммиграции, по данным российских СМИ, выявляет аксиологическую релевантность когнитивов — языковых структур, носителей фактологической и концептуальной информации в процессах медиатизации.

Выделяются:

- Когнитивы — именованья лиц актантов проблемной ситуации. В оппозитивной паре «местные жители / приезжие» в именовании «первой стороны» пары выделяется знак явной эмпатии, толерантности — люди. В ряду с нейтральными, политкорректными — работники, иностранные рабочие, иммигранты, трудовой мигрант, граждане республик бывшего Советского Союза, сезонные рабочие из Поднебесной, мусульманки. Вместе с тем превалирует интолерантность, проявляющаяся в номинациях, идентифицирующих мигрантов через пейоративную черту — нелегалы, пришлые мигранты, лица азиатской, кавказской и другой неевропейской внешности, а также оценочные номинации: безграмотный и примитивный люд, иждивенцы, батраки.

Гастарбайтер является наиболее употребительным именованьем мигранта в повседневном общении и прессе. В этой связи актуален проект НТВ «Гастарбайтеры. История всероссийского обмана»: С самого начала расследования мы были не против гастарбайтеров. Мы против черного, фактически невольничьего рынка торговли людьми. Более того, мы за то, чтобы гастарбайтеров не было вообще. А были бы рабочие, которые получают зарплату и обладают всеми правами, вне зависимости от того, откуда они приехали [18].

Этот жаргонный термин, заимствованный из немецкого языка, обозначал изначально иностранных рабочих из слаборазвитых стран, выполняющих определенные, часто малооплачиваемые, виды работ на основе отношений временного найма [19]. Термин получил в России широкое распространение в конце 90-х гг., а в настоящее время слово широко используется и в устной, и в письменной речи, как правило, с негативной окраской. Столь высокая валидация данного знака может быть объяснена его ироничной синергией оценивания: объединением в нем, с одной стороны, смысла «иностранности», идущего от его характера как заимствования, а с другой стороны — его относительной корректностью.

- Когнитивы базовой оценочной категоризации «свой /чужой». На «поверхностном» уровне оппозиция раскрывается в понятиях национальной, этнокультурной идентичности контрактантов и солидаризации на основе данной идентичности: *А наши братья, приезжие из других стран / люди, русское население.* В контекстах мнения о событиях, экспертно-аналитического и политического суждения начальная оппозиция преодолевается через ценность более общего порядка — **достоинство** человека и общества, поскольку обе стороны оппозиции представляются страдающей стороной, и для обеих сторон в равной мере нарушается достоинство как человека и гражданина.

- Предикативные когнитивы, номинирующие ситуации, в которые включена фигура иммигранта — *депортация, выдворение, выживание, изгнание, разрешение, пребывание, репатриация, ассимиляция, интеграция;* при этом иммигрант представлен как лицо — объект действия или состояния.

Одним из ведущих когнитивов контента, представляющих целевое, действенное отношение к иммигрантам, является «выдворение» (*выдворить, выгнать*), что придает агрессивность дискурсу: *Российские СМИ: мигрантов либо нужно **выгнать** из Москвы, либо тотально ассимилировать* [20].

Такой дискурс может быть не только агрессивным, но и ироничным: *Под покровом ночи из Твери в Душанбе были выдворены 30 нелегальных мигрантов. Эта процедура пришлось по душе жителям южных республик. Дорога в родные края для них будет быстрой и комфортной — на самолете, причем бесплатно.*

Все расходы на себя взяла Российская Федерация [21].

- Когнитивы, репрезентирующие образ иммигранта: *перелетные птицы, современные беженцы в России;* в том числе присутствует ироничный, даже саркастический оттенок: *пришельцы из благородных стран.* Отметим попытку метонимического изображения иммигрантов: *<...>скандальная история с опубликованием на сайте программы «Толерантность» брошюры, в которой трудовые мигранты изображены в виде рабочих инструментов: веника, валика, шпателя и кисти* [22].

- Когнитивы пропозиционального контента — структуры, представляющие «конструктивные» решения по проблеме иммигрантов: *активнее содействовать добровольному переселению соотечественников, практика этнического квотирования, обязательное дактилоскопирование всех въезжающих на территорию страны, разработка кодекса иммигранта.*

В качестве наиболее эффективных регулятивов ситуации выделяются когнитивы типа: *вести иммиграцию в пространство права и воспитывать уважение к культуре и обычаям страны пребывания.*

При этом в аналитических статьях, посвященных феномену иммиграции и выработке политического отношения к нему, прослеживается линия сравнения ситуации в России и в Европе: ***Вся Европа движется к установлению правых режимов, которые будут вводить жесткие ограничения по миграции, которые будут проводить политику по ассимиляции тех, кто уже приехал и хочет ассимилироваться, и по частичному выдворению тех, кто не хочет ассимилироваться. У Европы без этого практически нет будущего*** [20].

- Когнитивы отношения (аттитуда, личностного отношения) — структуры, выражающие отношение эмпатии, сострадания: *бедные люди, незаслуженные изгои общества, обреченные на дешевое существование.* Например, в рассуждениях правозащитников выражено сочувствие: *Чего уж говорить про бывших наших соотечественников из развалившегося Советского Союза, которые чувствуют себя еще более бесправными и незащищенными, попадая в зависимость от милиции и работодателей. Оказаться в числе «нелегалов» очень просто* [15].

- Когнитивы контента объективизированного отношения — структуры объективизированной оценки, выражающей в основном признание

нужности иммигрантов как рабочей силы или квалификацию их как конкурентов на рынке труда: *мигранты — экономическая и демографическая выгода. В глобальном мире миграция — явление закономерное, и давно самой жизнью доказано, что наряду с неизбежным дискомфортом мигранты приносят местным жителям огромную выгоду* [24].

• Когнитивы контента общей оценки феномена иммиграции и ее атрибутов:

— абстрагированные или отглагольные существительные *опасность, оккупирование, криминалитет;*

— пропозитивные структуры: *нехватка рабочих рук: без иммигрантов России не справиться;*

— дескриптивные, нарративные структуры, организованные аргументативно: *наркотики въезжают в страну с иммигрантами;*

— номинация реалий иммиграции: *резиновые квартиры, отстойники для иммигрантов;*

• Когнитивы формирующегося стереотипа об иммигрантах и иммиграции: *Стереотипное представление о том, что террорист — это обязательно загорелый бородатый приезжий, надежно закрепилось в умах не только широкой общественности, но и работников спецслужб* [25].

Обоснованным в данном русле анализа можно считать общий вывод о том, что современный жизненный мир обостряет оценочную моделизацию человека, делает особо значимыми

ценности личностного и социального достоинства человека. Фактически в медиа-дискурсе, обращенном к острой предметной сфере *иммиграция*, имеет место *феномен провоцирования*, который, согласно мнению В.Н. Степанова, имеет такие онтологические признаки, как выражение коммуникативного намерения говорящего, опора на конкретную ситуацию общения, полиадресность [4. С. 223—224]. В приведенных примерах наблюдается как «интенциональное состояние толерантности» (готовность взаимодействовать с Другим), так и «интенциональное состояние интолерантности» (нетерпимость говорящего по отношению к адресату, намерение навязать свою манеру поведения) [4. С. 224].

Это приводит к трансформациям в системе ценностей и антиценностей национальной аксиосферы. В медийном дискурсе центры социальной напряженности регулируются аттракторами — структурами дискурса, которые в наибольшей степени определяют событийный потенциал дискурса, способны вызвать переосмысление, переориентацию процессов означивания адресатом, что способствует языковым новообразованиям. Изучение их стратегического и технологического потенциала представляет собой один из актуальных аспектов анализа. Социальный дискурс в медийном пространстве не только отражает, «перехватывает» динамику данных трансформаций, но и конструирует ценностные позиции и ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
2. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
3. Кирилина А.В. Исследование Интернет-дискурса в свете постнеклассической эпистемы // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Часть I. М., 2014.
4. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб., 2008.
5. Berger P., Luckman T. La construction sociale de la réalité. P., 1986.
6. Lakoff G. Framing: it's about values and ideas. URL: www.rockridgeinstitute.org/research/lakoff/valuesideas
7. URL: http://emigration.russie.ru/news/7/11144_1.htm
8. URL: <http://www.eizh.ru/articles/konfli>
9. URL: <http://www.km.ru>
10. URL: <http://grani.ru/Economy/m.111461.html>
11. URL: <http://uvdpk.ru/stati/622>
12. URL: <http://www.dp.ru/a/2013/03/27>
13. URL: <http://www.svoboda.org>
14. URL: <http://www.regnum.ru/news/803013.html>
15. URL: <http://www.liveinternet.ru>
16. URL: <http://polit.neva.today/news/55157>
17. URL: <http://baikal24.ru/page.php?action>
18. URL: <http://rusbiathlon.ru/people-write-and-say/id18663>

19. URL: <http://btimes.ru/dictionary/gastarbaiter>
20. URL: <http://novostink.ru/sng/14194>
21. URL: <http://tverigrad.ru/tag/vydvorenie-migrantov>
22. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/05/12/2013/892956.shtml
23. URL: <http://www.liveinternet.ru/users>
24. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/28/migr.html>
25. URL: <http://slon.ru/world>
26. URL: <http://www.xserver.ru/user/rarem>

REFERENCES

1. Vepreva I.T. Yazykovaya refleksia v postsovetskuyu epokhu [Language reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg, 2002 (in Russian).
2. Dijk T.A. van. Diskurs i vlast: reprezentatsia dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow, 2013 (in Russian).
3. Kirilina A.V. Issledovaniye Internet-diskursa v svete postklassicheskoy epistemey [Study of Internet-discourse in the light of post-classic episteme] // Diskurs kak sotsialnaya deyatelnost: priority i perspektivy. Part I. Moscow, 2014 (in Russian).
4. Stepanov V.N. Provotsirovaniye v sotsialnoy i massovoy kommunikatsii: monografiya [Provoking in social and mass communication]. St. Petersburg, 2008 (in Russian).
5. Berger P., Luckman T. La construction sociale de la réalité. P., 1986.
6. Lakoff G. Framing: it's about values and ideas. URL: <http://www.rockridgeinstitute.org/research/lakoff/valuesideas>
7. URL: http://emigration.russie.ru/news/7/11144_1.htm
8. URL: <http://www.eizh.ru/articles/konfli>
9. URL: <http://www.km.ru>
10. URL: <http://grani.ru/Economy/m.111461.html>
11. URL: <http://uvdpk.ru/stati/622>
12. URL: <http://www.dp.ru/a/2013/03/27>
13. URL: <http://www.svoboda.org>
14. URL: <http://www.regnum.ru/news/803013.html>
15. URL: <http://www.liveinternet.ru>
16. URL: <http://polit.neva.today/news/55157>
17. URL: <http://baikal24.ru/page.php?action>
18. URL: <http://rusbiathlon.ru/people-write-and-say/id18663>
19. URL: <http://btimes.ru/dictionary/gastarbaiter>
20. URL: <http://novostink.ru/sng/14194>
21. URL: <http://tverigrad.ru/tag/vydvorenie-migrantov>
22. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/05/12/2013/892956.shtml
23. URL: <http://www.liveinternet.ru/users>
24. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/28/migr.html>
25. URL: <http://slon.ru/world>
26. URL: <http://www.xserver.ru/user/rarem>

L. G. Vikulova

Moscow, Russia

E. F. Serebrennikova

Irkutsk, Russia

STRUCTURE AND METHODS OF DESIGNING A SOCIAL REALITY IN THE MEDIA DISCOURSE (SUBJECT AREA OF IMMIGRATION)

Abstract. This article is devoted to the methods of designing a social reality in the media discourse. In the line with the theoretical problems of the language social role in the information society, the article raises the question about the structure and methods of designing the meanings of public interest in the “centers of social tension”, which include the social reality of labor migration in modern Russia. The authors argue that media texts monitor the current status of this social phenomenon and set cognitive reflective and evaluative structures in the process of

mediatization of the thematic content. The basic research techniques used in the study include content analysis, interpretative analysis, cognitive modeling.

The authors develop an idea that media discourse of social reality in mass media communication coordinates acquires axiological orientation, presenting itself as a grid of values and value guidance used to determine the discourse identity of the public addressee. In this regard, the axiological polyphony and polarity of the subject area are revealed where the types of content elements act as carriers of dominant general meanings — attractors representing the structures of understanding and evaluating the objects of mediatization of the social tension center. The prospect of further analysis lies in line with the identifying the strategic and technological character of this type of social discourse.

The results of the study can be used in scientific research of media and social discourse. The materials and conclusions can also be used in the educational activities, such as educational courses of communication theory, discourse analysis, intercultural communication.

Key words: social reality, media discourse, a social phenomenon, a center of social tension, values.

About the authors: Larisa Georgievna Vikulova¹, Doctor of Philology, Professor at the Department of Romance Philology; Evgenia Fedorovna Serebrennikova², Doctor of Philology, Professor at the Department of Romance Philology.

Place of employment: ¹ Moscow City Teachers' Training University; ² Moscow State Linguistic University, Eurasian Linguistic University (Irkutsk branch)

УДК 81.111

И.А.Дьяченко
Абакан, Россия

СИМУЛЯЦИЯ ИНТЕНЦИИ «БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению симулятивных стратегий языковой личности на базе политического дискурса. В качестве объекта исследования выступает дискурс Б.Доула, кандидата республиканской партии в период избирательной кампании 1996 года. Предмет исследования — симулятивные стратегии, используемые политиком. Цель — выявить коммуникативные стратегии, направленные на симуляцию интенции «борьба за власть» в политическом дискурсе и описать лингвистические способы их реализации.

Основные методы исследования: интерпретативный метод, метод дефиниционного анализа, метод прагмалингвистического анализа, методы логико-риторического и семантического анализов, терминологический аппарат теории речевых актов.

В статье разрабатывается положение о том, что в отдельных случаях интенция «бороться за власть» в политическом дискурсе симулируется. Симуляция интенции «борьба за власть» имеет стратегический характер. На основании теоретических воззрений Д.Кристалла, а именно его положения о мотивах, лежащих в основе непрототипических вопросов, которые нередко задаются в условиях политической конфронтации, были описаны следующие стратегии — причинить неприятность оппоненту, сфокусировать общественное внимание на выгодной проблеме, выразить солидарность с партийной линией. Данные стратегии в рамках настоящего исследования признаются симулятивными стратегиями. Вербальными средствами реализации указанных стратегий являются косвенные директивные речевые акты, ассертивные высказывания с количественной оценкой, негативно окрашенная лексика, аллюзивные отсылки, репрезентирующие общеамериканские ценности и ценности Республиканской партии.

Полученные результаты могут найти применение в области научных разработок. Использованная методика выявления симулятивных стратегий может послужить основой изучения аналогичных стратегий, используемых другими политиками. Материалы и выводы могут быть также использованы в области образовательной деятельности: в курсах по теории коммуникации, интерпретации текста, дискурсивного анализа, межкультурной коммуникации, в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: политический дискурс; стратегия; интенция «борьба за власть»; речевой акт; ассертив; высказывание; ценность.

Сведения об авторе: Дьяченко Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания.

Место работы: Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова.

Контактная информация: 655010, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90; e-mail: dialex09@mail.ru

По мнению большинства исследователей политического дискурса, основной его целью является «борьба за власть» [2; 3; 4], а также «овладение ею, сохранение, осуществление, стабилизация и перераспределение» [4. С. 35].

В борьбе за власть и за ее удержание политические лидеры нередко прибегают к использованию различных коммуникативных стратегий и тактик. Так, например, в исследовании О.Н.Паршиной выделяется целый ряд стратегий и тактик, используемых в политическом дискурсе: стратегии дискредитации и нападения (тактика обвинения, тактика оскорбления), манипулятивная стратегия (демагогические приемы, манипулятивные тактики), стратегия самозащиты (тактика оправдания, оспаривания, критики), информационно-интерпретационная стратегия (тактика разъяснения, тактика комментирования) и т.д. [2. С. 56—84].

Политическая власть — явление зыбкое и крайне нестабильное. В рамках политической коммуникации существует множество факторов, способных поставить под угрозу авторитет политика или вовсе привести к потере его власти. Например, необходимость отвечать на неудобные, компрометирующие вопросы, ответы на которые могут нанести ущерб имиджу политика, заставить усомниться в его компетентности, вызвать негативную реакцию со стороны электората. В таких случаях нередко используются различные приемы ухода от ответа, например: уход от ответа через переформулирование вопроса, уход от прямого ответа через намек, уход от содержательного ответа через псевдоответ, переключение темы за счет сочетания краткого ответа типа «да/нет» по существу вопроса с развернутым ответом «не по делу» [4. С. 229]. Перечисленные приемы уклонения от ответа, по сути, являются симуляцией подлинного ответа. Ответ осуществляется, но не содержит никакого смысла, происходит имитация, иллюзия ответа. О симуляции ответа также можно говорить в случае нарушения основных постулатов, вытекающих из принципа кооперативного общения Г.П.Грайса [1].

В ходе исследования было установлено, что в диалогических жанрах политического дискурса возможна симуляция не только ответа на вопрос, но и симуляция самого вопроса, а именно вопроса, имеющего прототипную интенцию (желание получить информацию в силу действительной заинтересованности или незнания чего-либо). Так, например, в парламентских дебатах,

по мнению Д.Кристалла, достаточно редко задаются «настоящие» вопросы, на которые говорящие стремятся получить «настоящие» ответы. Мотив вопроса, будучи обусловленным политической конфронтацией или иными факторами, может никак не вытекать из его пропозиционального содержания. Вопрос для того, кто его задает, — это шанс «сфокусировать общественное мнение на проблеме, выразить солидарность с партийной линией, причинить неприятность оппоненту. Это также шанс привлечь внимание к собственной персоне, свести старые счеты, отдать долг своим избирателям» [5. С. 379].

В ходе нашего исследования было установлено, что предложенные Д.Кристаллом мотивы, лежащие в основе непрототипических вопросов, могут применяться не только для объяснения симуляции таких вопросов в политическом дискурсе, но также рассматриваться как отдельные стратегии, связанные одной общей интенцией «борьба за власть».

Исходя из того, что вопросы, вызванные данными мотивами, являются своего рода симулякрами, участие в каком-либо политическом событии, основанное на стратегиях Д.Кристалла, также можно рассматривать как симуляцию участия, а следовательно, и как симуляцию интенции «борьба за власть».

В настоящей статье мы намерены проиллюстрировать вышеуказанные стратегии Д.Кристалла на материале политического дискурса. В качестве примера рассмотрим фрагменты предвыборных дебатов Б.Клинтонна, кандидата партии демократов, и его главного оппонента Б.Доула, кандидата республиканской партии, в период избирательной кампании 1996 года.

Приступая к анализу, необходимо дать некоторые пояснения относительно политической обстановки в период кампании 1996 года. В период названной избирательной кампании кандидат республиканской партии Б.Доул выполнял, говоря на языке профессиональных политпиарщиков, так называемую роль «камикадзе», но не как политик, а как кандидат в президенты. На момент выборов Б.Доулу было 72 года, у республиканцев не было никаких шансов на победу. Правомерно предположить, что кандидатура Б.Доула была выдвинута для того, чтобы он действовал в полном соответствии с «формулой» Д.Кристалла.

Итак, согласно формуле Д.Кристалла, первое, что было необходимо сделать Б.Доулу — это сфокусировать общественное внимание на

выгодной для него проблеме, а именно на событиях, порочащих репутацию Б.Клинтона. Дело в том, что в 1994—1996 гг. чету Клинтон об- виняли (в республиканской прессе) в том, что в бытность Б.Клинтона губернатором Арканзаса супруги проводили незаконные сделки со страховыми и строительными компаниями. Х.Клинтон, будучи юристом, являлась главным консультантом крупнейшей из этих компаний. Подозрение было в том, что имело место так называемое *insider trading*, т.е. передача конфиденциальной информации от губернатора с целью заключения наиболее выгодных сделок. Поскольку до судебного разбирательства дело не дошло, Б.Доул прибегает к «обходному» дискурсивному ходу: ставит проблему, требуя от президента комиссива (обещания), что президент берет на себя обязательство не вовлекать свое имя в преступные сделки. Рассмотрим следующий фрагмент:

Well, bringing people together, again, is obviously a responsibility we all have. I know you do it. Everybody here does it. You do a lot of things nobody knows about. I have a little foundation for the disabled called the Dole Foundation. We've raised about \$10 million. We don't talk about it. We try to help people with disabilities. Bring them back into the mainstream of public life. So it seems to me that there's also a public trust. When you're the president of the United States, you have a public trust and you have to keep that public trust, as George Washington, as Abraham Lincoln did. And I think now that trust is being violated and it seems to me we ought to face up to it, and the president ought to say tonight that he's not going to pardon anybody that he was involved in business with who might implicate him later on [7].

С точки зрения речевых актов в данном примере мы имеем косвенный директивный речевой акт (*the president ought to say tonight that he's not going to pardon anybody that he was involved in business with who might implicate him later on*). Данный речевой акт включает в себе требование того, чтобы президент взял на себя определенное обязательство. Кроме того, данное требование выдвигается от имени народа, поскольку именно доверие народа было подорвано (*when you're the president of the United States, you have a public trust... that trust is being violated...*). Президенту необходимо заново укрепить это доверие с помощью комиссивного речевого акта.

Таким образом, Б.Доул, прибегая к распространному дискурсивному ходу, ставит проблему, тем самым сдвигая фокус коммуникации в будущее.

В следующем примере фокусируется внимание на той же самой проблеме, но несколько иначе, в режиме конфронтации точек зрения:

I think the basic difference is, and I have had some experience in this, I think the basic difference, I trust the people. The President trusts the government. We go back and look at the healthcare plan that he wanted to impose on the American people. One seventh the total economy, 17 new taxes, price controls, 35 to 50 new bureaucracies that cost \$1.5 trillion. Don't forget that, that happened in 1993. A tax increase, a tax everybody in America [6].

В данном фрагменте Б. Доул помещает в фокус общественного внимания проблему доверия народа президенту и, наоборот, доверие президента народу.

Противопоставляя две противоположные точки зрения, представленные в подчеркнутых высказываниях, политический субъект конструирует данное противоречие по шкале «свои—чужие» (народ и правительство) и определяет свое место в рамках данной оппозиции.

В предыдущем примере политический субъект подчеркивал, что доверие народа было подорвано президентом. В данном примере Доул акцентирует внимание на том, что президент не только потерял доверие людей, но и сам не доверяет людям, а верит правительству (*the President trusts the government*). При этом Б.Доул конкретизирует, что он, в отличие от президента, доверяет людям (*I trust the people*), следовательно, и они должны доверять ему.

Таким образом, Б.Доул подчеркивает свою принадлежность народу, идентифицирует себя с ним и относит себя к «кругу своих»: я доверяю людям → я являюсь «своим» → люди могут доверять мне. Напротив, своего политического соперника Доул причисляет к «кругу чужих»: президент нарушил доверие народа → президент является «чужим» → ему не следует больше доверять; президент доверяет правительству, следовательно, президент не доверяет народу → президент составляет «круг чужих» → ему нельзя доверять.

Кроме того, говоря о действиях президента и последствиях этих действий, Б.Доул использует слова, в значениях которых заключена отрицательная оценка, что также подчеркивает

расстановку на «своих» и «чужих»: *impose* (1. *If you impose a rule, tax, punishment etc., you force people to accept it; 2. to force someone to have the same ideas, beliefs etc. as you* [10. С. 726]), *bureaucracies* (*a complicated official system which is annoying or confusing because it has too many rules, processes etc.* [10. С. 177]).

Необходимо подчеркнуть роль количественной оценки. В анализируемом фрагменте приводятся ассертивные высказывания с количественной оценкой последствий новой системы здравоохранения, предложенной президентом (*one seventh the total economy, 17 new taxes, price controls, 35 to 50 new bureaucracies that cost \$1.5 trillion*). Введение количественной оценки, включающей статистические данные, делает утверждение Б.Доула более обоснованным, тем самым значительно увеличивает совокупную иллюкативную силу высказывания.

Второе, что необходимо было сделать Б.Доулу — это выразить солидарность с партийной линией республиканцев. Провозглашая ценности республиканцев, он отождествляет себя с этой партией, стремится создать впечатление общности взглядов, интересов, устремлений. Рассмотрим следующие фрагменты дискурса:

And our history shows that the greatest force for economic growth, for lifting the *poor* from *poverty*, for opening opportunities for productive, fulfilling lives for all, is the force of a free people, free to go where God and their dreams guide them. That's what America's all about in the first place [8].

В высказывании *for opening opportunities for productive, fulfilling lives for all* политический субъект демонстрирует одну из общеамериканских ценностей: «*equality of opportunity*». Демонстрируя приверженность этой ценности, политический субъект подчеркивает, что он разделяет общеамериканские ценности, ему не чужды ценностные ориентиры всей страны.

Кроме этого, проявляя солидарность с консервативной линией, в данном отрывке политический субъект демонстрирует один из лютеранских принципов: «*follow God's calling*», который чтут именно консерваторы. Как пишет Дж. Лакофф, Бог является одной из наиболее сильных составляющих идеологии консерваторов: Бог находится на вершине иерархии всего сущего и создает законы — заповеди, определяет, что хорошо, а что плохо. Каждый, кто следует заповедям Бога, получит вознаграждение, в противном случае будет наказан [9. С. 81—82]. В приведенном фрагменте политический субъект

эксPLICITно демонстрирует эту ценность в высказывании: *free to go where God and their dreams guide them*.

Рассмотрим следующие фрагменты дискурса, в которых также демонстрируется солидарность с партийной линией консерваторов:

And that is what built America into the most prosperous, generous nation on earth. And that's what my program is all about. That is why we're going to balance the budget, cut taxes, and remove the dead weight of government to unleash the full potential of the American people once again [8].

We've all watched the Olympics, but we're like that Olympic runner with 50 pound weights attached to our legs. It's time to unshackle the U.S. economy from big government, from the big government ball and chain, and go for the gold. And we're going to go for the gold [8].

В выделенных высказываниях демонстрируется приверженность такой республиканской ценности, как «*Smaller Government*», которая в совокупности с такими, как «*Strong Defense*», «*Free Markets*», «*Lower Taxes*», «*Family Values*», составляют философию консерваторов, так называемую *философию десяти слов* (ten-word philosophy) [9].

Следующее, что было необходимо предпринять Б.Доулу, — это причинить неприятность своему политическому сопернику, подорвать его авторитет, наконец, дискредитировать его. Так, в своих предвыборных выступлениях 1996 г. Б.Доул неоднократно подчеркивает, что Б.Клинтон подорвал экономику страны, и теперь, спустя четыре года его властвования, экономическое состояние страны близко к критическому. Например, такое заявление Б.Клинтона, как «*We are better off than we were four years ago*» (*первые дебаты*) Б.Доул комментирует следующим образом:

And I may be better off four years from now, but I don't know. I looked at the slowest growth in the century. He inherited a growth of 4.7-4.8 percent, now it's down to about 2.4 percent. We're going to pass a million bankruptcies this year for the first time in history. We've got stagnant wages. In fact, women's wages have dropped 2.2 percent. Men's wages haven't gone up, gone down. So we have stagnation [6].

Экономическое состояние страны характеризуется крайне отрицательно, в стране экономический застой (*stagnation*). При этом имеют место банкротства (*bankruptcies*), не индексированные зарплаты (*stagnant wages*).

Страна имеет самую большую внешнеэкономическую задолженность (*foreign debt*) за всю историю. Впервые в истории почти половина заработка уходит на выплату налогов:

We have the highest foreign debt in history. And it seems to me that if you take a look, are you better off?... They're working harder and higher and harder paying more taxes. For the first time in history, you pay about 40 percent of what you earn. More than you spend for food, clothing and shelter combined for taxes under this administration. So some may be better off [6].

Таким образом, основной целью участия Б.Дуола в выборах являлось причинить неприятность оппоненту, сфокусировать общественное внимание на выгодной для него проблеме и выразить солидарность с партийной линией республиканцев. Можно сказать, что его участие было своего рода политическим знаком перехода республиканцев к консервативным ценностям.

Кроме того, следует отметить, что в политическом дискурсе Б.Дуола наблюдается использование неполиткорректных номинаций. Пола-

гаем, что это является следствием стремления к консервативному дискурсу. Например, употребление таких номинаций, как *disabled, poor* является характерным для языка времен Р.Рейгана, а именно инволюционный поворот общественного сознания к тем временам планировался стратегиями республиканцев.

В заключение еще раз отметим, что захват, удержание и стабилизация политической власти во многом зависят от речевого поведения политика, в частности, от умения правильно выбирать наиболее эффективные коммуникативные стратегии и языковые средства. Симуляция интенции «борьба за власть» также имеет стратегический характер. В рамках настоящего исследования нами рассмотрено три стратегии: причинить неприятность оппоненту, сфокусировать общественное внимание на выгодной проблеме, выразить солидарность с партийной линией, которые можно назвать симулятивными стратегиями. Однако, полагаем, что спектр симулятивных стратегий гораздо шире и разнообразнее и представляет несомненный интерес для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс П.Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. № 16.
2. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М., 2007.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
5. Crystal D. Political English // The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 1995.
6. Dole B. The First Clinton-Dole Presidential Debate. URL: <http://www.millercenter.org/president/speeches/speech-4598>
7. Dole B. The Second Clinton-Dole Presidential Debate. URL: <http://www.debates.org/index.php?page=october-16-1996-debate>
8. Dole B. Dole's Economic and Tax Plans. URL: <http://www.nytimes.com/1996/08/06/us/excerpts-from-speech-outlining-dole-s-economic-and-tax-plans.html>
9. Lakoff G. Don't think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. Melbourne, 2004.
10. Longman Advanced American Dictionary / Ed. by A.Gadsby. Harlow, 2000.

REFERENCES

1. Grice P.G. Logika i rechevoye obshcheniye // Novoye v zarubezhnoy linstivike [Logic and verbal communication // New in foreign linguistics]. 1985. No. 16 (in Russian).
2. Parshina O.N. Rossiyskaya politicheskaya rech: teoriya i praktika [Russian political speech: theory and practice]. Moscow, 2007 (in Russian).
3. Chudinov A.P. Politicheskaya linstivika [Political linguistics]. Moscow, 2007 (in Russian).
4. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of the political discourse]. Volgograd, 2000 (in Russian).
5. Crystal D. Political English // The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 1995.
6. Dole B. The First Clinton-Dole Presidential Debate. URL: <http://www.millercenter.org/president/speeches/speech-4598>

7. Dole B. The Second Clinton-Dole Presidential Debate. URL: <http://www.debates.org/index.php?page=october-16-1996-debate>
8. Dole B. Dole's Economic and Tax Plans. URL: <http://www.nytimes.com/1996/08/06/us/excerpts-from-speech-outlining-dole-s-economic-and-tax-plans.html>
9. Lakoff G. Don't think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. Melbourne, 2004. – P.114.
10. Longman Advanced American Dictionary / Ed. By A. Gadsby. – Harlow, 2000. – P. 1746.

I.A.Dyachenko
Abakan, Russia

SIMULATION OF INTENTION «THE FIGHT FOR POWER» IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The given paper is concerned with the simulative strategies of the language personality in political discourse. The object of the study is the discourse of B.Dole, Republican presidential candidate of 1996. The subject of the study is the simulative strategies used by the politician. The main goal of the study is to identify the communicative strategies used to simulate the intention «the fight for power» in political discourse and to describe the linguistic means of their realization.

The following linguistic methods are used: interpretative method, the method of definition analysis, the method of pragmatological analysis, the methods of logical-rhetoric and semantic analyses, terminological apparatus of speech acts theory.

The paper claims the idea that in some cases the main intention of political discourse, the fight for power, is simulated. The simulation of the intention «the fight for power» has a strategic character. On the basis of D.Crystal's theoretical views on the motives underlying nonprototypical questions that are often asked in the process of political confrontation, the following strategies have been described — to get an opponent into trouble, to focus public attention on the advantageous issue, to express solidarity with the Republican party line. The language means of realization of these strategies are indirect directive speech acts, assertive speech acts with quantifiers, words with negative connotations, allusive references to the American values and the values of the Republican party.

The results and materials of the study can be used in the sphere of scientific research and education. The methodology of describing the simulative strategies used in the paper can be employed in studying analogous communicative strategies used in the discourses of other politicians. The materials can also be used in developing and teaching the courses in intercultural communication, the theory of communication, text interpretation, discourse analysis.

Key words: political discourse; strategy; intention «the fight for power»; speech act; assertive; utterance; value.

About author: Irina Aleksandrovna Dyachenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Dotcent) at the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Languages.

Place of employment: Katanov State University of Khakasia.

УДК 811.11-112

У.А.Жаркова
Челябинск, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ ТИПА ТЕКСТА «СПОРТИВНЫЙ АНОНС» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. Исследование посвящено феномену интердискурсивности в рамках медиапространства и проводится на материале немецкоязычных текстов спортивных анонсов. Целью исследования является обоснование интердискурсивной природы медийного текста, интегрирующего черты журналистского, рекламного и PR-дискурсов. В основе исследования — методология дискурс-анализа, предполагающая типологизацию дискурса и изучение основных дискурсивных стратегий с учетом релевантных признаков типа дискурса.

В ходе исследования отмечено, что массовый характер медийной коммуникации приводит к размытию границ между отдельными коммуникационными пространствами, что ведет к появлению феномена интердискурсивности. В широком смысле интердискурсивность понимается как взаимопроникновение дискурсов, взаимодействие различных систем знания и культурных кодов. Интердискурсивность может рассматриваться как взаимодействие художественного дискурса с различными дискурсами и знаковыми системами. Интердискурсивность в семиотическом смысле рассматривается как форма взаимодействия различных по своей семиотической природе дискурсов, которая ведет к созданию синтетических текстов, а также является механизмом их рецепции. Публицистический, рекламный, PR-типы медиадискурса сопоставлены по характеру воздействия на реципиента, характеру аудитории, особенностям подачи информации, конечной цели и ожидаемому эффекту информирования, средствам воздействия, типу авторства и типу речевого воздействия.

Заложенный в основу теории интердискурсивности принцип взаимопроникновения дискурсов детерминирует рассмотрение интегративной природы некоторых медийных жанров, в частности, один из типов текстов с ярко выраженной прагматической природой — спортивный анонс. Глобальной стратегией, определяющей специфику типа текста «спортивный анонс» во всех рассматриваемых типах медиадискурса, является стратегия информирования. В журналистском дискурсе это новость, которая призвана удовлетворить любопытство читателя. В рекламном дискурсе предлагается информация о наличии события как товара и его характеристиках, и эта информация сообщается с целью привлечь внимание к предмету рекламы, обеспечить участие адресата в анонсируемом мероприятии; в PR-дискурсе — информация, в получении которой реципиентом заинтересован заказчик PR-текста, с целью повысить имидж компании, устраивающей спортивное мероприятие.

Использование в тексте анонса специализированных вербальных средств обеспечивает реализацию стратегий разных видов дискурса, в частности, элативы в контекстах с упоминанием организатора мероприятия воплощают стратегию самопозиционирования, характерную для PR-дискурса. Использование специальной спортивной лексики ограничивает целевую аудиторию, что прагматически характерно для рекламного дискурса.

Проведенный анализ доказал, что интердискурсивность может быть понята как интеграция коммуникативно-прагматических черт в рамках одного типа медиатекста. Текст спортивного анонса представляет собой один из интердискурсивных медиажанров, который воплощает черты журналистского, рекламного и PR-дискурсов на уровне вербализации стратегий речевого воздействия: информирование, аргументация, самопозиционирование, формирование оценки. Основные выводы исследования могут быть использованы в теоретическом и прикладном жанроведении и в практике PR- и рекламных кампаний.

Ключевые слова: дискурс; интердискурсивность; стратегия; типология текстов; спортивный анонс.

Сведения об авторе: Жаркова Ульяна Анатольевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой немецкого языка.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454000, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129; тел. 3517997151; E-mail: germancsu@gmail.com

Непрерывное развитие коммуникационных технологий и выделение массовой коммуникации в отдельную область лингвистических исследований привело к появлению и бурному развитию медиакоммуникативистики. В рамках изучения массовой коммуникации проводятся исследования медиадискурса, который можно определить как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [2]. Медиадискурс представляет собой систему текстов, относящихся к различным видам деятельности, реализуемую в поле массовой коммуникации.

Массовый характер медийной коммуникации приводит к размытию границ между отдельными коммуникационными пространствами. Отчасти это приводит к интенсивному междискурсивному взаимодействию, к которому можно приме-

нить термин «интердискурсивность». Категория интердискурсивности имеет более чем 40-летнюю историю развития: зародившись в трудах французской школы анализа дискурса, а также в исследованиях школы «автоматического анализа дискурса» М.Пешё, категория интердискурса оформилась в масштабную основу для изучения сложнейших видов современных дискурсов [1; 4]. В широком смысле интердискурсивность понимается как интеграция, взаимодействие, взаимопроникновение дискурсов, «перекрещивание различных областей человеческого знания и практики» [9]. В категории интердискурсивности отражается взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий [10]. Различные подходы к рассматриваемой категории во многом детерминированы сферой ее исследования. Так, интердискурсивность может рассматриваться как взаимодействие

художественного дискурса постмодернизма с различными дискурсами (религиозным, философским и др.) и знаковыми системами (литературой, музыкой и др.) [4]. При этом, как правило, исследуется определенный тип дискурса с точки зрения интериоризации в нем признаков других дискурсов, назовем это моноцентрированным подходом. Существует также тенденция к рассмотрению интердискурсивности в сугубо семиотическом смысле, как «формы взаимодействия различных по своей семиотической природе дискурсов, которая ведет к созданию синтетических текстов, а также является механизмом их рецепции» [3]. В этом случае интердискурсивность эксплицируется посредством использования в тексте особых эксплицитно выраженных языковых (лексических единиц, грамматических форм, синтаксических структур) и неязыковых (шрифта, схем, рисунков, фотографий, экстралингвистического контекста) маркеров, совокупность которых актуализирует в сознании адреса-

та иной тип текста/дискурса [6]. При этом сигналами/маркерами интердискурсивного взаимодействия могут стать монтаж или смешение текстовых типов, паралингвистические и графические средства [11].

В исследованиях Н.Н. Оломской по коммуникативно-функциональному критерию выделяются следующие типы медиадискурса: публицистический, рекламный, PR-дискурс [5].

Развернутое сравнение дискурсивных свойств журналистского, рекламного и PR-текста позволило сделать наблюдения, представленные в Таблице 1.

Заложенный в основу теории интердискурсивности принцип взаимопроникновения дискурсов детерминирует рассмотрение интегративной природы некоторых медийных жанров. Как один из типов текстов с ярко выраженной прагматической природой может быть рассмотрен спортивный анонс.

Таблица 1

Сопоставление дискурсивных черт журналистского, рекламного, PR-текстов

	Журналистский дискурс	Рекламный дискурс	PR-дискурс
Воздействие на аудиторию	Косвенное ослабленное воздействие	Прямое воздействие	Косвенное воздействие
Характер аудитории	Читатель издания	Целевая аудитория, потенциальный потребитель	Целевая аудитория и ее окружение
Особенности информирования	Сенсационность, «обычное через необычное»	Эмоциональный фон информирования	Содержательная информация доминирует, манипулирование через информирование
Конечная цель	Информирование, влияние на ценностные установки аудитории	Материальная выгода	Формирование имиджа, повышение рейтинга
Эффект	Не запланирован	Сиюминутное решение о покупке	Долгосрочный эффект, формирование репутации
Средства воздействия	Экспрессивный ресурс языка	Образы, символы, ассоциации	Мифы, стереотипы, ритуалы
Тип авторства	Авторский	Неавторский	Неавторский
Тип речевого воздействия	Аналитика и влияние на общественное мнение (ментальный дизайн)	Влияние на поведение	Влияние на отношение

Анонс как тип текста традиционно рассматривается как дискурсивный жанр публицистики, рекламы, PR. В публицистике под анонсом понимается заметка, «представляющая собой превентивное сообщение о будущих всевозможных культурных мероприятиях, выставках, концертах и пр.» [8]. В таком понимании анонс близок к объявлению. Но анонс описывает только события, еще не произошедшие, в то время как объявление может информировать и о процессе, который либо происходит сейчас, либо уже завершился. Например, объявление о завершении соревнований. Кроме того, в объявлении отсутствует информация о предыстории мероприятия, его причинах и условиях проведения. В журналистике встречается и статейный анонс — заметка, которая относится к статье и размещается обычно на первой полосе. Анонс близок и к рекламному тексту. Однако целью анонса является, как правило, информирование о времени и главных сторонах запланированного события, о наиболее важных его предпосылках и этапах, а не привлечение как можно большего числа посетителей. В современном медиaprостранстве встречаются и анонсы с применением тактик воздействия на читателя. Таким образом происходит сращение информационного и рекламного дискурсов, а жанр анонса наделяется новыми функциями [7]. Существует, однако, и такое понятие, как рекламный анонс — сообщение о предстоящем появлении чего-то, например, о предстоящем выходе товаров на рынок, введении новых услуг и т.д. В сфере PR-коммуникации можно встретить термин «пресс-релиз-анонс». Релиз-анонс, в отличие от пост-релиза, представляет собой превентивное сообщение о будущем событии, его цель — дать журналистам объективную и оптимизированную краткую информацию о предстоящем новостном событии (времени, месте, особенностях его проведения). В основе релиза-анонса лежит информация о фактах, событиях, которые должны произойти в ближайшем будущем [12]. Функция анонса в этом случае — привлечение внимания СМИ. Грамотно составленный релиз-анонс привлечет журналистов на мероприятие и подтолкнет к освещению события в прессе.

Существование анонса в различных типах дискурса является предпосылкой для его особой гибридной природы. Важным фактором формирования анонса как медиажанра является его коммуникативно-прагматическая составляющая. Особенность адресата медиадискурса

состоит в его вовлеченности в прагматическую ситуацию, так что рассмотрение средств воздействия на реципиента в рамках реализации тех или иных речевых стратегий требует учета интердискурсивной специфики жанра анонса.

Глобальной стратегией, определяющей специфику типа текста «спортивный анонс» во всех рассматриваемых типах медиадискурса, является стратегия информирования. В журнальном дискурсе это новость, которая призвана удовлетворить любопытство читателя, т.е. предлагаемая по запросу реципиента, и это конечная цель новостного информирования. В рекламном дискурсе предлагается информация о наличии события как товара и его характеристиках, и эта информация сообщается с целью привлечь внимание к предмету рекламы (например, авторалли); в PR-дискурсе — информация, в получении которой реципиентом заинтересован скорее не он сам, а заказчик PR-текста, причем с целью повысить имидж компании, устраивающей данное авторалли. Иначе говоря, журналистский текст преследует цель, чтобы читатель узнал о мероприятии, рекламный — чтобы читатель посетил мероприятие, PR — чтобы читатель, узнав о мероприятии или посетив его, проникся уважением к компании-организатору.

Спортивный анонс — это сообщение о том, что в определенное время в определенном месте состоится спортивное мероприятие. С содержательной точки зрения есть смысл различать анонсы массовых мероприятий, в которых адресат анонса может лично поучаствовать как спортсмен-любитель, и анонсы мероприятий, на которые адресат анонса приглашается как зритель. Этим определяется в ряде случаев репрезентация некоторых стратегий.

Внешняя структура анонса отчасти подобна рекламному тексту: включает заголовок, лид, основной текст и рубрики с основной информацией о дате, месте проведения, условиях участия (оплате или ее отсутствии) и контактами организаторов. В отношении выбора заголовка у различных медиаисточников существуют различные традиции. Так, сайт спортивного комплекса Гармиш-Партенкирхен (www.gara.de) в качестве заголовков, как правило, выбирает фразу, дающую характеристику анонсируемому событию — «Segway — Spaß für Jedermann», в то время как сайт компании Ред Булл (www.redbull.com) использует название самого мероприятия «Night of the Jumps: Hamburg».

В содержательной структуре реализуется основная речевая стратегия: информирование. Информационная структура коррелирует с внешней текстовой структурой анонса. Несмотря на наличие особых информирующих строк-рубрик *Wo: Wann:* и т.п., дата, время, условия участия, включая стоимость, часто дублируются в тексте, например:

NIGHT OF THE JUMPS: HAMBURG

Ort

02 World, Hamburg (Markiere diese Adresse)

Start

24.05.2013 um 20.00

Ende

25.05.2013 um 23.00

Über

Für den 24. und 25. Mai werden Tonnen von Sand in die 02 World Hamburg geschafft... (www.red-bull.com)

Эта избыточность информации обусловлена, очевидно, доминированием информативной, новостной составляющей анонса.

Информирование может быть представлено в анонсе эксплицитно, вне сопровождающих коммуникативных целей и задач:

... findet bei jedem Wetter statt, Regenbekleidung kann ausgeliehen werden. Bei extrem schlechtem Wetter wird vom Vernastalter abgesagt. (www.gapa.de)

Eine Anmeldung ist nicht erforderlich und die Teilnahme ist kostenlos. (www.gapa.de)

In der Sport-Schießanlage in Schützenkeller des Kurhauses Garmisch inmitten des Kurparks findet das Gäste-Luftgewehr-Schießen statt. Dabei kann man sich im Schützenkeller mit dem Luftgewehr am 10-Meter-Stand versuchen. Geschossen wird auf eine Ring-Scheibe. (www.gapa.de)

Однако информация о том, что то или иное мероприятие состоится, не исчерпывает содержания анонса. Одним из важнейших элементов содержательной структуры анонса является аргументация участия в нем в качестве спортсмена или зрителя. Аргументация в спортивном анонсе осуществляется как рационально, так и эмоционально.

Стратегия аргументации чаще всего зависит от типа мероприятия.

Для событий, в которых читатель приглашается в качестве участника-спортсмена, анонс приводит следующие аргументы:

- мероприятие объединяет единомышленников

Ziel ist es, wie sollte es auch anders sein, Menschen zusammenzubringen, die die Leidenschaft des Laufsports miteinander teilen;

- мероприятие поможет побороть лень и холод, узнать свой потенциал

Gerade im Winter ist der „innere Schweinehund“ oft sehr groß.

Dazu kommt noch die Kälte. Auch hier kann ein Lauftreff helfen, die Motivation zu steigern.

Echte Tauzieher messen ihre Kräfte;

- мероприятие дает повод поболтать со знаменитыми спортсменами

An den Lauftreffs werden auch regelmäßig Topläufer aus der Region (wie z.B. Ellen Clemens, Andrew Syme u.s.w.) teilnehmen, die beim gemeinsamen Lauf aus dem Nähkästchen plaudern und Tipps geben;

- мероприятие дает повод позаботиться о своем организме, духе, душе

Es bewirkt eine tiefgreifende Regeneration des menschlichen Organismus und ist eine Wohltat für Körper, Geist und Seele;

- мероприятие дает заняться трендовым видом спорта

...bieten wir Ihnen die Möglichkeit diese Trendsportart auszuüben;

- привлекательные условия оплаты или ее отсутствие

Gegen eine geringe Teilnahmegebühr

Der Eintritt ist frei;

- возможность получить свидетельство или приз

Jeder Teilnehmer erhält eine Urkunde. Zu gewinnen gibt es das Gästeschieß-Abzeichen in Gold, Silber oder Bronze.

В текстах анонсов относительного большого объема аргументация может быть развернутой, аргумент может стать лейтмотивом, реализующимся лексемами с общей семантикой, например:

Ziel ist es, wie sollte es auch anders sein, Menschen zusammenzubringen, die die Leidenschaft des Laufsports miteinander teilen. Gerade im Winter ist der „innere Schweinehund“ oft sehr groß.

*Als Berufstätiger kommt man am Laufen im Dunkeln fast nicht vorbei. Da macht es schon deutlich mehr Spaß, **in der Gruppe** unterwegs zu sein. Dazu kommt noch die Kälte. Auch hier kann ein **Lauf-treff** helfen, die Motivation zu steigern.*

*An den Laufreffs werden auch regelmäßig Top-läufer aus der Region (wie z.B. Ellen Clemens, Andrew Syme u.s.w.) teilnehmen, die **beim gemeinsamen Lauf** aus dem Nähkästchen plaudern und Tipps geben.*

В текстах анонсов, ориентированных на потенциальных посетителей-зрителей мероприятия, аргументация реализуется менее рационально, как правило, текст:

- апеллирует к грандиозности мероприятия

*Mit zahlreichen Besuchern zählt der Event zu Österreichs größten Trendsportveranstaltungen
20.000 Zuseher werden erwartet.*

Tonnen von Sand

fast 800.000 Zuschauer zieht dieses gigantische Spektakel europaweit an. 5 Tonnen Eisen und Stahl, rund 1200 PS, mehr als 5000 NM Drehmoment, in knapp über 5 Sekunden zur abgeriegelten Höchstgeschwindigkeit von 160 km/h, mehr als 1 Liter Diesel pro Kilometer, das sind die Kurzdaten für einen Race Truck;

- подчеркивает исключительные, эксклюзивные характеристики мероприятия

***Das größte** Action-Sport-Spektakel des Sommers*

*Die Rennen am Norisring zählen Jahr für Jahr zu den **spannendsten Events** im Rennkalender;*

- позиционирует мероприятие в контексте подобных событий, в частности, анонсирует возобновление или продолжение традиции

Red Bull Berg Line, der Highlight-Event von Europas größtem Mountainbike-Freeride-Festival iXS Dirt Masters, ist zurück. Am 7.September ist es zum bereits 26.Mal soweit;

- сообщает о проведении мероприятия впервые

...kommt zum ersten Mal nach Deutschland

...findet zum allerersten Mal in Österreich statt.

Аргументом в пользу посещения или участия в мероприятии является также указание на его участников или организаторов. В качестве таковых упоминаются, чаще всего с суперлативной характеристикой,

прецедентные имена:

Garmisch-Partenkirchen Tourismus und die Luna-Yoga® Lehrerin Petra Porath

Kein geringerer als Darren Berrecloth, MTB-Profi und bekannter Trackdesigner;

Einer der größten Stars der Serie

Der Sohn der spanischen Rallye-Legende startet in seine erste Saison in der GP3,

Der deutsche Youngster Daniel Abt;

субъекты спортивной деятельности:

mit ausgebildeten Trainern

Die 30 besten Fahrer der FMB World Tour werden Tricks und Sprünge zeigen, die es in Deutschland sonst nicht zu sehen gibt

einige der besten Fahrer der Welt

Welt echte Tauzieher aus allen Altersklassen

einige der besten Skateboarder, BMXer, Mountainbiker und Freestyle-Motocrosser

Topläufer aus der Region (wie z.B. Ellen Clemens, Andrew Syme u.s.w.).

Включение спортивного события в контекст традиционных мероприятий, как и упоминание прецедентных имен, позволяет анонсу реализовать функцию интертекстуальности. Это повышает в глазах читателя статус мероприятия и его организатора.

BMW versucht seine erfolgreiche Titelverteidigung als dritter deutscher Premium-Automobilhersteller in der populärsten internationalen Tourenwagenserie, im Kampf mit Audi und Mercedes-Benz.

Одной из составляющих ядра жанрообразующих признаков анонса является идентификация адресата (целевой аудитории). Маркером максимально широкой целевой аудитории являются обобщенно-личные местоимения *alle, jede*, устойчивые выражения со схожей семантикой:

... für Jedermann

Alle Fans von Freestyle-Motocross

für Jung und Alt.

Типичным разделением спортивной аудитории анонса является дифференциация опытных спортсменов и новичков:

Nordic Walkinggruppen: Gemütliche Gruppe - für Anfänger ca. 1,5 Std. Geübte Gruppe - für geübte Walker ca. 2 Std.

Ограничение целевой аудитории часто является мнимым, так как при желании «ограничивающие» характеристики каждый реципиент может применить к себе:

...für alle ambitionierten Läufer.

Объективные ограничения целевой аудитории — вес, возраст, наличие опыта — встречаются нечасто:

Mitmachen kann jeder, der sich zu einem Team zusammenschließt und gemeinsam nicht mehr als 650 kg auf die Waage bringt.

Mindestalter: 15 Jahre, Führerschein / Mofa-Prüfbescheinigung

Körpergewicht: 45-117 kg.

Специализация целевой аудитории может быть также косвенной, прежде всего за счет использования англицизмов и спортивной терминологии и специальной лексики:

Weitsprung, Stabhochsprung, Wakeboard, Paso Doble.

Использование терминов и англицизмов повышает паблицитность текста, а также делает его интересным для специалистов в том или ином виде спорта, позволяет читателю, с одной стороны, почувствовать себя в кругу «своих», самоидентифицировать себя в сообществе посвященных, а с другой стороны — ограничить целевую аудиторию анонса.

Релевантным для интердискурсивной природы спортивного анонса в медиапространстве является признак мелиоративности, при этом акцентуация позитивных характеристик работает на реализацию различных стратегий, прежде всего самопозиционирования и аргументации. Мелиоративные коннотации формируются в спортивном анонсе в отношении

- организатора мероприятия (бренда):

Gesundheitsfördernde Maßnahmen in Garmisch-Partenkirchen

Im ehrwürdigen Ambiente des Olympiaparks;

- самого мероприятия:

der Highlight-Event

Baden ist nicht nur das einzige Masters der Saison, sondern auch das wahrscheinlich wichtigste Turnier für die EM-Qualifikation.

Мелиоративы семантически дублируются элитивными (высокооценочными) конструкциями:

die populärste internationale Tourenwagenserie am Red Bull Ring Motorsport

auf der wohl berühmtesten Amüsiermeile der Welt.

Косвенное воздействие на аудиторию, характерное для журналистского дискурса, осуществляется, в частности, за счет использования в тексте анонса элементов разговорного стиля:

eine noch spannendere DTM gespickt mit jeder Menge Spannung

Gerade im Winter ist der „innere Schweinehund“ oft sehr groß. Als Berufstätiger kommt man am Laufen im Dunkeln fast nicht vorbei. Da macht es schon deutlich mehr Spaß, in der Gruppe unterwegs zu sein. Dazu kommt noch die Kälte.

Denn das beste Team unter ihnen kämpft gegen die härtesten Jungs vom Kiez.

Элементы разговорного стиля формируют также экспрессивность текста спортивного анонса, точно так же как восклицательные предложения:

Viel Spaß!

Feiertag keine Führung!

Непосредственная апелляция к потенциальным потребителям, характерная для рекламного текста, воплощена в императивных конструкциях:

Werden Sie Teil einer inzigartigen Bewegung!

Проведенный анализ доказывает, что интердискурсивность может быть понята как интеграция коммуникативно-прагматических черт в рамках одного типа медиатекста. Текст спортивного анонса представляет собой один из интердискурсивных медиажанров, воплощающих черты журналистского, рекламного и PR-дискурсов на уровне вербализации стратегий речевого воздействия: информирование, аргументация, самопозиционирование, формирование оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарникова Е.А. Интердискурсивное взаимодействие как основа формирования и представления специальных знаний // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2011. Вып. 2.
2. Кожемякин Е. Массовая коммуникация и медиадискурс: к проблеме методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 12. Т. 6.
3. Мельникова О.А. Интердискурсивность как коммуникативный феномен: На материале поздних альбомов Pink Floyd: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 20014.
4. Олизько Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2007. Вып. 15 (93).
5. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17).
6. Сачава О.С. Текстобразующий потенциал инсценируемой интердискурсивности (на материале современного немецкого языка): Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. СПб., 2009.
7. Стрельникова Е.С. Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2006. Вып. 5.
8. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.
9. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст — Дискурс — Стиль. Коммуникация в экономике / Отв. ред. В.Е.Чернявская. СПб., 2003.
10. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы / Отв. ред. В.Е.Чернявская. СПб., 2007.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие. М., 2009.
12. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика: Учеб. пособие. М., 2003.

REFERENCES

1. Bocharnikova E.A. Interdiskursivnoe vzaimodeistviye kak osnova formirovaniya i predstavleniya spetsialnykh znaniy [Interdiscourse interaction as the basis for the formation and representation of special knowledge] // Bulletin of Astrakhan State Technical University. 2011. Issue № 2 (in Russian).
2. Kozhemjakin E. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k problem metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: the problem of the research methodology] // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities. 2010. №2 (73). Issue 11 (in Russian).
3. Melnikova O.A. Interdiskursivnost kak kommunikativny fenomen: na materiale pozdnykh albomov Pink Floyd [Interdiscursivity as a communicative phenomenon: based on later albums of Pink Floyd]: Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Tver, 2014 (in Russian).
4. Olizko N.S. Interdiskursivnost kak kategoriya postmodernistskogo pisma [Interdiscursivity as a category of postmodern letters] // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts. 2007. Issue 15 (93) (in Russian).
5. Olomskaya N.N. K voprosu o zhanrovoy klassifikatsii mediadiskursa [On the question of genre classification of media discourse] // Nauchny dialog. 2013. №5 (17). Philology (in Russian).
6. Sachava O.S. Tekstoobrazuyushiy potentsial instseniruemy interdiskursivnosti (na material sovremennogo nemetskogo yazyka) [Text-forming potential of staged interdiscourse (based on the modern German language)]: Dissertation abstract for the degree of Doctor of Philology. Saint-Petersburg, 2009 (in Russian).
7. Strelnikova E.S. Reklama kak objekt izucheniya v sovremennoy lingvisticheskoy literature [Advertising as an object of study in modern linguistic literature] // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2006. Issue № 5 (in Russian).
8. Tertychny A.A. Zhanry periodicheskoy pechaty [Genres of periodicals]. Moscow, 2000 (in Russian).
9. Chernjavskaja V.E. Intertekstualnost i interdikursivnost [Intertextuality and interdiscursivity] // Tekst – diskurs – stil. Kommunikatsiya v ekonomike. St Petersburg, 2003 (in Russian).
10. Chernjavskaja V.E. Otkryty tekst i otrkryty diskurs: Intertesktualnost – diskursivnost – interdikursivnost [Open text and open discourse: Intertextuality – discursivity – interdiscursivity] // Linvistika teksta i diskursivny analiz: traditsii i perspektivy. Saint-Petersburg, 2007 (in Russian).
11. Chernjavskaja V.E. Lingvistika teksta: Polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost [Text Linguistics: Policoding, intertextuality, interdiscursivity]. Textbook. Moscow, 2009 (in Russian).
12. Chumikov A.N., Bocharov M.P. Svyazi s obshchestvennostiyu: teoria i praktika [Public Relations: Theory and Practice]: Study guide. Moscow, 2003 (in Russian).

U.A.Zharkova
Chelyabinsk, Russia

TO THE PROBLEM OF INTERDISCURSIVITY OF «SPORTS ANNOUNCEMENT» TYPE OF TEXT (BASED ON THE GERMAN-LANGUAGE TEXTS)

Abstract. The study is devoted to the phenomenon of interdiscursivity within the media space and is conducted on the basis of German-language texts of sports announcements. The aim of the study is to validate the interdiscourse nature of media text integrating the features of journalistic, advertising and PR-discourses. The study is based on methodology of discourse analysis, which assumes typology of discourse and study of the main discursive strategies taking into account the relevant features of the type of discourse.

The study observes that massive media communication leads to a blurring of the boundaries between the separate communicative spaces, which leads to the emergence of interdiscursivity phenomenon. Interdiscursivity is broadly understood as interpenetration of discourses, the interaction of different knowledge systems and cultural codes. Interdiscursivity can be seen as the interaction of artistic discourse with different discourses and sign systems. Interdiscursivity in semiotic sense is regarded as a form of interaction of different discourses of various semiotic natures, which leads to the creation of synthetic texts, as well as it is a mechanism for their reception. Journalistic, advertising, PR-types of media discourse are compared by the nature of exposure to the recipient, the nature of the audience, the peculiarities of information presentation, the final aim and the expected effect of information, the means of exposure, the type of authorship, and the type of speech influence. The principle of discourses interpenetration laying in the basis of interdiscursivity theory determines the consideration of integrative nature of certain media genres, in particular one of the types of texts with a strong pragmatic nature, that is a sports announcement. The global strategy determining the specific character of the "sports announcement" text type in all types of considered media discourse is the information strategy. In journalistic discourse it is news, which is aimed to satisfy the curiosity of the reader. In advertising discourse information about event availability as a commodity and its characteristics is offered, and this information is reported to draw attention to the subject of advertising, to ensure the participation of the recipient in the event advertised. In PR-discourse it is information in reception of which by the recipient the PR-text customer is interested in, in order to improve the image of the company organizing the sports tournament. Using of the announcement of the specialized verbal means in the text provides the implementation of strategies of different discourse types, in particular, relatives in contexts mentioning the event organizer embody self-positioning strategy, characteristic of PR-discourse. Using special sports vocabulary restricts the target audience which is pragmatically typical of an advertising discourse. The analysis conducted shows that interdiscursivity can be understood as the integration of communicative-pragmatic features within a single type of media text. The text of the sports announcement is one of interdiscursive media genres embodying features of journalistic, advertising and PR-discourses at the level of verbalization of speech influence strategies: awareness, reasoning, self-positioning, evaluation formation. The main conclusions of the study can be used in theoretical and applied genre studies and in PR and advertising campaigns in practice.

Key words: discourse; interdiscourse; strategy; text typology; the sport announcement.

About the author: Zharkova Uliana Anatolievna, Candidate of Philology, Head of German Department.

Place of employment: The State University of Chelyabinsk.

УДК 81.33

Л.А.Нефёдова
Челябинск, Россия
Э.Ш.Никифорова
Костанай, Казахстан

КОНТАКТУСТАНАВЛИВАЮЩИЕ ТАКТИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ, КАЗАХОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Повышенное внимание к речевому поведению в области профессиональной коммуникации обуславливает интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего в сфере правовой деятельности. В данной работе авторы подробно рассматривают контактоустанавливающие тактики как часть стратегии эмоционального воздействия в текстах русского, казахского и американского судебного дискурса.

Отмечается, что влияние этнокультурных факторов на различия в речевом поведении профессиональных участников русского, казахского и американского судебного дискурса еще недостаточно исследовано. Проведенное исследование характеризуется стремлением выявить зависимость речевого поведения профессиональных участников судебной коммуникации (выбор коммуникативных тактик в рамках базовых стратегий) от их социальных ролей, а также от особенностей национального менталитета представителей рассматриваемых лингвокультур. При проведении исследования интегрируются достижения лингвоконфликтологии, социолингвистики, теории интерпретации, теории речевых актов, а также юриспруденции, коммуникативистики и когнитологии.

В рамках комплексного подхода к изучению судебной коммуникации выявлены и описаны в сопоставительном аспекте ранее системно не представленные в теории языка тактики коммуникативного воздействия профессиональных участников судебного дискурса (прокуроров и адвокатов) русской, казахской и американской лингвокультур; установлены использованные при их реализации лингвистические, стилистические и риторические средства и приемы; определена этнокультурная специфика речевого поведения представителей рассмотренных лингвокультур в сфере судебной коммуникации.

В работе использовались следующие методы исследования: гипотетико-индуктивный метод, описательный метод, интроспекция, интерпретация, контекстуально-функциональный сопоставительный качественный и количественный анализ, метод сплошной выборки.

Среди основных результатов проведенного исследования выделяют следующие:

1. Вариативность и гибкость в построении коммуникативных стратегий достигается применением определенного набора коммуникативных тактик, выбор которых определяется коммуникативными намерениями и коммуникативной ситуацией.

2. Этнокультурные особенности судебного дискурса могут быть выявлены в результате анализа набора и частотности применения коммуникативных тактик в рамках реализации основных коммуникативных стратегий его участниками. Контактостанавливающие тактики в рамках стратегии эмоционального воздействия, в частности, отличаются рядом изоморфных и алломорфных черт в рассматриваемых лингвокультурах, что наглядно иллюстрируется в работе.

Достоверность полученных результатов подтверждается объемом выборки проанализированных единиц, а также глубоким комплексным анализом собранного материала. Материалом исследования послужили стенограммы речей адвокатов и прокуроров в ходе более 17 судебных процессов в русских, казахских и американских судах, датированные 1995—2012 гг.

Ключевые слова: коммуникативное воздействие; контактоустанавливающая тактика; судебный дискурс; создание круга «своих»; создание круга «чужих»; комплимент.

Сведения об авторах: Нефёдова Лилия Амирановна¹, доктор филологических наук, профессор; Никифорова Эльмира Шавкатовна², кандидат филологических наук.

Место работы: ¹ Челябинский государственный университет; ² Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова.

Контактная информация: ¹454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, тел.: 3517997122, e-mail: lan2@mail.ru; ²110000, г. Костанай, ул. Чехова, д. 106, к. 2, кв. 224, тел.: 7142568647, e-mail: n.e.sh_1975@mail.ru

Известен тот факт, что коммуникативное воздействие преследует цели когнитивного и коммуникативного плана, которые могут быть реализованы посредством ряда стратегий коммуникативного воздействия.

На сегодняшний день теория коммуникативных стратегий является составной частью теории коммуникации, а теория коммуникации, в свою очередь, опирается на идеи прагмалингвистики, риторики, социолингвистики, когнитологии, психолингвистики, теории диалога и теории языковой личности.

Коммуникативные стратегии определяются как последовательность действий, направленных на реализацию интенций говорящего, оказывающих воздействие на адресата с целью из-

менения его языковой картины мира в ситуации конфликта с учетом особенностей коммуникативной ситуации, социальных ролей коммуникантов, а также их личностных характеристик.

Отметим, что коммуникативные стратегии реализуются в определенной сфере коммуникации, они привязаны к определенному типу дискурсивного взаимодействия, при этом коммуникативные стратегии в соответствии с их институциональными признаками закрепляются за теми или иными социальными институтами и ролями.

Проанализировав ряд аутентичных текстов, мы выделили основные коммуникативные стратегии, используемые их участниками в соответствии с их статусно-ролевыми характеристиками

и целями: стратегию обвинения, стратегию защиты и стратегию эмоционального воздействия.

Стратегия обвинения определяет принцип построения коммуникативного поведения прокурора, в свою очередь речевое поведение адвоката, представляющего интересы подсудимого, реализуется через использование коммуникативной стратегии защиты. Коммуникативная стратегия эмоционального воздействия, направленная на привлечение судей и присяжных на свою сторону, используется всеми участниками дискурса. Все рассмотренные стратегии реализуются через определенный набор коммуникативных тактик.

В данной работе мы остановимся на реализации в рамках стратегии эмоционального воздействия контактоустанавливающих тактик создания круга «своих», создания круга «чужих» и комплимента.

В основе тактик создания круга «своих» и создания круга «чужих» лежит прагматическая семантика общности ценностей, норм [4. С. 7].

Категория «свой—чужой» рассматривается по-разному представителями судебного процесса. Так, прокурор, на наш взгляд, выделяет в категорию «своих» всю аудиторию, включая судью и присяжных, к категории «чужих» он, в свою очередь, относит подсудимого, который преступил нормы общества, пренебрег его ценностями; и, в силу профессионального статуса, в эту категорию также включается адвокат, вынужденный защищать интересы преступника. Отношение к адвокату со стороны прокурора в этой ситуации двоякое: с одной стороны, адвокат защищает чуждые интересы, следовательно, он — «чужой»; с другой стороны, он является представителем закона и юридического сообщества, как и прокурор, т.е. является «своим». Кроме того, сам адвокат не нарушает нормы общества и придерживается его базовых ценностей. Та же картина наблюдается и в отношении адвоката к прокурору. Все вышеприведенные соображения подталкивают нас к введению термина «условно чужой» по отношению к процессуальным оппонентам, что объясняется ситуативной, а не перманентной конфронтацией, которая исчезает по окончании судебного процесса.

Остановимся подробнее на реализации тактик создания круга «своих» и круга «чужих», принимая во внимание тот факт, что эти тактики реализуются, на наш взгляд, одновременно и параллельно: создавая круг «своих» мы одновременно очерчиваем его границы, помещая

субъектов, не соответствующих определенным ценностным параметрам, в круг «чужих». В нашей коммуникативной ситуации прокурор и адвокат активно создают круг «своих», пытаются вовлечь в него в первую очередь присяжных и судей, а также по возможности всех наблюдателей судебного процесса. Если же дело резонансное, «громкое», то этот круг «своих» не ограничивается непосредственно участниками процесса, а включает в себя всё общество или даже мировое сообщество. В задачу адвоката, помимо этого, входит включение подсудимого в круг «своих» и доказательство того, что он имеет право там находиться. Тактика создания круга «своих» в ситуации судебного процесса базируется на аксиологическом компоненте, поскольку оценочность является неперенным качеством категории «свой—чужой», причем «свой» в рассматриваемой нами ситуации всегда оценивается положительно, а «чужой» — отрицательно.

При создании круга «своих» юристы, в большинстве случаев, апеллируют к общечеловеческим ценностям, таким как *справедливость, честность, гуманизм, семья, добрая воля, разум, здравый смысл*.

Русскоязычные и казахоязычные юристы, помимо общечеловеческих ценностей, апеллируют к ценностям, принятым непосредственно в этих обществах, таким как *коллективизм, уважение старших, почитание женщины-матери, общественное согласие, толерантность*.

У американских юристов также есть свои любимые темы, такие как *американский патриотизм, демократия, политкорректность, борьба с терроризмом, возможность реализации «американской мечты», индивидуализм, свободный выбор*.

Проиллюстрируем вышеозначенные положения рядом примеров:

1) Апелляция к общечеловеческим ценностям: гуманизм, сострадание

«...what we are pleading, what we will prove — and it will be proved beyond doubt — is that he does suffer from Asperger's. It means that he is susceptible to a kind of panic state, that trauma is and of itself brings on a panic state in that kind of personality. It's the kind of personality that runs from trouble rather than trying to come to grips with it and solve problems. ... It is real. This kind of mental ailment is just as real a disease as cancer or tuberculosis or typhoid or any other kind of

ailment. And we're going to demonstrate it» (The Galveston County murder).

Адвокат доказывает, что подсудимый болен, апеллирует к чувству сострадания по отношению к слабым, больным. Беспомощное состояние больного описывается очень подробно и эмоционально; при этом автор прибегает к целому ряду стилистических приемов, таких как эмоционально окрашенные лексические единицы (*plead, suffer, to come to grips*), эпитеты (*panic state, real disease, normal people*), сравнение (*just as real a disease as cancer or tuberculosis or typhoid, the kind of syndrome that besets normal people*), метафоры (*run from trouble, come to grips with it and solve problems*).

Для придания оттенка научности и усиления компонента объективности адвокат прибегает к включению в свою речь медицинской терминологии: как общеупотребительного ее пласта (*panic state, trauma, mental ailment, disease, cancer, tuberculosis, typhoid, syndrome*), так и специальной терминологии (*Asperger's*).

Апелляция к состраданию, сочувствию слабым и больным реализуется практически в любой культуре, построенной на принципах гуманизма. Приведем для сравнения отрывки из русскоязычного и казахоязычного источников, авторы которых отталкиваются от аналогичных посылок: «Можно ли сегодня содержать Александя под стражей? Будет ли он в мучениях пребывать свои последние дни, испытывать те страдания, которые он сейчас испытывает, либо все-таки этот отпущенный срок проведет вместе с людьми, которых он любит, которые любят его, с членами его семьи, может быть, это скрасит немножко его горькие будни... Мы сегодня, уважаемые члены коллегии, мы просто взываем к вашему милосердию, к человеческому состраданию» (Дело Александя).

«...Р.Д. Абиевтің жағдайын жеңілдететін мән жайлар бар: ол кінәсін шын жүрегінен мойындап, қатты өкініп отыр... денсаулығы жоқ, туберкулез аурумен аурады» (Протокол по делу Тиналиевой).

обманутое доверие

«*Betrayal! These innocent children placed their trust in these two teachers and the teachers betrayed them» (The McMartin Preschool Abuse case).* Прокурор апеллирует к идее доверия, которое дети проявляют к старшим, а особенно к учителям, традиционно считающимся примером для подражания в любом обществе. Тем более чудовищно преступление, совершенное

взрослыми против детей. На эмоциональном уровне идея неоправданного доверия реализуется при помощи эпитетов (*innocent children*), употребления антонимической пары («*trust — betrayal*» — «доверие — предательство»). Предательство, нечестность в отношении слабых (детей) порицаются в любом обществе.

Приведем для сравнения отрывок из речи русскоязычного адвоката, который также в качестве одного из обоснований более мягкого наказания для несовершеннолетних преступников выдвигает идею о том, что равнодушие общества, обманутое доверие детей подтолкнуло их к совершению преступлений: «*Ваша честь! Их не могли защитить родители, которые пытались защитить их интересы обращениями в правоохранительные органы, т.е. принимая единственно законное решение. Их не захотели защитить правоохранительные органы, которые просто игнорировали обращение родителей. Им оставалось только самим решить эти вопросы путем объединения и взаимной помощи» (Дело Иванова).*

высшая ценность человеческой жизни

«*Первое право человека, закрепленное во всех международно-правовых актах, — это право на жизнь. Первая нравственная заповедь, объединяющая все мировые религии — “Не убий”.* В пяти фразах, составляющих цитату, восхваляется убийство, прославляется геноцид. Автор “Возвращения” предстает в общественном мнении, в глазах каждого, прочитавшего статью Казинцева, как изувер, внушающий отвращение и ужас, не заслуживающий ничего, кроме осуждения и презрения» (Дело журнала «Наши современники»). Адвокат прямо указывает на то, что процитированный в одном из изданий текст из произведения, якобы написанного его подзащитным, противоречит общепринятым нормам морали и нравственности. Приведенный отрывок эмоционально насыщен, нетрудно догадаться о позиции его автора. Аксиологический компонент выражается при помощи следующих стилистических средств: эпитетов (*изувер*), цитаты из «Библии» («*Не убий*»), фразеологической единицы (*нравственная заповедь*), эмоционально окрашенных слов с отрицательной семантикой (*осуждение, отвращение, ужас, презрение*), оксюморона (*восхваляется убийство, прославляется геноцид*).

2) Обращение к ценностям, принятым в русскоязычном и казахоязычном сообществах: «*Қылмыстық іс әрекетін жеңілдететін*

мән-жайларға оның істеген қылмысын толық мойындап, сол себепті ол сотталған болып саналмайды, жақсы мінезделетінін, отбасы жағдайын, үш баласы бар екенін, ...нашақорлықтан емделуді қажет етпейтіндігін ескеруді сұраймын» (Протокол по делу Ашимбаева). Адвокат апеллирует к семейным ценностям (отбасы жағдайын, үш баласы бар).

«Я хочу, чтобы после оглашения приговора девять пар глаз засияли счастливым блеском; чтобы девять мам впервые за пять месяцев уснули спокойно; чтобы девять отцов на видном месте в квартире повесили ремни как напоминание о действенном методе воспитания. Этих детей еще можно направить в нужное русло» (Дело Иванова).

Адвокат апеллирует к семейным ценностям, принятым в российском обществе, а также ссылается на один из «действенных» и проверенных временем и традицией методов воспитания — «обучение ремнем»; подчеркивается необходимость перевоспитания и исправления.

3) Апелляция к мотивам политкорректности, борьбы с терроризмом и «американской мечте»: «*And he rejoiced in the death and destruction, because he knew he had done his part to kill Americans, and that the plot had succeeded. Now, he caused the deaths by lying to federal agents about what he was doing in the U.S., and his lies permitted his al Qaeda brothers to go forward, and that's what they did*» (The Moussaoui case).

Терроризм стал одной из самых актуальных проблем, с которой столкнулось американское общество, поэтому идея объединения общества в борьбе против терроризма необычайно популярна на сегодняшний день в США. В данном отрывке принадлежность подсудимого к одной из террористических группировок переносит его в разряд «чужих», исключая из круга «своих». Идея чуждости реализуется при помощи ряда приемов: слов с отрицательной коннотацией, с семантикой «разрушение, смерть» (*death, destruction, kill*); оксюморона (*rejoiced in the death and destruction*); аллюзии (*his al Qaeda brothers*); эвфемизма (*to go forward*). Упоминание террористических заговоров против Америки и американцев (*he had done his part to kill Americans, the plot*) довольно часто эксплуатируется в американской лингвокультуре, причем в различных сферах жизни общества: политике, СМИ и даже в области права с целью привлечения представителей гражданского общества на свою сторону.

«*Did he lie when he testified here in this courtroom saying that he did not use racial epithets in the last 10 years? Yes. Is he a racist? Yes*» (O.J. Simpson murder case). Прокурор апеллирует к идее политкорректности, под которой мы понимаем негласное табу на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для представителей определенных групп общества, выделяемых по признаку расы, пола, вероисповедания и т.п. [7. С. 71—79]. Юрист подчеркивает, что один из свидетелей игнорирует общепринятую концепцию политической корректности, а значит, исключается из круга «своих», поскольку обвинение в расизме считается одним из самых серьезных в современном американском обществе: если человека считают расистом, слушающие, как правило, пытаются дистанцироваться от него, по крайней мере, на публике.

Еще одним ресурсом создания «круга своих» выступает введение в текст прецедентных феноменов. Теория прецедентности впервые была предложена и обоснована Ю.Н.Карауловым. К числу прецедентных он относит «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации» [2. С. 216]. В соответствии с современной концепцией прецедентности выделяются следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации (Гудков; Захаренко; Красных).

Приведем ряд примеров введения прецедентных феноменов различного плана с целью создания круга «своих»: «*The Brady Bill could have been defeated in Congress if gun owners had become more involved in electing officials and communicating to those officials what was expected to them. The Brady Bill will pass by the thinnest of margins*» (The Moussaoui case). Несомненно, имеется в виду закон об ограничении на ношение оружия (*the Brady Handgun Violence Prevention Act*), принятый Конгрессом США в 1993 г. Юрист ссылается на прецедентный текст, а именно на принятый закон, стремясь подчеркнуть, что проблема неоправданного применения оружия в стране не решена, несмотря на существующий закон, поэтому население, т.е. «свои», по-прежнему находится под угрозой со стороны «чужих» — тех, кто применяет это оружие.

«*They recognize they didn't have clear and unambiguous evidence. They knew the evidence was*

*susceptible of more than one reasonable interpretation... And they've been desperately looking for that **smoking gun***» (*The Wig Shop murder case*). Чтобы понять, о чем говорит адвокат в вышеприведенной ситуации, необходимо помнить о значении фразеологизма «*that smoking gun*», т.е. «неопровержимое доказательство». Введение данного прецедентного высказывания соответствует контексту ситуации, в которой адвокат подчеркивает, что следствию не удалось привести неопровержимых доказательств вины подсудимого.

«21 убитый, несколько сот раненых. Безусловно, трагедия. Но чтобы имела она, как пишет Казинцев, “мало аналогий даже в кровавом XX веке”?! И такое утверждается в ноябре 1990 г., когда совсем недавно у нас только были **Сумгаит, Фергана, Тбилиси, Сухуми, Баку, Ош, Душанбе, Вильнюс, Карабах**, когда состоялась **Тянь-Ань-Мыньский кошмар** с многими тысячами жертв» (Дело журнала «*Наши современники*»). Адвокат приводит целый список «горячих» точек на территории бывшего Советского Союза, где разгорелись межнациональные конфликты, призывая общество объединиться против людей, пытающихся вновь сыграть на национальных чувствах людей: «свои», т.е. здоровое общество, должны противостоять «чужим», т.е. тем, кто создает политический капитал, разыгрывая национальную карту в многонациональном и поликультурном обществе.

«По Казинцеву выходит, что термин “**враг народа**” внедрен в лексикон **советского человека еврейскими националистами**» (Там же). Адвокат обращается к прецедентным ситуациям, связанным с историей СССР, тем самым солидаризируясь с аудиторией, в состав которой, несомненно, входят люди, знающих историю страны и способные понять все нюансы описываемой ситуации, т.е. адвокат создает привилегированный круг «своих» — людей мыслящих, образованных, способных извлекать уроки из истории.

«Поэтому я, безусловно, думаю, что политическая ответственность на **Рамзани Кадырове** за это происшествие есть» (Дело Орлова). Введение в качестве прецедентных имен действующих политических и общественных деятелей вызывает феномен узнавания, а ассоциации, связанные с ними автоматически делят людей на «своих» (сторонников, единомышленников) и «чужих» (противников). В ходе судебных процессов по «громким» делам такой прием помо-

гает мобилизовать моральные ресурсы общества, поддерживать интерес к процессу.

«Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, сегодня мы заканчиваем рассмотрение уголовного дела в отношении организаторов выставки “**Осторожно, Религия!**”, проведенной в период с 14 по 18 января 2003 г. в Музее и общественном центре имени **А.Д.Сахарова**» (Речь прокурора Новичковой). Прокурор вводит прецедентные феномены: прецедентное имя (**А.Д.Сахаров**) и аллюзию на прецедентную ситуацию (**Осторожно, Религия!**) с целью идентификации и характеристики произошедшего события, а также привлечения внимания общества. Со стилистической и аксиологической точки зрения особого внимания заслуживает аллюзия на прецедентную ситуацию, предупреждающую об опасности чего-либо: «**Осторожно, ... !**». В русской лингвокультуре предупредительные надписи носят, как правило, императивный, прескриптивный характер, они отличаются также краткостью и информативной емкостью. Например: «**Осторожно, дети!**», «**Осторожно, окрашено!**», «**Осторожно, злая собака!**» и т.п. Второй элемент подобной фразы является источником опасности, поэтому, видя лозунг «**Осторожно, Религия!**» читатель делает вывод об опасности, которую представляет собой религия. Однако с такой точкой зрения согласятся далеко не все представители общества, поэтому лозунг вызывает разделение гражданского общества на «своих» и «чужих», подталкивает к дискуссии, в ходе которой возможно решение важных вопросов.

«Қазіргі таңда «**берсе қолынан, бермесе жолынан**» деп өзі секілді екі аяқты пендені қорқытып, болмаса өмірін қиып, дүние-мүлкі мен қаражатын қарашылықпен иемденіп алу шыбын өлтірген құрлы болмай қалды» (Протокол по делу Жокешбая).

Прокурор в своей речи употребляет хорошо известную казахам поговорку, четко характеризующую психологию преступника-грабителя, смысл которой сводится к тому, что если такому человеку не отдадут что-то добровольно, он забирает это силой. Прибегая к прецедентному высказыванию, прокурор подчеркивает свою близость к народу, знание идиоматики и паремии, что, несомненно, не только оживляет речь, разряжает напряженную обстановку, но и импонирует слушателям.

««**Сөзіне —сөз демекші**» бүгін біз....». Прокурор, приступая к изложению обстоятельств

совершенного преступления, использует в качестве вводной фразы прецедентное высказывание — идиоматический оборот с целью привлечения внимания и сближения с аудиторией.

Итак, при реализации тактик создания круга «своих» и круга «чужих» представители всех рассмотренных нами лингвокультур активно эксплуатируют оппозицию «свой—чужой», где «свой» ассоциируется с понятиями *правильный, понятный*, а также *законный, морально оправданный*; а «чужой» — *неправильный, непонятный*, а также *незаконный, аморальный, заслуживающий порицания*. Необходимо обратить внимание на то, что при реализации данной тактики используется большое количество лингвостилистических приемов. Так, представители всех трех лингвокультур используют эмоционально окрашенные единицы как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, а также эмоциональный синтаксис; вводят прецедентные феномены различных уровней, слова с семантической обобщения. Однако представители американской и русской лингвокультур прибегают помимо этого также к эпитетам, оксюмору, антитезе, аллюзии, метафоре и в некоторых случаях употребляют эвфемизмы.

На наш взгляд, тактики создания круга «своих» и круга «чужих», составляя неразрывное единство, выполняют в речи ораторов аксиологическую, экспрессивную и контактоустанавливающую функции. Однако, помимо этих двух тактик, прокуроры и адвокаты с целью установления и поддержания контакта с фактическим адресатом используют и ряд других тактик, таких как тактика комплимента, тактика имитированного диалога, тактика обращения к жизненному опыту присяжных, тактика аналогии.

Рассмотрим подробнее тактику комплимента, поскольку именно она обычно помогает начать разговор, помогает «растопить лед» (*break the ice*), что чрезвычайно важно для установления какого-либо контакта. Тактика комплимента управляет межличностной дистанцией и является сигналом близости, причем основной функцией комплимента является установление контакта и поддержание дружеских отношений, когда задачей говорящего является расположение собеседника [1. С. 178]. Стереотипные ситуации предопределяют как выбор комплиментов, так и реакцию на них: отклонение комплимента, благодарность, ответный

комплимент, что диктуется, прежде всего, культурной моделью [3. С. 34].

В русской и казахской лингвокультурах часто встречается негативная реакция на комплимент, которая может возникнуть у адресата как из-за манеры говорящего делать комплименты, так и из-за некоторых особенностей характера, вызывающих одобрение в данных лингвокультурах, например, скромности, застенчивости, нежелания привлекать излишнее внимание, «выпячиваться», отбиваться от коллектива. Роль комплиментов в западных культурах (особенно в американской), напротив, так велика, что они названы «социальным лубрикантом» [6. С. 84]. Негативная реакция на комплимент в американском обществе встречается редко, поскольку в данной коммуникативной культуре не принято спорить с собеседником или руководствоваться при ответе на комплимент ложными представлениями о скромности [5. С. 140—148]; также нет стремления к проявлению коллективизма, ценится индивидуализм, непохожесть на других, успешность.

В связи с особенностями восприятия и использования комплимента в лингвокультуре, а также особенностями судебного процесса (западная модель отличается большей состязательностью, необходимостью привлечения на свою сторону присяжных), тактика комплимента наиболее часто используется юристами американской лингвокультуры. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих данное положение: «*We're a nation that's governed by laws and the Constitution. We try to provide equal justice to everyone. Our Constitution guarantees to all defendants the right to a jury trial. And that is why you are here, as a check against the abuse of government power, with roots in the law as far back as the Magna Carta. And for serving we all thank you and appreciate your time*» (*The Moussaoui case*).

Юрист прибегает к развернутому многоплановому комплименту в сочетании с тактикой создания круга «своих».

Первый план — глобальный комплимент — комплимент всей нации, всему народу, реализуемый при помощи ряда аргументов:

1) *nation that's governed by laws and the Constitution* (опора на закон, подкрепленная ссылкой на Конституцию, к которой представители американской лингвокультуры проявляют неподдельное уважение, а также апелляцией к патриотизму, чрезвычайно развитому в американском обществе);

2) *equal justice to everyone* (эксплуатация популярной идеи «страны равных возможностей», а следовательно, равных прав для всех граждан);

3) *Constitution guarantees...the right to a jury trial* (референция к Конституции, подкрепленная олицетворением, при котором Конституция уподобляется человеческому существу, способному гарантировать определенные права и свободы).

Второй план — локальный комплимент, направленный непосредственно на фактического адресата — присяжных, который также имеет сложную структуру и реализуется через набор имплицатур: 1) *as a check against the abuse of government power* (апелляция к традиционной в американском обществе идее сдержек и противовесов, баланса властных полномочий, который обеспечивает справедливое рассмотрение всех важных вопросов);

2) *roots in the law as far back as the Magna Carta* (апелляция к традиционным в западной культуре ценностям, введение прецедентного имени *Magna Carta*, являющегося в западной культуре синонимом закона);

3) *we all thank you and appreciate your time* (подчеркнутое внимание к личности каждого, уважение к личному вкладу индивида в реализацию общей идеи правосудия). Кроме того, прокурор дает понять присяжным, что ценит их личное время, что крайне актуально в западной культуре, в которой время рассматривается как одна из основных ценностей. Итак, юрист очень грамотно сочетает апелляцию к основным для западного общества ценностям (индивидуализму, пунктуальности, справедливости по закону, патриотизму) с обращением к традиции, бытующей в обществе.

«I know my personality, I've done this for years, I know there are many people that will turn off to my clients because they'll look to this lawyer and say this guy, uh-uh. I know that we're dealing with extraordinarily experienced, competent, extraordinary lawyers. I know Mr. Dusek is a veteran prosecutor. Mr. Clarke is an extraordinary lawyer. You can't use that as bias against Mr. Westerfield. You decide this is personality contest, usually we lose. This is not a personality contest. This is about a pursuit for the truth» (The Van Dam murder case).

В данном случае юрист сталкивается с серьезной проблемой — его процессуальными оппонентами являются известные юристы, репутация

которых работает на них априори, и это влияние чрезвычайно трудно преодолеть или нейтрализовать. Молодой юрист решает эту проблему при помощи тактики комплимента процессуальным оппонентам в ходе судебного процесса, подчеркивая их заслуги и статус при помощи многочисленных комплиментарных эпитетов (*we're dealing with extraordinarily experienced, competent, extraordinary lawyers, veteran prosecutor*) на фоне принижения собственной значимости за счет пренебрежительной самохарактеристики (*this guy, uh-uh*) с одновременным выдвиганием идеи о том, что интересы дела должны превалировать, а личностные характеристики и репутация процессуальных оппонентов — отойти на второй план (*This is not a personality contest. This is about a pursuit for the truth*).

Применение тактики комплимента в данном случае преследует также ряд других целей: 1) «связать руки оппонентам», сделать неэффективными тактики самопрезентации и дискредитации с их стороны, поскольку в этом уже не будет смысла;

2) сыграть на сближение с аудиторией, отождествляя себя с простыми людьми, не отягощенными регалиями;

3) актуализировать лишний раз идею равенства всех граждан перед законом, заложенную в менталитете каждого представителя любой западной лингвокультуры вообще и американской в частности.

В русской и казахской лингвокультурах тактика комплимента не находит широкого распространения в институализированных дискурсах, эти лингвокультуры тяготеют к крайней формализации подобных сфер, четкому следованию социальным сценариям определенных действий.

Следует отметить, однако, что в рассмотренных текстах речей русских и казахских юристов нами все же были выявлены некоторые случаи применения тактики комплимента, но комплименты в большинстве случаев построены на имплицатурах, не имеют прямой адресации, чаще объектом комплимента становятся действия субъектов или последствия этих действий, а не сами субъекты и их положительные, исключительные качества. Приведем несколько иллюстративных примеров:

«Впервые в моей многолетней практике кассатора, вступающего в дело после вынесения приговора, я не написал собственной жалобы. Причина тому — высокое качество кассационных жалоб моих товарищей по защите,

отстаивавших невиновность Григория Пасько в суде первой инстанции» (Дело Пасько). Комплимент юриста в отношении коллег направлен на фактического адресата: суд и присяжных, целью его является желание подчеркнуть профессионализм команды, убедить слушателей в компетентности защиты. Адвокат не прибегает к персональной адресации, не выделяет какие-либо личные или профессиональные качества отдельных индивидов, вводит прием обобщения, тем самым подчеркивая тот факт, что вся команда, работавшая по делу, отличается высоким профессионализмом.

Казахстанские юристы еще менее, чем российские, склонны к отклонениям от существующего протокола, избегают комплиментарных или других дополнительных характеристик. Их комплименты чаще всего носят характер формальной вежливости, крайне клишированы по форме и содержанию. В рассмотренных нами текстах были выявлены примеры псевдореализации тактики комплимента со стороны защиты, причем комплименты касаются исключительно аспекта правильности рассмотрения обстоятельств дела и определения меры наказания: *«Мен қорғауымдағы сотталушы Абиев Р.Д. кінәсін дәлелденгені және оның қылмыстық іс әрекеті дұрыс дәрежеленгені жөнінде дау жоқ, бұл жерде мемлекеттік айыптаушының пікірін қолдаймын»* (Протокол по делу Абиева).

Тактика комплимента во всех приведенных примерах представляет собой попытку солидаризации с мнением обвинения, поиска компромисса, снятия напряженности, устранения конфронтации.

Итак, при реализации тактики комплимента мы наблюдаем ярко выраженные различия у представителей рассматриваемых нами лингвокультур как в частотности применения, так и в форме репрезентации и объектах комплиментарных высказываний. Так, представители американской лингвокультуры используют тактику комплимента в различных сочетаниях, выстраивают ее при помощи разнообразных выразительных средств, объектами комплимента являются как процессуальные оппоненты, так и присяжные, судьи, свидетели, причем комплименты, как правило, хорошо продуманы, относятся к какой-либо специфической особенности адресата или его действий. Среди стилистиче-

ских приемов особенно часто привлекаются: эмоциональные эпитеты с мелиоративной и пейоративной коннотацией, метафора/олицетворение, прямая адресация, импликация, модальность. К комплинтам в равной степени прибегают как прокуроры, так и адвокаты на разных стадиях судебного процесса.

Русскоязычные юристы также прибегают к тактике комплимента, хотя и значительно реже, при этом они стараются избегать прямых референций, обращают комплимент на положительные, по их мнению, стороны действий суда или присяжных.

Казахоязычные юристы стараются строго придерживаться протокола судебного заседания, редко прибегают к тактике комплимента, при этом предпочитают пользоваться клишированными формулировками и не стремятся к применению разнообразных выразительных средств.

Выявленные нами различия коренятся в особенностях менталитета: в общем отношении к комплименту в разных лингвокультурах, в представлениях разных народов об уместности комплимента в речевых ситуациях институциональных дискурсов.

Итак, к контактоустанавливающим тактикам стратегии эмоционального воздействия прибегают все участники судебного процесса, но существуют определенные различия в их применении. Так, тактики создания круга «своих/чужих» реализуются в речах всех представителей, но англоязычные авторы при этом подчеркивают персональную ответственность индивида за совершенное преступление, в то время как русско- и казахоязычные уделяют особое внимание моральной оценке действий обвиняемого. Отметим также, что американские ораторы эффективно используют тактику комплимента, в то время как русско- и казахоязычные авторы более сдержанны в выражении собственного мнения, стараются придерживаться официального протокола.

Нами также было отмечено, что реализация тактик в рамках стратегий коммуникативного воздействия осуществляется через использование различных стилистических приемов и выразительных средств, причем частотность их применения и комбинации, в которых они встречаются, также отражают этнокультурную специфику коммуникативного поведения профессиональных участников судебного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стереотип. М., 2006.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н.Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М., 1987.
3. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
4. Самарина И.В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.
5. Серебрякова Р.В. Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах // Язык, коммуникативная и социальная среда. Вып 1. Воронеж, 2001.
6. Milinkovic T. Compliments on Possessions in Australian English // Griffith Working Papers in Pragmatics and Intercultural Communication. URL: http://www.griffith.edu.au/__data/assets/pdf_file/0019/270415/3.-Milinkovic-Compliments-in-AusE.pdf
7. Perry R. A Short History of the Term 'Politically Correct'. St. Paul, Minnesota, 1992.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ

1. Речь адвоката Генри Резника. Дело Григория Пасько. URL: <http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc3129d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0>
2. Речь адвоката Г.М.Резника по делу журнала «Наш современник». URL: <http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc3129d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0>
3. Речь в защиту Иванова. URL: library.nsaem.ru:8000/mm/2011/000152410.doc
4. Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова. URL: <http://www.memo.ru/2011/02/02/0202111.html>
5. Стенограмма заседания коллегии Московского городского суда от 8 декабря 2008 года по делу Василия Алексаняна. URL: <http://xn--1a1cn2c.xn--p1ai/article/201086>
6. Речь прокурора Ю.Новичковой по делу в отношении организаторов выставки «Осторожно, Религия!», проведенной в период с 14 по 18 января 2003 года в Музее и общественном центре имени А.Д.Сахарова. URL: http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/Taganskij_sud/020305-novichkova.htm
7. Протокол судебного заседания Костанайского городского суда по делу Н.А.Жокешбая, осужденного по статье 179 УК РК. Часть 2 от 19.07.2011.
8. Протокол судебного заседания по делу А.Ашимбаева от 12.01.2011 г., г. Чу Жамбыльской области.
9. Протокол судебного заседания по делу Р.Д.Абиева от 26.01.2011 г., г. Чу Жамбыльской области.
10. Протокол судебного заседания по делу М.М.Тиналиевой от 11.01.2011 г., г. Чу Жамбыльской области.
11. Statement for the defense delivered by defense attorney Dick DeGuerin at the Galveston County murder. URL: <http://www.criminaldefense.homestead.com/Durst.html>
12. The Wig Shop Murder. The Defense Opening Statement. URL: <http://criminaldefense.homestead.com/Dror.html>
13. Edward MacMahon in the Zacarias Moussaoui Trial. (March 6, 2006. P. 46—76 transcript). Opening Statement of Defense Attorney. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moussaoui/zmmacmahon.html>
14. Opening Statement of U.S. Attorney Robert Spencer in the Zacarias Moussaoui Trial (March 6, 2006. P 21—46 transcript). URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moussaoui/zmmacmahon.html>
15. Opening Statement for the defense delivered by defense attorney Feldman at the Van Dam murder. June 4, 2002. URL: <http://www.unposted.com/trial>
16. Opening Statement of Deputy District Attorney Lael Rubin in the McMartin Preschool Abuse Trial. URL: <http://www.law.umkc.edu/.../trials/mcmartin/openingst>
17. Excerpts from prosecutor Marcia Clark's closing arguments Sept. 26, 1995, in the O.J.Simpson murder case. URL: <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm>

REFERENCES

1. Issers O.S. Kommunikativniye strategii i taktiki russkoj rechi [Communication strategies and tactics of the Russian language]. 4th edition, stereotypical. Moscow, 2006 (in Russian).
2. Sentries Y.N. Russky yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic identity] / USSR Academy of Sciences, Dept. of literature and language studies. Moscow, 1987 (in Russian).

3. Moseyko A.A. Ehtiketnye modeli povedeniya v britanskoj i russkoj lingvokulturakh [Etiquette behavior patterns in the British and Russian linguistic cultures]: Dissertation for the degree of Candidat of Philology. Volgograd, 2005 (in Russian).

4. Samarin I.V. Kommunikativniye strategii “sozdaniye kruga chuzhykh” i “sozdaniye kruga svoikh” v politicheskoj kommunikatsii [Communication strategies of “creating a circle of strangers” and “creating a circle of friends” in political communication]: Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Rostov-on-Don, 2006 (in Russian).

5. Serebryakova R.V. Natsionalnaya spetsifika komplimenta i pokhvaly v russkoj i anglijskoj kommunikativnykh kulturakh [National specifics of giving compliments and praise in Russian and English communicative cultures] // Yazyk, kommunikativnaya i sotsialnaya sreda. Issue 1. Voronezh, 2001 (in Russian).

6. Milinkovic T. Compliments on Possessions in Australian English // Griffith Working Papers in Pragmatics and Intercultural Communication. URL: http://www.griffith.edu.au/_data/assets/pdf_file/0019/270415/3.-Milinkovic-Compliments-in-AusE.pdf

7. Perry R. A Short History of the Term ‘Politically Correct’. St. Paul, Minnesota, 1992.

LIST OF ANALYZED TEXTS

1. Statement delivered by the lawyer Genry Reznik. Pasko Case. URL: <http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc3129d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0> (in Russian).

2. Statement delivered by the lawyer G.M.Reznik on the case of “Nash Sovremennik” magazine. URL: <http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc3129d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0> (in Russian).

3. Statement for the defense of Ivanov. URL: ilibrary.nsaem.ru:8000/mm/2011/000152410.doc (in Russian).

4. Record of hearings on the criminal case of slander against Oleg Orlov, the President of the Council of Human Rights Center “Memorial”. URL: <http://www.memo.ru/2011/02/02/0202111.html> (in Russian).

5. Record of the Moscow City Court meeting on December 8, 2008 on the case of Vasily Aleksanyan. URL: <http://xn--11aicn2c.xn--p1ai/article/201086> (in Russian).

6. Statement by prosecutor Yu. Novichkova on the case against the organizers of the exhibition “Ostorozhno, Religiya!” [“Caution, Religion!”], held January 14—18, 2003 in the Museum and Public Center named after Andrei Sakharov. URL: http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_nota_bene/Taganskij_sud/020,305-novichkova.htm (in Russian).

7. Record of hearings at Kostanai City Court on the case of N.A.Zhokeshbay convicted under Article 179 of the Criminal Code. Part 2 dated July 19, 2011 (in Kazakh).

8. Record of hearings on the case of A.Ashimbaev on January 12, 2011, Chu, Zhambyl region (in Kazakh).

9. Record of hearings on the case of R.D.Abiyev on January 26, 2011, Chu, Zhambyl region (in Kazakh).

10. Record of hearings on the case of M.M.Tinalieva on January 11, 2011, Chu, Zhambyl region (in Kazakh).

11. Statement for the defense delivered by defense attorney Dick DeGuerin at the Galveston County murder. URL: <http://www.criminaldefense.homestead.com/Durst.html>

12. The Wig Shop Murder. The Defense Opening Statement. URL: <http://criminaldefense.homestead.com/Dror.html>

13. Edward MacMahon in the Zacarias Moussaoui Trial. (March 6, 2006: pages 46–76 transcript). Opening Statement of Defense Attorney. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moussaoui/zmmacmahon.html>.

14. Opening Statement of U.S. Attorney Robert Spencer in the Zacarias Moussaoui Trial (March 6, 2006: pages 21–46 transcript). URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moussaoui/zmmacmahon.html>

15. Opening Statement for the defense delivered by defense attorney Feldman at the Van Dam murder. June 4, 2002. URL: <http://www.unposted.com/trial>

16. Opening Statement of Deputy District Attorney Lael Rubin in the McMartin Preschool Abuse Trial. URL: <http://www.law.umkc.edu/.../trials/mcmartin/openingst>

17. Excerpts from prosecutor Marcia Clark's closing arguments Sept. 26, 1995, in the O.J.Simpson murder case. URL: <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm>

L.A.Nefedova
Chelyabinsk, Russia
E.Sh.Nikiforova
Kostanay, Kazakhstan

CONTACT ESTABLISHING TACTICS IN RUSSIAN SPEAKING, KAZAKH SPEAKING AND ENGLISH SPEAKING TRIAL DISCOURSE

Abstract: Close attention to speech behavior in the sphere of professional communication presupposes noticeable interest in individual and social aspects of a speaker's conduct in the field of legal activities. In the present article the authors treat contact establishing tactics as an inalienable part of emotional influence strategy in Russian, Kazakh and American trial discourse.

It should be mentioned that the influence of ethnic and cultural factors on differences of speech behavior of professional participants of Russian, Kazakh and American trial discourses has not been studied thoroughly enough yet. The present research is characterized by a wish to identify the dependency of speech behavior on trial discourse professional participants (the choice of communicative tactics within basic communicative strategies) of their social roles, as well as on the peculiarities of ethnic mentality of the treated linguistic cultures' representatives. While conducting the research the achievements of Linguistic Conflict Study, Social Linguistics, Interpretation Theory, Speech Acts Theory, as well as Jurisprudence, Communication Study and Cognition Science have been integrated.

Within the frames of a complex approach to the study of trial communication there were singled out and described earlier not systematized in the Theory of the Language from comparative angle tactics of communicative influence of trial discourse' professional participants (prosecutors and defense lawyers) of Russian, Kazakh and American linguistic cultures; there were defined linguistic, stylistic and rhetorical devices and means constituting them, ethnic and cultural specificity of speech behavior of the representatives of the taken linguistic cultures in the field of trial communication was also detected.

The following methods of research were used: hypothetical and inductive, descriptive, introspective, interpretative, contextual and functional comparative quantitative and qualitative analysis, linguistic patterns' analysis.

Among the main results and inferences the following ones should be mentioned:

1. Variability and flexibility in building up communicative strategies is achieved by means of a definite set of communicative tactics, the choice of which is predetermined by communicative intentions and communicative situation.
2. Ethnic and cultural peculiarities of trial discourse can be defined in the course of the analysis of the set and frequency of the use of communicative tactics within realization of basic communicative strategies by its participants. Contact establishing tactics within the frames of emotional influence strategy in particular are differentiated by a number of isomorphic and allomorphic features in the studied linguistic cultures, which is illustrated in the article.

The accuracy of the results is confirmed by the volume of chosen for analysis patterns as well as profound analysis of the data. The research data is represented by trial notes of attorneys for defense and prosecution speeches at 17 trials in Russian, Kazakh and American courts, the data refers to the period of 1995—2012.

Key words: communicative influence; contact establishing tactics; trial discourse; creation of inner circle; creation of outer circle; compliment.

About the author: Lilia Amiryannovna Nefedova¹, Doctor of Philology, Professor; Elmira Shavkatovna Nikiforova², Candidate of Philology.

Place of work: ¹Chelyabinsk State University; ²A.Baitursynov Kostanay State University.

УДК 81.42

А.Ю.Фетисов

Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Работа выполнена в русле исследований, затрагивающих тематику взаимодействия субъекта и текстовых сущностей, а точнее — проблему понимания текста. Предметом изучения избраны особенности функционирования метафоры в научном тексте, цель работы установление критериев идентификации метафоры с учетом того, что свойства и функции метафоры не могут рассматриваться отвлеченно от ее непосредственного погружения в текстовый материал, что выводит к более глобальной проблеме — субъективности лингвистического исследования. В ходе работы применялись методы контекстуального анализа и дискурс-анализа с элементами лексикографического анализа лексического прототипа.

Известно, что научный текст избегает фигуральных выражений, однако определенную степень насыщенности научного текста метафорическими выражениями отрицать нельзя. При изучении текстов научного содержания, тем не менее, вызывает сложность определение выражения как метафорического, т.е. возникает *проблема понимания* метафоры. На выявление в тексте метафоры влияет специфика текстового материала, например, стиля. Наряду с *критерием истинности*, принцип идентификации метафоричности по словарям мог бы стать достаточным основанием для выделения метафоры в научном тексте. Основание истинности позволило бы выделить сам факт переноса (небуквального словоупотребления), а с помощью словаря идентификацию выражения как метафорического можно было бы закрепить, установив источник переноса. Для реципиента-лингвиста характерны все те же особенности, которые присущи любому другому реципиенту, в частности, неизбежная неадекватность понимания. Но понимание при этом является самоцелью, а путь к этой цели — интерпретационный (лингвистический) анализ. Лингвист-исследователь осознает свою субъективность и зависит от этого, поскольку вынужден выработать систему критериев, которая способствовала бы «объективной научности» его исследования. Если в лингвистическом анализе учесть единство информационного поля и выделить систему опорных критериев, в дальнейшей работе постоянно используя их, то тогда субъективность реципиента-лингвиста становится величиной, которой можно в известной степени пренебречь.

Ключевые слова: метафора; метафорическое выражение; научный текст; понимание; дискурс-анализ; адекватность понимания; лингвистический анализ; проблема идентификации; субъективность.

Сведения об авторе: Анатолий Юрьевич Фетисов, доцент кафедры перевода.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена.

Контактная информация: 191186, г. Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, д. 48, к. 14; e-mail: anatoly.fetisov@gmail.com

Свойства и функции метафорического выражения не могут рассматриваться отвлеченно от непосредственного погружения в текстовый материал. Допустим, текстовым материалом служат научные статьи. Особенности научного текста, его стилистические и структурные характеристики наделяют некоторыми специфическими чертами и его текстовые элементы, в частности метафору.

Считается, что научный текст избегает фигурального выражения смысла, в том числе и метафорического. Однако это не означает, что метафора в научном тексте не встречается. Уже при первом приближении можно увидеть некоторую степень насыщенности научного текста метафорическими выражениями. Но метафора есть одно из неоднозначных понятий, и ее наличие в том или ином случае может представ-

ляться спорным. Утверждая, что в научном тексте в каждом данном случае присутствует метафора, мы имеем в виду, что наблюдаем выражение, обладающее, на наш взгляд, метафорической сущностью. Иными словами, в каждом из случаев, рассматриваемых как употребление метафоры в научном тексте, мы усматриваем присутствие семантического переноса по сходству признаков. При изучении текстов научного содержания, однако, часто возникают сложности при определении выражения как метафорического, т.е. возникает *проблема понимания* метафоры.

Указанную проблему можно рассматривать с различных позиций: философских, психологических, лингвистических. В отношении последнего аспекта особого внимания заслуживают прагматические характеристики дискурса.

Так, известно, что ключевыми в рассмотрении дискурса являются категории участников коммуникации, под которыми понимаются «отправитель сообщения» и «получатель сообщения». Само сообщение при этом есть элемент, придающий смысл необходимости ситуации сообщения [7. С. 39]. В других терминах система выглядит следующим образом: отправитель — реципиент — текст. По-видимому, каждый из компонентов «отправитель — реципиент» так или иначе влияет на понимание элементов текста.

Понятие «текст» может толковаться по-разному. В рамках этой статьи будем придерживаться узкого толкования, при котором исключается из рассмотрения устная речь: «...это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из ... ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5. С. 18]. Текст предстает сложным целым, функционирующим как структурно-семантическое единство.

Исследователи в области текста и его понимания (Г.А.Антипов, Вяч.Вс.Иванов, Н.М.Разинкина, П. Рикер и др.) отмечают возможность считать текст очерченной в ситуации совокупностью знаний, в которую погружены коммуниканты, неким информационным полем. В этом поле существуют два информационных разнонаправленных потока: от отправителя к реципиенту, и наоборот. Со стороны отправителя происходит порождение текста, со стороны реципиента — его понимание. С пониманием соотносят понятие адекватности. Адекватность понимания предполагает полное совпадение знаний, переданных через текст отправителем и осознанно присвоенных (понятых) реципиентом, при этом подчеркивается, что понимание есть именно осознанное присвоение воспринимаемой информации [6]. Таким образом, неадекватностью понимания следует считать несоответствие присвоенных и переданных знаний.

Передача информации и ее понимание есть деятельность акты, поскольку предполагают наличие таких компонентов как мотивы, цели и задачи, хотя они и не всегда полностью осознаются коммуникантами. Поскольку теория деятельности утверждает всеобъемлющий ха-

ракт осмысленности действия в сознательном поведении человека, то представляется уместным использовать некоторые ее положения в рассмотрении проблемы понимания, коль скоро последнее есть осмысленное, осознанное присвоение информации. Итак, психология, а вслед за ней психолингвистика, выделяют в деятельности следующие составные части: мотив деятельности, побуждающие импульсы, цель и задачи как необходимые компоненты успешного действия, планомерность; средства и способы действий. Кроме того, деятельность всегда погружена в какие-то условия своего протекания, которые так или иначе влияют на выбор средств, способы их использования, а также на целеполагание, планирование и мотивацию [12].

Мотивом и к созданию текста, и к его пониманию может выступать потребность общаться. Средства, которыми располагают участники коммуникации, представляются также сходными, если не общими: это язык — вербальные знаки письменного текста. Способы декодирования этих знаков также должны быть общими и известными для обоих коммуникантов, в противном случае коммуникация не состоится. Далее мы видим, что существенное отличие деятельности автора от действий читателя наблюдается в сфере целеполагания: с одной стороны — порождение текста, с другой — его понимание; создание, продуцирование информации — присвоение этой информации. Таким образом, получается, что при различии компонентов цели и, следовательно, задач, другие компоненты — мотив, средства, способ — так или иначе совпадают у обоих коммуникантов. Поэтому можно предположить, что именно сфера целеполагания может каким-то образом влиять на *неадекватность* понимания. А коль скоро цели коммуникантов разнонаправлены, т.е. принципиально различны, и кроме того, индивидуальные особенности реципиента никогда не позволяют его знаниям полностью совпасть со знаниями отправителя, то неадекватность понимания предстает неизбежным явлением в процессе коммуникации. Другое дело, что в большинстве случаев существует и стремление коммуникантов свести эту неадекватность к минимуму. Мы не случайно вводим в обсуждение такой компонент деятельности как условия ее протекания. Условиями коммуникации, а стало быть передачи и понимания текста, можно считать фоновые знания коммуникантов, степень их заинтересованности и даже их социальный

статус и состояние здоровья. Но невозможно удовлетворительно учесть все эти факторы. Что более существенно, так это возможность принять сам текст за условия, в которые погружена деятельность коммуникантов. Этому удовлетворяют два пункта: во-первых, текст представляет собой единое для коммуникантов информационное поле, то общее ментальное пространство, в котором существуют и работают оба сознания — порождающее и приобретающее информацию. Во-вторых, текст является данностью, которую можно рассматривать как материал лингвистического исследования, в отличие от мыслительных процессов коммуникантов, где требуется специальный эксперимент.

Таким образом, неадекватность понимания, которой никогда не удастся избежать при прочтении текста, тем не менее, имеет границы, очерченные информационным полем текста. Это информационное поле, по-видимому, может поддаваться какому-то определенному расширению и допускать колебания внутри своих значимых составляющих. Примером таких колебаний может служить перевод художественного текста или его пересказ: перевод или пересказ часто сужают или, наоборот, увеличивают текстовый объем, но так или иначе стремятся сохранить содержание, информационное поле и его направление. Так, известно, что на русский язык произведение Л.Кэрролла *«Alice in Wonderland»* переводилось/пересказывалось более десяти раз разными авторами, и даже в название сказки вносились авторские интерпретации (ср. напр., «Аня в стране чудес» в пер. В.Набокова и «Приключения Алисы в волшебной стране» в пер. А.Рожественской), но разброс смысловых нюансов при этом был незначительным и варьировался в основном за счет лексико-грамматических средств выражения авторских каламбуров и прочих случаев игры слов. При прочтении художественного текста без перевода, впрочем, также возможны неоднозначные ассоциативные толкования, часто с большим диапазоном колебания.

Думается, что сходные явления наблюдаются и в плане научного текста. Но здесь существует определенное ограничение — избегать непонятного и двусмысленного. Этого правила придерживается автор, избирая языковые средства для изложения своей мысли; об этом помнит и читатель, воспринимая колебания в своем понимании как недопустимые либо имеющие свои определенные границы (если, конечно, он вообще

заметит за собой какую-либо, по его мнению, неточность в понимании прочитанного).

Следует добавить, что при чтении художественного текста собственно понимание часто отходит на второй план и уступает место пониманию эстетической значимости произведения. Понятно, почему толкование романа или поэмы может так варьироваться — у каждого свои ценности. При работе же с научным текстом наиболее полное адекватное понимание предстает как самоценность такого рода деятельности. Требования прозрачности изложения, его экономичности и достаточности, стремление к его максимально адекватному пониманию делают научный текст более прозрачным для наблюдения таких сторон языка и стиля, которых научный текст избегает. Думается, что некоторый контраст между общим фоном научного изложения и фигуральным выражением подчеркивает особенности метафоры. Логичный и бесстрастный (в идеале, по крайней мере) научный текст лишь упрощает исследование характерных свойств метафоры.

Интересно, что среди работ по вопросу понимания есть непосредственно посвященные пониманию метафоры. Так, В.В.Петров считает, что так называемая поэтапная модель понимания предстает если не устаревшей, то для метафоры, по крайней мере, неприемлемой. Он предлагает понятие параллельной интерактивной обработки языкового элемента (в частности, метафоры), что предполагает одновременное взаимодействие знания на уровнях синтаксиса, семантики и прагматики [10]. Механизм понимания метафоры в этой концепции принципиально ничем не отличается от обработки буквальных выражений, с чем, впрочем, сложно не согласиться. В известной степени положения В.В.Петрова входят в противоречие с мнением, что понимание метафоры есть в какой-то степени мысленное отслеживание того пути (т.е. от этапа к этапу), который привел к ее созданию. То есть реципиент, используя свой личный опыт, обрабатывает результаты чьего-то сравнения и приходит к тому же, что и создатель метафоры, заключению об отношениях метафоризируемых сущностей [14. С. 108]. Возможно, это противоречие между интерактивной и поэтапной моделями понимания метафоры преодолимо, если вспомнить, что понимание следует отличать от интерпретации. Тогда, и в самом деле, понимание, которое предполагает прежде всего психические процессы, *одновременно*

подключающие области припоминания, узнавания, знаний и ассоциаций, можно считать интерактивным движением мысли.

Интерпретация же очевидно поэтапна, она выводит на поверхность возможные уровни и ступени понимания, которые приводят к тому, что А.А.Шахнарович и Н.М.Юрьева называют «то же заключение» (см. выше) об отношениях метафоризируемых сущностей. «То же заключение» предполагает, иными словами, что автор и читатель думают об одном и том же, соответственно, создавая и понимая метафору. «То же заключение», таким образом, можно соотнести с понятием информационного поля, единство которого для автора и читателя позволяет последнему не сомневаться в правильности (адекватности) своего понимания, допуская при этом колебания в деталях.

Поль Рикер подробно останавливается на разграничении понятий «понимание» и «интерпретация». Он называет понимание «искусством постижения значения» и говорит, что интерпретация объективна, развернута, эксплицитна в сравнении с одномоментным пониманием. Он отождествляет интерпретацию с объяснением и пользуется этими терминами как синонимами [15. С. 141]. Таким образом, одномоментное понимание и поэтапная интерпретация имеют единую цель — присвоить информацию. Тем самым интерпретация сближается с пониманием относительно своей цели.

Когда исследователь-лингвист работает с тем или иным текстовым материалом, он по сути является реципиентом того сообщения, которое заложено в исследуемом тексте. Другое дело, что специфичность поставленных перед лингвистом целей требует всякий деятельностный акт понимания развертывать в интерпретационную цепочку. Но, так или иначе, для реципиента-лингвиста характерны все те же особенности участника коммуникации, которые присущи любому другому реципиенту, в частности, неизбежная неадекватность понимания. Здесь понимание будет самоцелью, а путь к этой цели — интерпретационный (лингвистический) анализ. Лингвист-исследователь не просто субъективен в своем понимании, он осознает эту субъективность и в некотором роде зависим от этого, поскольку принужден вырабатывать систему критериев, которая способствовала бы «объективной научности» его исследования. Если в лингвистическом анализе учесть единство информационного поля и выделить систему опорных

критериев, в дальнейшей работе постоянно используя их, то тогда субъективность читателя-лингвиста становится величиной, которой можно пренебречь.

Необходимость обращаться к проблеме субъективности лингвистического анализа продиктована в нашем случае прежде всего тем, что наш предмет — метафора — обладает не четкими, но вероятностными границами. То, что для нас является метафорой, таковой может не быть в другой системе критериев (ср. напр., «нос корабля» как стертая *метафора* и как элемент *полисемии*). Поэтому мы и вырабатываем эту систему, в прямом смысле обосновывая наш исследовательский материал. Лингвистическое исследование несвободно от произвольных оценок и допущений, но их можно считать мало значимыми, если лингвистический анализ не отвлекается от однажды установленных принципов. Мы рассмотрели проблему неизбежности субъективизма в лингвистическом исследовании, тесно связанную с деятельностным актом текста и текстового элемента. В данном случае под текстовым элементом понимается метафорическое выражение.

Итак, существует необходимость выработать систему, которая способствовала бы четкому выделению метафорического выражения в научном тексте и дальнейшему изучению особенностей метафоры в данном типе текста. Метафорическое выражение нуждается в более определенной идентификационной системе, которая учитывала бы и дискурсивные аспекты. Одним из этих аспектов является необходимость минимального и достаточного контекста для понимания того факта, что перед нами метафора. На порождение, существование, а следовательно, и выявление в тексте метафорического выражения влияет и специфика текстового материала, в нашем случае — особенности научного стиля.

Характеристики научного стиля хорошо описаны и не нуждаются в подробном изложении: научный текст представляется *сознательно* обезличенным, повествование ведется с использованием пассивных конструкций, безличных оборотов и вводных слов и выражений. Сознательность подчеркивается неслучайно: поскольку считается, что научное изложение должно быть лишено некой личной заинтересованности, постольку авторы научных работ стремятся излагать только факты, наблюдаемые и проверяемые, т.е. осуществляют произвольный отбор

таких языковых средств, которые позволили бы изложить материал или мысль в наиболее «чистом» — эмоционально нейтральном — виде. В случае выдвижения гипотез и доказательств прибегают к логическим построениям, часто основанным на формальных элементах, стремясь таким образом избежать субъективного, т.е. неприемлемого в науке и научном изложении. Это стремление к логизму и требование применять только обоснованные доказательства без спорных допущений привели к тому, что научный стиль видится избегающим или даже вовсе лишенным языковых элементов, из-за которых логика склонна считать естественный язык «несовершенным»: полисемии, омонимии и т.п., в том числе фигуральности любого рода, в частности, метафоры. Помимо этого наука и язык науки считаются сферой, где царствует интеллект, где эмоциям, экспрессии нет места, или они не должны мешать главному — работе и изложению мысли. А поскольку метафорой считают прежде всего такой элемент, который наделен экспрессивной, эмотивной функцией, то в научном стиле ее поверхностно рассматривают как недопустимую и неупотребляемую. Отметим, однако, что и в научном тексте «несовершенства» языка не просто допустимы, но подчас обязательны. Так, в работах по экологии часто можно встретить элементы объемом до сверхфразовых единств (развернутые метафоры), используемые в качестве моделей тех явлений, которые не могут наблюдаться невооруженным глазом, а потому требуют для своего пояснения переноса по сходству признаков.

Рассмотрим пример: *The estuary, however, is not a passive way station, but a combination tollgate and indoctrination centre that extracts its fees from the transients and imposes a new way of life on the survivors of the passage* (Advances in Geophysics, Vol.22:130). Понятие *estuary* сравнивается с пропускным пунктом (*tollgate*), все высказывание выводит на поверхностный уровень компоненты, на основе которых проведена аналогия (*extracts its fees from the transients*). Благодаря такому объяснительному выражению, где экспликация еще подкреплена доводом от противного (*not a passive way station*), строится целостное представление, образ, причем абстрагированные компоненты становятся еще и примерами для интерпретации природы понятия *estuary* (устье *estuary* есть пропускной пункт *tollgate*, потому что совершает некоторую работу, схожую, по мнению автора текста, с тем, что проис-

ходит на пропускном пункте). Такая уровневая системность позволяет говорить о попытке интерпретации теории, выдвинутой в данной научной статье и посвященной конкретным процессам в конкретном геологическом объекте. Весь пример может быть принят за своего рода дефиницию, образность которой лишь способствует пониманию изучаемой сущности, и является попыткой автора найти приемлемые пути истолкования/моделирования изучаемой сущности.

Мысль подчас выступает как нечто настолько цельное, многогранное и нечеткое, что автору научного труда приходится выбирать: либо излагать мысль — с безусловным ущербом для нее — сообразно требованиям стиля, либо привлекать для ее выражения все возможные и необходимые средства, которыми располагает язык. Вербализованная, выраженная в словах мысль так или иначе — неполная мысль, но естественный язык, при условии, что мы пользуемся им во всей его полноте, способен хотя бы отчасти выразить то, что мы думаем и чего мы хотим. Метафора в этом смысле выступает как явление, полнее отражающее мысль, в ней наблюдается некоторая двуплановость или даже многоплановость, цельность и синкретизм того образа, который она выражает. Причем эта цельность предстает как неразделимая, и анализ метафоры с поиском двух сравниваемых сущностей и общих признаков не имеет ничего общего с тем неделимым образом, который рождается при метафоризации. Таких положений придерживается большинство исследователей в различных областях, так или иначе затрагивающих проблему мышления (в том числе физиологи — И.П.Павлов, Н.Бехтерева). Согласимся, таким образом, с тем, что метафора в научном тексте не просто приемлема — синкретизм метафорического образа делает ее необходимой в научном повествовании.

При исследовании проблематики понимания в научном тексте метафоричности как таковой и для более полного разрешения вопроса субъективности лингвистического анализа полезным будет противопоставление понятий истинности — неистинности (ложности) или, в других терминах, фигуральности — буквальности смыслов. Истинность представляется центральным для метафоричности понятием. Например, Э.Ортони утверждает, что суть метафоры — в ее ложности при буквальном прочтении [9. С. 219]. Дж. Серль говорит о возможности сказать что-то в метафорическом смысле, хотя буквально

такое выражение бессмысленно, и он разграничивает понятия «значение предложения» и «значение (высказывания) говорящего», соотнося с ними буквальность — небуквальность: значение предложения ложно при намерении (интенции) говорящего передать значение своего замысла небуквальными средствами [13. С. 307].

Таким образом, при буквальном прочтении метафорическое выражение ложно. Приведем в качестве примера терминологическое выражение *electromagnetic field*. Выражение принадлежит к сфере электромагнитной физики и описывает элемент того, что, например, Н.Д.Арутюнова называет «невидимым миром». Описываемая сущность никак, очевидно, не является «полем» в буквальном смысле: не является частью ландшафта, не покрыто травой и вообще чувственным опытом (по крайней мере, глазами) не наблюдаемо. Другое дело, что, изображенное схематически, оно («поле» — *field*) обладает признаками, схожими с буквальным «полем»: по-видимому, обширностью и относительно плоской (в схеме) конфигурацией, что дало возможность первым исследователям этого явления применить к нему наименование «*field*». В этом случае «*electromagnetic*» и общеконтекстуальный пункт (научное изложение физических реалий) служат основанием для небуквального прочтения всего выражения. Если исходить из того, что высказывание ложно, когда в нем используются имена вещей, которые на самом деле не имеются в виду, то такое высказывание можно принять за метафору. Разумеется, при этом необходимо выполнение общего требования метафоричности: имя переносится с вещи на вещь на основании сходства этих вещей. Н.Д.Арутюнова, которая изучала метафору в различных аспектах и проявлениях, указывает на свойство истинной оценки быть градуированной, что сближает истинность с понятием подобия (аналогии). Тем самым в сферу истинности привносится элемент сравнения: действительность сопоставляется с существующими у человека представлениями и образами, а степень сходства говорит и о степени истинности [2. С. 543]. А коль скоро для истинности возможно применять понятия сравнения и подобия, то и понятие метафоры вполне уместно рассматривать с позиций истинности, и в примере, приведенном выше, возможно увидеть метафоричность: некая сущность названа именем, свойственным другой (перенос имени), на основе некоторого их (сущностей) подобия (пе-

ренос по сходству), при буквальном прочтении выражение выглядит как нонсенс, стало быть, соблюдается еще одно метафорическое правило — логическая неистинность.

В научном тексте нередко можно встретить выражения, вроде приведенного примера, и все они «истинны» по одному-двум очевидным признакам, и ложны, а иногда абсурдны с точки зрения так называемого «обыденного сознания» [8. С. 387]. Нельзя ли в таком случае сделать заключение, что раз метафора и истинность так тесно взаимосвязаны, то метафорическим в научном тексте можно считать выражение, неистинное в буквальном прочтении? Возможно, это и верно, но необходимо сделать одно замечание: следует установить тот фон, на котором будет проявляться в научном тексте истинность — неистинность. Во-первых, элементом такого фона следует признать упомянутое обыденное сознание. Для языка науки слово «*field*» является общепризнанным термином, и только специальная точка зрения позволяет, как в нашем случае, усмотреть в нем движение мысли (перенос наименования). Современная научная терминология сформировалась позднее того, как устоялось обыденное словоупотребление, следует отметить, что язык постоянно меняется, и то, что вчера было буквальным, сегодня становится метафорическим, и наоборот. Поэтому, устанавливая истинность критерием идентификации метафоры в научном тексте, следует оговориться, что имеется в виду современный этап развития языка и современное обыденное сознание. Как правило, в языковом отношении обыденность отражена в словарях — толковых и двуязычных (не терминологических). Словарная статья дает значения словоупотреблений в том порядке, который отражает их общепринятость, и первым значением часто выступает то, которое составители словаря считают наиболее употребительным. Часто, но не всегда, поскольку лексикографический труд также не лишен субъективности и из нескольких общепринятых вариантов значений первое может быть выбрано произвольно (об этом говорят сравнительные работы по лексикографии) [1. С. 35]. Итак, наряду с *критерием истинности* (с оговоркой, что имеется в виду современный языковой срез), принцип идентификации метафоричности по словарям, т.е. *лексикографический критерий*, мог бы стать достаточным основанием для выделения метафоры в научном тексте. Основание истинности позволило бы выделить сам факт

переноса (небуквального словоупотребления), а с помощью словаря идентификацию выражения как метафорического можно было бы закрепить, установив источник переноса.

Лингвистическое исследование метафоры в научном тексте затрагивает вопрос необходи-

мости установления системы критериев идентификации метафорического выражения, что приводит непосредственным образом к более глобальной проблеме — субъективности лингвистического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов Г.А., Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Архипов И.К. О принципах идентификации переносных значений // *Studia Linguistica*: Сб. науч. ст. Вып. 4 / Отв. ред. В.М.Аринштейн, Н.А.Абиева. СПб., 1997.
4. Бехтерева Н.П., Бундзен П.В., Гоголицын Ю.Л. Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. Иванов Вяч.Вс. Ассиметрия мозга и динамика знаковых систем // *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 1. М., 1998.
7. Йоргенсен М., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры* / Ред.-сост. Н.Д.Арутюнова. М., 1990.
9. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // *Теория метафоры* / Ред.-сост. Н.Д.Арутюнова. М., 1990.
10. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к содержательному анализу // *Вопросы языкознания*. 1990. № 3.
11. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. М., 1978.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
13. Серль Дж. Метафора // *Теория метафоры* / Ред.-сост. Н.Д.Арутюнова. М., 1990.
14. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. К проблеме понимания метафоры // *Метафора в языке и тексте*. М., 1988.
15. Ricoeur P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // *On Metaphor: Essays based on a simp. "Metaphor: the conceptual leap"*, in Febr. 1978 / Ed. by Sheldon Sacks. Chicago; L., 1978.

REFERENCES

1. Antipov G.A. Teskt kak yavleniye kulturni [Text as a cultural phenomenon]. Novosibirsk, 1989 (in Russian).
2. Arutiunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. Moscow, 1999 (in Russian).
3. Arkhipov I.K. O printsipakh identifikatsii perenosnykh znacheniy [On the principles of identifying figurative meanings] // *Studia Linguistica*. Collected works. Issue 4. Saint-Petersburg, 1997 (in Russian).
4. Bekhtereva N.P., Bundzen P.V., Gogolitsyn Yu.L. Mozgoviyeye kody psikhicheskoy deyatel'nosti [Brain codes of mental activity]. Leningrad, 1977 (in Russian).
5. Galperin I.R. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981 (in Russian).
6. Ivanov V.Vs. Assimetriya mozga i dinamika znakovykh system [Brain asymmetry and dynamics of sign systems // *Selected papers on semiotics and cultural history*. V. 1. Moscow, 1998 (in Russian).
7. Jorgensen M., Phillips L.J. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Kharkov, 2008 (in Russian).
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By // *Teoriya metafory*. Edited by N.D.Arutyunova. Moscow, 1990 (translated into Russian).
9. Orton E. The role of similarity in similes and metaphors // *Teoriya metafory*. Edited by N.D.Arutyunova. Moscow, 1990 (translated into Russian).
10. Petrov V.V. Metafora: ot semanticheskikh predstavleniy k sodержatenomu analizu [Metaphor: from semantic representations to the content analysis] // *Voprosy yazykoznaneya*. 1990. № 3 (in Russian).
11. Razinkina N.M. Razvitiye yazyka angliskoy nauchnoj literatury [Development of English academic literature]. Moscow, 1978 (in Russian).
12. Rubinstein S.L. Osnovy obshchey psikhologii [Basics of general psychology]. Saint-Petersburg, 1998 (in Russian).

13. Searle J. Metaphor // Teoriya metafory. Edited by N.D.Arutyunova. Moscow, 1990 (translated into Russian).
14. Shahnarovich A.M., Yurieva N.M. K probleme ponimaniya metafory [On the problem of understanding metaphors] // Metaphora v yazyke i tekste. Moscow, 1988 (in Russian).
15. Ricoeur P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // On Metaphor: Essays based on a simp. "Metaphor: the conceptual leap", in Febr. 1978 / Ed. by Sheldon Sacks. Chicago; L., 1978.

A. Fetisov

Saint-Petersburg, Russia

METAPHOR IN ACADEMIC DISCOURSE - UNDERSTANDING TEXTS AND SUBJECTIVENESS OF LINGUISTIC ANALYSIS

Abstract. A research on metaphors found in academic discourse implies the necessity of the development of metaphor identification criteria. Metaphor cannot be discussed adequately without understanding its connections with a wider text material, and this fact leads to a deeper problem – subjectiveness of linguistic/discourse analysis. Academic discourse, taken as a material of the research, is considered to be lacking figurative expressions, however, metaphors in this type of text often occur. The identification of an expression as metaphoric reveals itself as a problem of understanding the text. Arguing that academic texts in any given case contain metaphors, we mean that there is an expression which, in our opinion, is a metaphorical entity. However, when studying academic texts, it is quite difficult to define a metaphoric expression, which means there is a *problem of understanding* the metaphor. The specifics of text material, such as style, affect the identification of metaphors occurring within. Along with the *criterion of truth*, the principle of identifying the metaphors using dictionaries would be a sufficient basis for identifying a metaphor in academic texts. The base of the truth would highlight the transfer of meaning (non-literal use of language means), and using a dictionary we could fix the identification of a metaphor by identifying the source of transfer. A linguist recipient is characterized by all the same features that are inherent to any other recipient, in particular, the inevitable inadequacy of understanding. However, understanding is a goal by itself, which a linguist is achieving through interpretative (linguistic) analysis. A linguist researcher is aware of its subjective features and he or she depends on them, as one has to develop a system of criteria leading to the “objective scientific character” of the study. The criterion of truth conditions of utterance combined with the lexicographic analysis proves to be relevant and sufficient. If the discourse analysis takes into account the unity of the theme field, and is based on a system of relevant identification criteria, the results can be viewed as consistent, and subjectiveness of such analysis appears to be ignorable.

Keywords: metaphor, metaphoric expression, academic discourse, text, understanding, discourse analysis, adequacy of understanding, identification problem, subjectiveness.

About the author: Anatoliy Yurievich Fetisov, Associate Professor at the Department of Translation and Interpreting.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Н.А.Кривошея
Нижевартовск, РоссияПОВЕСТЬ А.М.РЕМИЗОВА «КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ»
В АСПЕКТЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СВОЕОБРАЗИЯ
ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. Статья содержит анализ идейно-художественных средств повести А.М.Ремизова «Крестовые сестры» в аспекте творчества писателя и литературных традиций. Исследование произведения с помощью метода герменевтики, сравнительно-исторического, типологического, культурно-исторического, биографического методов и элементов системного анализа раскрыло мировоззренческую концепцию автора и его неповторимую художественную манеру. Сюжет повести — переосмысление биографического факта жизни писателем, ставшее уже не первым подтверждением его убеждения в бедовой доле человека, предопределенной высшими силами. Экзистенциальная трагичность существования человека (тема произведения) обуславливается в повести еще и отчужденностью, безразличием героев друг к другу, породившими в мифологизированном сознании автора убеждение, что «человек человеку бревно», а из жизни человека есть только один выход — смерть (художественная идея повести, следующая из поставленных писателем вопросов о возможности преодоления предопределенного трагизма человеческой судьбы). Главными оппозиционными образами повести являются «маленький человек» Маракулин и крестьянка Акумовна, сквозь призму которых А.М.Ремизов воплотил свое видение судьбы всей России, которая стояла на пороге катастрофы (революции).

Повесть заслужила много похвал со стороны критиков и друзей писателя, отметивших ее музыкальность, симфоническую композицию, богатый язык, четкие образы героев. В произведении автор переплетает фольклор (песни Веры Николаевны), сновидения (вещие сны, сны Акумовны об ином мире), свои оценки видения идей современников (в частности, Ф.М. Достоевского и В. (В.В.) Хлебникова), трансформированные литературные каноны (например, судьбы Москвы и Петербурга), что делает «детище» Алексея Михайловича поистине шедевром мировой литературы.

Ключевые слова: «маленький человек»; литературная традиция; женские образы; образ России; антиутопия; апокрифическая легенда; образ Петербурга; анахронизм; автобиографизм.

Сведения об авторе: Кривошея Надежда Александровна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижевартовского государственного университета.

Место работы: МБОУ СОШ № 25.

Контактная информация: 628605, г.Нижевартовск, ул.Спортивная, д.6, e-mail: homerka-nadezhda@yandex.ru

Творчество А.М.Ремизова, особенно на раннем этапе, не вызывало у современников большого интереса. Но в 1910-х гг. меняется не только отношение публики к писателю, выразившееся множеством литературных карикатур в известных журналах и свидетельствующее о большом интересе к автору, но и материальное состояние автора, улучшившееся благодаря изданию «Избранных произведений» в литературном альманахе издательства «Шиповник», а также публикации повести «Крестовые сестры».

Особым трансформациям в творчестве писателя в эти годы подвергается образ «маленького человека». Напомним, что впервые Алексей Михайлович обращается к нему в повести «Неумный бубен». Однако от классического образа у Ивана Семеновича, главного героя пове-

сти, остаются только его низкое социальное положение и трагический исход. А.Ремизов наделяет своего героя искусством слова, собирательством (коллекционерством атрибутов ритуального назначения), которые характерны вовсе не для мелкого чиновника, а скорее для шамана.

В 1910 г. выходит в свет повесть «Крестовые сестры», в центре которой чиновник, Петр Алексеевич Маракулин, выписывающий талоны. Однако для Алексея Михайловича это частный эпизод реальности, в который он вплетает мифологическую модель древнерусской духовности с ее универсальным образом терпения [2. С. 109].

Повествование, как и в «Неумном бубне», автор начинает непринужденно в сказовой форме, мол были такие приятели Маракулин и Глотов,

вовсе не похожие, но «была у них у обоих при- метина — качество и такое коренное... хоботок словно, либо усик какой у них у обоих был ... всасывал в себя все живое, все, что вокруг жизнью живет до травинки, которая дышит, до малого камушка, который растет, и всасывал с какою-то жадностью и весело, да как-то заразительно весело» [1. С. 97]. Нельзя оставить без внимания упоминание о жене Глотова, которую он «с третьего этажа на мостовую выбросил и у бедняжки череп пополам» [1]. Данный случай писатель вводит в повествование, следуя гоголевскому стилю, предвещая гибель главного героя. В повести применяется прием своеобразного «двойничества», когда персонажи композиционно объединены по сходству. Глов — подразумеваемый психологический двойник Петра Алексеевича, приносящий последнему несчастья, изредка появляясь в повествовании, и служащий скрытой пружиной действия [2. С. 110].

Маракулин не имеет четкого портрета, главное другое — по словам самого Маракулина, «на человека он нисколько не похож... никогда ни о чем не думает, просто не чувствует, чтобы думалось... когда знакомят его, то различий он никаких не замечает и никаких особенностей ни в лице, ни в движениях своего нового знакомого... чаще преобладает чувство близости и уверенности в благожелательстве»¹. Создается образ блаженного, юродивого, готового «к бешеному зверю в клетку войти и не сморгнуть, и не задумавшись руку протянуть», чтобы по

¹ «И было у него одно примечательное сумасбродное свойство, над которым обычно посмеивались: взбредут ему в голову пустяки какие-нибудь и он так за них ухватится и с таким упорством, словно бы вся суть в них и его собственной жизни и вообще всякой жизни, — ведь целое дело из пустяков себе выдумает! Да вот еще, и чуднее еще рассказывал Маракулин о какой-то своей ничем не объяснимой необыкновенной радости, а испытывал он ее совсем неожиданно: бежит другой раз поутру на службу и вдруг беспричинно словно бы сердце перепорхнет в груди, переполнит грудь и станет необыкновенно радостно. И такая это радость его, так охватит всего и так ее много, взял бы, кажется, из груди, из самого сердца горячую и роздал каждому, — и на всех бы хватило, взял бы, как птичку, в обе горсти и, дуя ртом, чтобы не зазябла, не выпорхнула эта райская птичка, понес бы ее по Невскому: пускай видят ее, и вдохнут тепло ее, и почувствуют свет ее, тихий свет и тепло, каким дышит и светит сердце от радости» [Цит. по: 1. С. 98—99].

вздыбившейся бешеной шерсти зверя погладить, и зверь кусаться не будет» [1. С. 99]. Но мироощущение героя кардинальным образом меняется после досадной ошибки в книжке, за которую Маракулина увольняют со службы. Ремизов, как и в своих сказках, обыгрывая слова и поговорки, виртуозно выводит в сознании Петра Алексеевича формулу: «человек человеку бревно», звучащую рефреном на протяжении всей повести. И открываются перед главным героем три истины. Первая: «...Навалится беда, терпи... она тебя не отпустит, пока срок ей не кончится» [1. С. 102]. Вторая: «...Навалится беда, забудь, что на свете есть люди... если захотят помочь, все равно, беда дела их расстроит, всякое дело их на нет сведет, разгонит и запугает» [1. С. 103]. Третья: «...без того уж нельзя, чтобы сердца не изнести — сердца не сорвать... когда примется кто свое право доказывать на существование» [1. С. 104].

Вся непринужденность жизни Петра Алексеевича, юродивость исчезает из-за «слепой случайности» (ошибка в книжке, повлекшая увольнение героя со службы). Он не похож на «нормальных» людей, не пригоден для жизни в таком обществе, когда навалится беда; и думается ему как никогда: «до боли думалось, мысли шли безостановочно, как в бреду» [1]. Полную картину жизнеописания Петра Алексеевича довершает пятая глава. У него есть сестры, с которыми он не общается, мать и отец умерли, есть друг детства и юности — Павел Плотников. Но главное, пожалуй, что он родом из Москвы (старой России), города-антипода Санкт-Петербурга, в котором разворачивается действие. Следуя литературной традиции, где Петербург — место смерти и безумия, а также народному поверью, согласно которому Петр Великий — Антихрист, Алексей Ремизов переплетает мир прошлого с его обрядами и ритуалами с ходом сюжета [2. С. 110].

Так, повинувшись злему року, Маракулин становится одним из домочадцев Буркова двора, жизненные истории некоторых из них производят на него неизгладимое впечатление. Особенно трагичны судьбы четырех женщин: Акумовны, Кликачевой Веры Николаевны, Верочки (Вехоревой Веры Ивановны) и Анны Степановны Шияновой.

Крестьянка Акумовна, которую автор сам нарекает «божественная», — центральная фигура-антипод Маракулина, введенная в систему персонажей повести согласно композиционному

принципу противопоставления двух образов друг другу. Ей «верных пятьдесят», «псковитянка», «маленькая, черненькая, лицо очень смуглое — жук, а улыбается и поглядывает как-то по-юродивому не прямо, а из стороны, голову немножко набок, и кроткая — никогда ни на кого не осердится» [1. С. 122]. Из Турьего Рога в Бурков двор ее привела смерть любимой барыни и благословение отца: «коло белого света катучим камнем» [1. С. 125]. Любят все Акумовну, она на том свете была, ходила по мукам. Из дома она — почти никуда, и все ей хочется воздухом подышать.

Вера Николаевна Кликачева — героиня с не менее трагичной судьбой. Автор, описывая ее худенькую фигуру, выделяет удивительные глаза: «Из чего жив человек: ни кровинки в лице, а глаза, как потерянные — бродячей Святой Руси» [1. С. 130]. Родом из Костринска на реке Устюжине, благодаря ссыльной стала учиться, окончила Надеждинские курсы, собирается на аттестат зрелости готовиться, чтобы поступить в Медицинский. А учеба дается трудно, до слез (воет, «словно петлей горло сжимали и петля затягивалась туго» [1. С. 134]).

Верочка, «южанка, но воспитывалась в Москве», нравилась Маракулину. Танцевала и читала хорошо, ученица театрального училища. «Бесстыжая» и заносчивая, говорила, что великая актриса, кричала: «Я покажу, кто я, всему миру». Любила рассказывать о себе, но каждый раз «по-разному». И чувствовал Маракулин, это она заводчику Вакуеву «показать» хочет: содержал год, а надоела — отправил в Петербург, учиться на тридцать рублей в месяц. Ночью билась Верочка головой о стену.

Анна Степановна Шиянова из города Пурховец на реке Смугре — соловей-города. Была обманута Лещевым, который женился на ней из-за наследства. Обманутая, преданная. Было больно за ее улыбку.

Знакомясь с этими женщинами и видя, как они, несмотря на свои невзгоды, живут и еще надеются на что-то, Маракулин пытается разорвать порочный круг и доказать свое право на существование: «видеть, слышать, чувствовать» [2. С. 116]. Так рождается идея о «вошьей, беспечальной, безгрешной и бессмертной жизни». Наблюдая каждый день за генеральшей Холмогоровой, прогуливающейся для моциона, Маракулин испытывает обиду за себя и за все прозябающее человечество. Ход рассуждения Петра Алексеевича об улучшении мироустройства

являет собой издевку над рационализмом, образы этой карикатуры роднят его с человеком из подполья Ф.М.Достоевского¹. Маракулин находится во власти видения Нового Сиона, являющего собой карикатуру представления о человеческой воле и свободе еще одного «выходца» Достоевского — Ивана Карамазова, где «светоносный святолепный старец Кабаков, завалив свое подполье с граммофоном, изрекающим глас с небеси, объявил ... себя миру, как вождь и судия» [1. С. 136]. А люди ради умиротворенного и безоблачного существования «без всяких даже излишних слов и церемоний ... на зов мужественного, свободного гордого слова юркнули бы в какую-нибудь гигантских размеров конским волосом заросшую голову, состроенную хоть бы у нас на таком же Бельгийском заводе, впрыгнули бы в этот кабаковский неруководный Новый Сион с миром и милостью, чтобы начать новую вошью жизнь, беспечальную, безгрешную, бессмертную, а главное спокойную: питайся, переваривай и закаляйся» [1. С. 136—137].

Картина-шарж улучшенного мироустройства, засевавшая в мозгу Маракулина, не выдерживает никакой критики. Эта тирада изобилует словами из возвышенной лексики, перемежаясь со светским языком и грубыми разговорными выражениями из сниженной лексики: «глас с небеси», «вождь и судьба», «на зов мужественного, свободного гордого слова», «юркнули» и др.

Не менее шокирующе выглядит «теория» Павла Плотникова, друга Маракулина, навеянная месячным запоем. Чудно и странно было Петру Алексеевичу не только от вида своего друга («У него головы нет, рот на спине, а глаза на плечах» [1. С. 179]), но и от его идеи о мухе в качестве двигательной силы. Наевшись меду, он вообразил себя ульем. Чувствуя, что улью грозит уничтожение, решил заняться эксплуатацией мух².

¹ Ср.: «...осыпьте его <человека> всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории...» [Цит. по: 4].

² «Вся Россия будет разделена на отделы с мушиным наместником на каждый отдел, наместники с генерал-губернаторскими полномочиями будут заведовать мушиным сбором, и в особой автоматической упаковке на бронированных автомобилях муха будет

Ремизов, следуя своим литературным предпочтениям, прибегает к сатирическому изобличению утопии человека из подполья Достоевского, который отдает великую роль «достопочтенным муравьям» [4] за их постоянство и положительность. Образ мухи как символ сатаны придает этой антиутопии демонический смысл [2. С. 117].

В отличие от Маракулина, Плотников амбициозен: он представляет, как с помощью мух и северноледовитоокеанского флота России, достигнув и взяв полюс и «обиталище Гога и Магога» [1. С. 180], будет «самодержавно управлять земным шаром, вращая его по собственному произволу, то влево, то вправо, то остановит, то пустит» [1].

Данное видение героя становится видением России автора, ключом к которому служит пейзажная характеристика Плотникова: «Кабинет был разделен на две половины, на два отдела: с одной стороны копии с несторовских картин <Святая Русь>, а с другой две клетки с обезьянами» [1. С. 179]. Псевдоутопия Плотникова не только тяготеет к варварской Обезьянней Руси, но и является, по сути, ее продуктом [2. С. 117]. А.Ремизов как истинный провидец, предчувствуя веяния своего времени, ощущает, что в России грядут большие перемены, которые воплотятся в творчестве писателя в «Обезвельволпал». Не даром Маракулин заявляет Медному всаднику, что изменения в императорской России невозможны: «Ваше императорское величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами. Больше я ничего не имею сказать!» [1. С. 201].

Наиболее значимым, в плане ремизовских воззрений, является образ Плотникова, прототипом которого стал современник писателя, Велимир Хлебников — «председатель земного шара», «планетчик», по определению Алексея Михайловича, хотевший «обрусить земной шар». Идея Хлебникова о слове как таковом, о его собственных внутренних значениях, приводящих к внешней разобщенности смыслов вызвала у А.Ремизова двойственное отношение, отразившееся в повести выражением «чудно и странно». Алексею Михайловичу импонировало желание и стремление Велимира Хлебнико-

ва оживить язык путем возвращения его к историческим корням, но «чаяния всемирной гегемонии “всеславянского” языка были для Ремизова неприемлемы» [3]. Это обусловило иронический тон изложения речи Плотникова.

Другое дело — Акумовна, кроткая, юродивая, олицетворяющая Святую Русь, которая лишь грозит: «Я к Государю пойду: как помирать, руки так — и все расскажу. Нагишом пойду, нагая: как помирать, руки так — и все расскажу» [1. С. 152]. Именно она является прототипом бабушки в «Взвихренной Руси». Именно она Божья избранница, которой открыто знание о потустороннем мире и уготована магическая роль защитницы [2. С. 113]. В произведении автор виртуозно переплетает сны Акумовны о загробной жизни, используя язык сказки и апокрифической легенды, со снами Маракулина о Медном всаднике. Это два отражения смерти, которые перекликаются с лейтмотивами главных героев: у Акумовны — «обвиновать никого нельзя», у Маракулина — «как прожить» [2].

Следуя своей излюбленной манере, Алексей Михайлович стилизует хождения по мукам Акумовны под апокрифическую легенду, так почитаемую русским народом. Как в сказках и легендах, Ремизов обрамляет само повествование начальной и конечной формулами: «Акумовна на том свете была, на том свете ходила она по мукам... Так побывала Акумовна на том свете, таково ее хождение по мукам» [1. С. 123, 124]. А там она видит: «лежит на полу рыба протухлая, гадкая, разная, мясо, черепы, нехорошее все, худое лежит, и люди умершие — одни кости лежат, члены человечьи, и животные умершие лежат, все гнило, все гадость... Хоть бы Бог дал святых тайн принять! — думаю себе, — выйду я из этого блуду. И все поминаю: “Господи, Господи, хоть бы причаститься, замучилась я!”» [1. С. 123]. Увиденное представляет собой не что иное, как современную Россию, замершую на пороге апокалипсиса. Нечто похожее видит во сне и Маракулин: «Лежали на Бурковом дворе, как на смертном поле, но не кости, живые люди, не сухие кости, живые люди, у всех жило и билось сердце» [1. С. 164]. Описанию всех лиц, находящихся на «смертном поле», посвящена целая страница, автор довольно скрупулезно перечисляет всех обитателей Буркова двора и тех, кто так или иначе был упомянут в повести. А после них, связывая сон с хождениями Акумовны, Маракулин видит всю «бродячую Святую Русь».

доставляться со всех концов России в Москву на Таганку. Русская муха победит пар и электричество, Россия сотрет в порошок Англию и Америку» [Цит. по: 1].

Но если в хождениях Акумовны фигурируют образы, характерные для средневековой традиции [2. С. 113] (озера, горы, хвостатые чудовища, голуби), то у Петра Алексеевича — его тезка, Медный всадник. Во сне герой видит его пожарным в медной каске, нечеловечески огромным, предвещающим наказание: «Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко!» [1. С. 164]. У всех появление пожарного вызывает дурное предчувствие, Маракулин спрашивает: «А мне хорошо будет? — Подожди, — сказал пожарный» [1]. Данный диалог говорит о том, что отчаяние главного героя все нарастает, и свидетельствует о том, что смерть последнего уже близко. Однако автор этим диалогом хочет напомнить читателю также о «пророчествах крестьян и староверов, которые предсказывали, что город погибнет от огня или наводнения» [2. С. 112]. Именно поэтому Медный всадник появляется в образе пожарного. Хотя согласно литературной традиции (например, «Медный всадник» А.С.Пушкина, «Подводный город» Михаила Дмитриева, «Преступление и наказание» (Свидригайлов) Ф.М.Достоевского) возмездием для Петербурга должно послужить море. Таким образом, мы можем говорить об отходе от литературной традиции Ремизовым, который объединяет общей судьбой Петербург и Москву.

Помимо двух главных героев, сны сняты еще Адонии Ивойловне Журавлевой, однако она призвана служить только «красивым» фоном филигранного образа Акумовны. Как нам кажется, автор неспроста нарекает ее столь уникальным именем, делая отсылку к женским образам сборника сказок «Докуки и балагурья»¹. Это немолодая, полная и очень добрая женщина. «Сама она поморка — беломорская» [1. С. 118]. Богата, детей нет, только племянник один, любит поговорить о кушаньях. Каждую весну она отправляется по святым местам — любит блаженных и юродивых. Была она у безумствующего старца в Кишиневе, у старца

Макария на Урале, у Ивановского старца, была и у отшельницы Параши, пророчество² которой никак не может уразуметь. «По ночам Адонию Ивойловну сны одолевают. Пестрые ей снятся сны. Ей снится ее родина, родные реки — Онега-река, Двина-река, Пинега-река, Мезень-река, Печора-река и тяжелая парча старорусских нарядов, белый жемчуг и розовый лапландский, киты, тюлени, лопари, самоеды, сказки и старины, долгие зимние ночи и полунощное солнце, Соловки и хороводы» [1. С. 120]. Рассказы Адонии Ивойловны с ярким и красочным образом Древней Руси служат контрастом образу угнетающего Петербурга³. Все происходящее в городе идет своим чередом по замкнутому кругу: «Свадьбы, покойники, случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, караул и участок, и не то человек кричит, не то кошка мяучит, не то душат кого-то, — так всякий день» [1. С. 115]. Обезличенность образа города и горожан еще раз подчеркивает атмосферу отчуждения, царящую в нем. Показателен в этом ключе эпизод с кошкой Муркой, которая не то убила, не то проглотила гвоздик или осколок. Все зеваки: и дети, и взрослые, видя Муркины страдания, стояли и ждали, когда будет конец.

В статье «Для чего мы живем» К.Чуковский утверждает, что ремизовские герои, как правило, чего-то страшатся не только наяву, но и во сне. А страшнее всего, по мнению автора статьи, сама жизнь, «которая ломает, кромсает, коверкает нас» [5]. Он сравнивает обитателей Буркова двора с Муркой: «И вот, оглянувшись, Ремизов заметил, что и все обитатели этого дома, обыкновеннейшие петербургские “жильцы” и “жилицы”, — все они такие же Мурки. У каждого по гвоздику внутри» [5]. По Чуковскому, для А.Ремизова гвоздик — это и проклятие, и спасение.

² «Корабли пойдут, много кораблей — далеко!» [Цит. по: 1. С. 119].

³ Ср.: «Когда на дворе Бельгийского Общества появляются черные люди и, как каторжники, один за другим везут с Фонтанки черные тачки с каменным углем, и день за днем двор вырастает в черную гору, это значит лето прошло, зима наступает — осень. Когда же гора начинает убывать и тая, как снег, расплзается, и снова появляются с черными тачками черные люди и в звонких тачках развозят куда-то последние черные куски, и на дворе, усыпанном седым песком, поднимаются белые палатки и в серых больничных халатах бродят стриженные землистые люди да мелькает красный крест белых сестер, это значит зима прошла, лето наступает — весна» [Цит. по: 1. С. 111].

¹ Одна из частей сборника посвящена царю Соломону и царю Давиду, кроме того, перевод имени и отчества героини говорит о ее «приближенности» к Богу. Адония (с ивр. (мой) господь — Яхве) — четвертый сын царя Давида. Как старший из оставшихся в живых царских сыновей на основании древнего права он попытался добиться царской власти, несмотря на то, что наследником престола был определен Соломон. [8] Ивоил (евр.) — Бог—Яхве [9].

И если в тебе нет гвоздика — ты гнусное насекомое¹. Так, Алексей Михайлович «на тысячи ладов изображает всякие пассивные, страдательные состояния, — и вся Русь недаром предоставляется ему «оробевшей... все выносящей, покорной, терпеливой», такой, которая «только и умеет сложить костер и сжечь себя на костре» [5]. Почти таково наказание для себя матери Маракулина, Евгении Александровны. После многократного надругательства на фабрике сначала Цыгановым, потом техником, потом еще кем-то², она, в Страстную пятницу, нагая, с бритвой в руке исполосовала свое тело крестами в церкви.

Свой «костер» в последней главе уже готовят соседи Маракулина, да и он сам. Все больше и больше сгущаются тучи над героями, растет напряжение духа отчаяния и неизбежности³, которое у героев-обитателей Буркова дома вызывает бредовую идею поехать в Париж. Однако планам героев не суждено сбыться — Маракулин получает от Плотникова двадцать пять рублей вместо желанной тысячи, после чего все в Петре Алексеевиче замолкло и заглохло. За день до смерти он видит вещий сон, в котором ему указывают срок — суббота. Оставшееся время герой бродит по Петербургу в надежде встретить Верочку, все ей рассказать и про-

¹ «Ремизов его <Маракулина> ненавидит, как может, и фыркает на него, и смотреть на него не хочет, и нужно было, чтобы жизнь, чтобы гнуснейшая сила жизни — «слепая случайность» — смяла и раздавила этого богатыря-ребенка, — и только тогда (но не раньше!) Ремизов признает его человеком, и только тогда он дал ему право на жизнь... Чуть Маракулин проглотил назначенный ему судьбою гвоздик, он, — по словам автора, — впервые «стал видеть, слышать и чувствовать»» [Цит. по: 5].

² «Люди подходили и делали то, что хотели, они делали все, на что их бросало, и она не могла сопротивляться, уступала им с животным отвращением и болью» [Цит. по: 1. С. 170].

³ «Василий Александрович — клоун выписался из больницы, поджила у него пятка, но все-таки прежнего нет, не вернуть, — пятка уж не такая, и стал он вроде, как без пяток: пройдет на угол Горюховой до газетчика и обратно — только и всего. Вере Николаевне вместо экзамена на аттестат зрелости доктор посоветовал, не теряя минуты, куда-то в Абас-Туман отправляться: с легкими что-то не очень-то ладное оказалось — скрип какой-то у ней и шип в легких. Анна Степановна от образцового порядка просто с ног валилась и все только улыбается, все улыбается своею больной страшной улыбкой» [Цит. по: 1. С. 186].

ститься. Не достигнув своей цели, он мечется по улицам, становится свидетелем смерти генеральши Холмогоровой и решает идти домой — спросить у Акумовны про свой сон. Не получив ответа, успокоившись, что пробило двенадцать и наступило воскресенье, вывешивается с подушкой в окно и, чувствуя подкатывающуюся необыкновенную радость, срывается вниз.

Данный неоднозначный эпизод породил дискуссию у литературоведов о том, что же это: самоубийство или случай? Нам данный вопрос не представляется принципиальным, но версия самоубийства кажется более правдоподобной, если следовать логике хронотопа произведения. Автор, как и практически во всем своем творчестве, не ограничивает действие конкретным временем, а использует религиозный календарь, что придает времени цикличность (как в «Посолони»). Так, Маракулин видит сон в семицкую ночь (четверг перед Троицей). По традиции, перед Троицей всегда происходит помин усопших, умерших не своей смертью [7]. Многие происшествия происходят с героем в преддверии праздников, например, Маракулина увольняют на Пасху, или он теряет крестильный крестик на Рождество и др. Неоднозначность смерти героя — проявление хаоса бытия, бедовой доли человека, правящей его жизнью.

Автор дополняет оппозиционный строй повести оппозицией стихий. Так, Медный всадник, приснившийся Маракулину в образе пожарного, олицетворяет стихии воды и огня. Им противопоставлены: Акумовна, которой все воздухом бы подышать — стихия воздуха⁴, Адония Измайловна, которую в снах коровы просят научить говорить, — земля⁵. Но если героини отражают созидательное начало, то пожарный, Медный всадник, — деструктивное.

Что касается композиции, то она, видимо, задумывалась автором как симфония. Каждая глава вводит основную тему, а потом тематические лейтмотивы, связанные с конкретным персонажем. Рефрены подхватывают темы и углубляют

⁴ «Разные ей снятся сны... Но чаще, очень часто она летает... — И так мне легко все станет и все лечу вперед, как птица» [Цит. по: 1. С. 123].

⁵ «Плачет Адония Измайловна... Похоронили мужа на Смоленском кладбище, а она хотела в Невской лавре: родственники настояли...они его не любили. Она одна любила его, и ее не послушали. А на кладбище земля под ним уходит, обваливается земля» [Цит. по: 1. С. 121].

их путем повторов [2. С. 111]. Это, безусловно, придает повести музыкальность, как и песни одной из «крестовых сестер», Веры Николаевны. Она поет старинным укладом песню из апокрифической «Голубиной книги», аллегорическая героиня оригинальной поэмы которой — Божья мать — сокрушается о невзгодах, постигших «всю Русь-Святорусскую». Анахронизм песен героини — еще один уцелевший элемент мифологического сознания, сталкивающийся с урбанистической реальностью [2. С. 114—115].

Удивительно, что повесть, безусловно, определила свое время, стала пророческой для России, хотя изначально задумывалась автором как памфлет. Повод — обвинения А.М.Ремизова в плагиате критиком А.Измайловым. «Так, шутивая самохарактеристика Маракулина в “письме своем объяснительном” — “вор и экспроприатор” — представляет собой контаминированную цитату из статьи-обвинения» [3]. Верно и то, что писатель, как и его герой, после обвинения испытывал большие трудности.

Среди причин, способствовавших написанию повести, А.А.Данилевский считает:

— нерасчлененность в сознании Ремизова понятий «писатель» и «человек»;

— чувство пиетета к «мирам иным» и к миру бытовой эмпирии (вслед за Ф.М.Достоевским Ремизов отмечает зависимость мира явлений от мира сущностей);

— измельчение человеческого общества и культуры (породившее скепсис писателя к современной литературе и ее авторам, в том числе и к себе) [3].

Таким образом, «Крестовые сестры», прежде всего для Ремизова, стали находкой новой формы короткого романа с внушительным семантическим охватом [2. С. 118.], в котором переплетены литературная традиция, фольклор, поэзия, сновидения, разнообразные жанры, призванные служить авторскому кредо. Так, обездоленные женщины, объединенные одной трагической судьбой и принявшие один крест равных страданий¹, да и другие герои повести — всего

¹ В выборе названия для своей повести и соотношении его к содержанию можно также проследить тень ремизовской игры, призванной запутать читателя и заставить его размышлять, обращаться к истокам своей культуры. Так, понятие «крестовые братья, сестры» предполагает, как правило, обмен крестами. Данный обычай, когда обмениваются крестами и вешают их на дерево, характерен для рурсальской (троицкой) недели, символизируя замену индивидуальности человека [8].

лишь марионетки, подчиненные внешним обстоятельствам и хаосу бытия.

По словам Алексея Михайловича, это произведение — единственное «по огорчению против мира». Тяжелый жизненный кризис, явившийся поводом для создания повести, помог писателю вновь переосмыслить образ «маленького человека», приравняв к нему писателя, переосмыслить литературные каноны (например, связать одной судьбой Петербург и Москву), дать свою оценку философским идеям своих современников-писателей (в частности, Достоевского и Хлебникова), дать понять читателю и своим собратьям по перу, что литература нуждается в обновлении, прежде всего, языка.

Кроме того, автор прочувствовал веяния времени, показав на примере образа своего двойника (Маракулина), как на подопытной мыши, что «человек человеку бревно». Если примешься доказывать что-то, то рискуешь обезуметь, выдумывая по ночам способы улучшения мира. А если в тебя верует кто, как в Бога — не надейся, не поможет, только если рублей этак двадцать пять подкинет. Поэтому терпи, пока есть силы, и даром время не теряй: хворостинок побольше натаскай для костра. И перерождайся!

Таким образом, автор изобличает в повести отчуждение и отчаяние, которое нарастает в послепетровской России. Поиски смысла жизни заканчиваются для человека трагедией. Изменения невозможны, а значит, скорой катастрофы не избежать.

стами и вешают их на дерево, характерен для рурсальской (троицкой) недели, символизируя замену индивидуальности человека [8].

Также считалось оскорбительным не поминать в родительский день умерших. По поверью, они могли «увести с собой кого-то (родственника) из дома», т.е. родственник мог погибнуть [6].

Как мы помним, смерть героя происходит на Троицкой неделе, ранее, под Рождество, Маракулин теряет крестильный крест (его украли вместе с кошельком). А после поездки в Москву к Плотникову Петр Алексеевич сокрушался о том, что не зашел на кладбище к родителям.

Таким образом, автор через название повести связывает воедино судьбу героя с судьбами героинь. И его смерть можно трактовать как возмездие за оскорбление усопших, или как нарушение обряда обмена крестами на Троицу (вследствие пропажи крестика). Зная, что ремизовское мироощущение было неотделимо от обрядов и традиций русского народа, данное объяснение кажется нам уместным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 4. Плачужная канава. М., 2001.
2. Слобин Г.Н. Проза Ремизова 1900—1921. СПб., 1999.
3. Данилевский А.А. Велимир Хлебников в «Крестовых сестрах» А.М.Ремизова. URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/about/danilevskij.htm>
4. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Dostoevski_Zapiski_iz_podpolya.pdf
5. Чуковский К. Для чего мы живем («Крестовые сестры»), повесть А.Ремизова. Альманах «Шиповника», кн. XIII). URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=73
6. URL: <http://chenneling.net/tradicii/troica-obryady-primety-tradicii.html>
7. URL: <http://hramnagorke.ru/gloss/59/1038>
8. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Родство>
9. URL: <http://wow.ua/name/names.php?name=17089>

REFERENCES

1. Remizov A.M. Collected works. V. 4. Moscow, 2001 (in Russian).
2. Slobin G.N. Proza Remisova 1900—1921 [Remisov's works of 1900—1921]. St. Petersburg, 1999 (in Russian).
3. Danilevsky A.A. Velimir Khlebnikov v "Krestovykh sestrakh" A.M. Remizova [Velimir Khlebnikov in A.M. Remisov's "Sisters of the Cross"] // URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/about/danilevskij.htm> (in Russian).
4. Chukovsky K. Dlya chego my zhivyom ("Krestovye sestry", povest A. Remizova, Almanakh "Shipovnika", kn. XIII) [Why we live (A. Remisov's "Sisters of the Cross", "Shipovnik" anthology, book XIII) // URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=73 (in Russian).
5. URL: <http://chenneling.net/tradicii/troica-obryady-primety-tradicii.html> (in Russian).
6. URL: <http://hramnagorke.ru/gloss/59/1038> (in Russian).
7. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Родство> (in Russian).
8. URL: <http://wow.ua/name/names.php?name=17089> (in Russian).

N.A. Krivosheya
Nizhnevartovsk, Russia

CONCEPTUAL AND EXPRESSIVE ORIGINALITY OF A.M.REMISOV'S «SISTERS OF THE CROSS» IN HIS ART AND LITERARY TRADITIONS ASPECTS

Abstract. The article provides the analysis of conceptual and expressive means used by A.M.Remisov in his "Sisters of the Cross" within the aspect of his art and literary traditions. Exploring the text with the use of hermeneutic, comparative, historical, typological, cultural, biographic methods and elements of complete system analysis allowed discovering the author's unique art style and world view. The plot of the story is interpretation of author's life and his opinion about tragic human destiny determined by the supreme forces. The existential tragedy of human life is caused by the fact the major characters are alien, indifferent to each other, which produced the author's mythological belief that "man is a log to man" and that there is only one escape from a human life, and that is death. This is the artistic idea of the story following the set of author's question whether it is possible to overcome the tragedy of human destiny). The main opposition of the novel is the images of a "low-ranker" Marakulin and a countrywoman Akumovna. Using these images A.M.Remizov embodied his vision of the fate the whole Russia had on the threshold of disaster, i.e. revolution.

Critics and writer's friends praised the story, noting its melodiousness, symphony composition, rich language, and truthful images of characters. The author could combine folklore element (Vera Nicolaevna's songs), dreams (prophetic dreams, Akumovna's irrational world dreams), his opinion of contemporary ideas (particularly, F.M.Dostoevsky's, V.Khlebnikov's), transformed literary traditions (for example, destinies of Moscow and Petersburg), which makes the story an international literary masterpiece.

Key words: "low-ranker", literary tradition, female characters, image of Russia, anti-utopia, apocryphal legend, image of St. Petersburg, anachronism, autobiographism.

About the author: Nadezhda Alexandrovna Krivosheya, post-graduate student at the Department of Philology and Mass Communication.

Place of employment: Local Budget Education Institution "Secondary school №25".

УДК 82.09:82-1

О.М.Культышева
Нижевартовск, Россия**В. МАЯКОВСКИЙ В ОТРАЖЕНИИ ПРИЖИЗНЕННОЙ
И ПОСМЕРТНОЙ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ**

Аннотация. Владимир Маяковский был хорошо известен в иностранной публицистике. Его тяга ко всему «стоверстому» подсказала ему необходимость выхода с «комфутскими» идеями во «внесоветское» пространство, а романтическое мировосприятие поставило этапную в деле построения светлого будущего цель — донести «новое слово» до «закоснелых капиталистов». Руководствуясь этими задачами, Маяковский в 1922—1924 гг. предпринимает несколько поездок за границу — в Латвию (до 1940-го г. не входила в состав Союза), Францию (Париж) и Германию (Берлин). Итогом первых поездок Маяковского послужило появление очерков и стихов, в основу которых были положены европейские впечатления («Как работает республика демократическая?» (1922); «Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней)» (1923)). Париж принимал Маяковского еще неоднократно в течение 1925—1929 гг., и всегда оставался запечатленным в стихах (лирический цикл «Париж» (1924—1925)).

Интересы Маяковского в области овладения читательским вниманием распространяются в 1925 г. дальше уже освоенной Европы — поэт едет по Америке с циклом выступлений. Заграничные поездки Маяковского вызвали у него интерес к жизни иностранцев и восторг перед достижениями зарубежной техники и архитектуры («Бруклинский мост» (1925)). Однако стремление Маяковского разглядеть несоответствие между внешней роскошью европейских и американских столиц и повседневной жизнью рабочих выливалось в критику капиталистического строя, которому противопоставлялся «справедливый строй» молодого социалистического государства. В публичных выступлениях за границей Маяковский не упускал случая прилюдно заявить о своих убеждениях и неприятии западной государственности, якобы делающей жизнь человека унижительным существованием. Столь открыто заявленная позиция противостояния вызвала бурную реакцию в иностранной прессе.

Предметом рассмотрения в статье являются отклики на творческое явление и личность Маяковского прижизненной и посмертной иностранной прессы, которая условно разделяется на 3 группы по отношению к русскому поэту: 1) враждебно настроенная правая печать, 2) воспринимавшая поэта в «лубочно-декоративном» свете «умеренная» публицистика, 3) приветствовавшая Советский Союз и его поэта левая пресса. Цель статьи — определить «тональность» иностранной прессы в отношении советского поэта В.Маяковского. Важное место в статье занимает культурно-исторический и сравнительно-исторический анализ хранящихся в настоящее время в РГАЛИ (г. Москва) помещенных в зарубежных газетах и журналах заметок, посвященных его жизни и творчеству, а также некрологов, последовавших за самоубийством поэта 14 апреля 1930 г. Делается вывод, что сенсационные и противоречащие друг другу в искажении фактов заметки появлялись на страницах как левой, так и правой прессы и могут считаться демонстрацией возмутительно поверхностного восприятия за рубежом жизни и творчества Маяковского.

Ключевые слова: Маяковский; футуризм; поэт-комфут; публичные выступления; иностранная пресса; неприкрытое озлобление; явный восторг; большевистские идеи; «лубочно-декоративный»; самоубийство; непроверенные факты.

Сведения об авторе: Культышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628609, Тюменская обл., г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; e-mail: kultisheva@inbox.ru

В.Маяковский, фигура в советской поэзии в достаточной степени грандиозная, чтобы стесняться границами отдельно взятой страны, был хорошо известен иностранной критике. Его тяга ко всему «стоверстому» и огромному подсказала ему необходимость выхода с «комфутскими»¹

идеями на новый уровень их пропаганды — во «внесоветское» пространство, а романтическое мировосприятие поставило новую, этапную в деле построения светлого будущего цель, — донести «новое слово» до «закоснелых капиталистов». Руководствуясь этими задачами, Маяковский в 1922—1924 гг. предпринимает несколько поездок за границу — в Латвию (до 1940-го г. не входила в состав Союза), Францию (Париж) и Германию (Берлин). Итогом первых поездок Маяковского послужило появление

¹ Вопреки мнению официозного литературоведения, Маяковский в советское время не был соцреалистом, а оставался футуристом, хотя и с новыми свойствами: *комфутом*, т.е. коммунистом-футуристом.

очерков и стихов, в основу которых были положены европейские впечатления («Как работает республика демократическая?» (1922); «Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней)» (1923)). Париж принимал Маяковского еще неоднократно в течение 1925—1929 гг., и всегда оставался запечатленным в стихах (например, лирический цикл «Париж» (1924—1925)).

Интересы Маяковского в области овладения читательским вниманием распространяются в 1925-м году дальше, впрочем, уже освоенной Европы — поэт едет по Америке с циклом выступлений и докладов.

Заграничные поездки Маяковского вызывали у него интерес к жизни иностранцев и неизменный восторг по поводу достижений зарубежных техники и архитектуры («Бруклинский мост» (1925)). Однако стремление Маяковского разглядеть несоответствие между внешней роскошью европейских и американских столиц и повседневной жизнью простых рабочих выливалось в критику капиталистического строя, которому неизменно противопоставлялся «справедливый строй» молодого социалистического государства (стихотворения «Барышня и Вульворт» (1925), «Небоскреб в разрезе» (1925)). В публичных выступлениях за границей Маяковский также не упускал случая прилюдно заявить о своих советских убеждениях и неприятии западной государственности, якобы делающей жизнь человека унижительным существованием. Столь открыто заявленная позиция противостояния, в свою очередь, вызвала бурную реакцию в иностранной прессе.

Отклики на появление Маяковского в том или ином зарубежном городе носили совершенно разный по своей тональности характер: от неприкрытого озлобления до явного восторга. Таковое восприятие было связано с размежеванием западного общества на 3 основные группы по отношению к русскому поэту. *Первая группа* пребывала в крайней правой оппозиции к Маяковскому, находя пропагандируемые им большевицкие идеи крамольными и предавая его самого, вслед за резкой эмигрантской оппозицией (И.Бунин, П.Пильский, В.Ходасевич), политической анафеме. Так, например, правые польские газеты, по воспоминаниям Дувакина, аттестовали Маяковского как «хулигана от литературы, как поэта-палача, как заговорщика, старающегося внедрить за границей большевизм» [3. Л. 19]. Пугающий образ поэта революции, подрывающего своим появ-

лением спокойное существование капиталистических держав, дополнялся восприятием Маяковского как закоренелого футуриста, причем футуриста «дикого, немножко варварского... Его рисовали как полусумасшедшего, который импровизирует на улицах» (Гуго Гупперт о восприятии Маяковского в Германии [4. Л. 7]). Надо заметить, подобная оценка личности Маяковского, сложившаяся под впечатлением его публичных выступлений, не всегда была «плодом большого воображения» и предвзятости, а находила подтверждение в текстах поэта, поскольку уже при жизни он был переведен на немецкий, французский, английский, польский, чешский, итальянский, испанский, литовский, латышский, китайский, японский, еврейский языки. Отдельными изданиями вышли сочинения Маяковского во Франции, Польше, Чехословакии, Японии и на о. Куба. Поэтому каждый не желавший быть голословным в своей критике мог найти в подтверждение своих слов цитату из напечатанного.

Не стоит, однако, понимать позицию правой прессы по отношению к Маяковскому как сплошной негатив, поскольку даже в целом враждебно настроенной печати наряду с нападениями проходило явное признание поэтического мастерства Маяковского (например, польские буржуазные журналы, французский журнал «Кайе де Л'Этуаль»). Это свидетельствовало о том, что Маяковский, воспринимаемый во многом как «полпред Советского Союза», в то же время был фигурой, внушающей уважение к себе как к оригинальному поэту.

Вторую группу иностранцев по отношению к Маяковскому составляли люди пера, понимающие фигуру поэта в, если так можно выразиться, «лубочно-декоративном» фольклорном свете. Связано это было с романтическим восприятием поэта как классического представителя «загадочной русской души» в действии, «разгулявшейся» на фоне «необъятной степи» стран и континентов, как былинный Илья Муромец. Переноса богатырскую суть личности Маяковского на современную почву, подобная критика меняла лишь место приложения «силушки немереной» — на фон русской революции, суть же оставалось неизменной.

Такое восприятие личности поэта было созвучным мотивам, время от времени появлявшимся в эмигрантской прессе. Однонаправленную, со смещенными акцентами, рекомендацию давал Маяковскому в статье «Нахалкиканец

из-за Ташкенту» (1927) П.Пильский: «В своем надутым хвастовстве ... *размашистым российском удалстве*, ... Маяковский — живой шарж, карикатура» [2. С. 3]. Ю.Иваск также возводил «левизну» Маяковского-поэта не к политике, а к русской литературе и в частности к фольклору. «Чем-то он походил на Базарова, но с добавкой Франсуа Вийона., а также на *богатыря-задиру Ваську Буслаева*», — писал Иваск в статье «Цветаева — Маяковский — Пастернак» в 1969 г. («Новый журнал». Нью-Йорк. № 95 [1. С. 173]). Надо сказать, что в свете оценки Маяковского Пильским возведение к «фольклорной» основе творчества поэта представителями второй группы иностранной критики кажется вполне безобидным.

Наконец, *третью группу* критиков Маяковского за границей составляли соратники поэта-комфута, приветствовавшие Советский Союз и его поэта, — так называемая левая пресса. Так, во время поездки Маяковского по Америке в 1925 г. левая газета «Daily Worker» поместила на своих страницах статью «Добро пожаловать, товарищ Маяковский».

Восторженное приветствие визитов поэта-глашатая революции в левой прессе сменилось, однако, разнообразием критических отзывов, явившимся вскоре после получения известия о самоубийстве поэта. Подобно тому, как в советской прессе «хор соратников поэта» разделился на два основных лагеря — начавших критику малодушия Маяковского, его неизжитого мелкобуржуазного индивидуализма, и реабилитировавших Маяковского от подобных нападков — в зарубежной прессе одни газеты продолжали называть его «лучшим и известнейшим из пролетарских поэтов» (The New-York Times. New-York. 1930. 15 апреля [5]), а другие начали резкую критику. Так, австрийская «Rote Fahne» (Wien. 1930. 18 апреля [6]) поместила пространную статью «Wladimir Majakowskis Ende», подписанную «Viha», которая по сути отказывала поэту в искренности принятия пролетарской революции, «на службе» у которой он якобы состоял. Причиной этого Viha счел мелкобуржуазную природу Маяковского, не выпустившую поэта из своих «цепких лап»: «Рассудком он понимал революцию ... и пытался стать ее певцом, но он не мог встать в ряды тех, кто борется на фронтах социалистического строительства. ... У него не хватило сил совершить полную ... переоценку ... теорий своей радикально-мелкобуржуазной поэзии» [Там же].

По мнению Viha, мещанство, так и не сломленное Маяковским в себе, привело его сначала в «бегство стихом» от жизненной реальности в футуристические «заоблачные далека», а затем и к бегству от жизни вообще: «Он не мог уже поспеть за развитием, темп которого стал угрожать всем *колеблющимся*». Таким образом, «посмертно» Маяковский в глазах левой западной общественности перестает быть «пролетарским поэтом» и становится «колеблющимся».

В пролетарской сути поэта сомневался и некто «G. G.» (Гуго Гупперт? — О.К.). В некрологе Маяковскому, помещенном в «Humanite» от 28 октября 1930 г., этот автор, размышляя над вопросом «Следует ли считать Маяковского действительно пролетарским поэтом?», отвечал однозначно: «Нет» и вслед за советской официальной критикой причислял его к «попутчикам» (в данном случае «G. G.» даже прибегает к советской терминологии) на том основании, что «его поэмы не имеют четко выраженного классового характера» [7].

Если после ухода из жизни поэта левая пресса развенчивала «миф Маяковского», якобы разбившийся о малодушный факт самоубийства, то правая пресса спешила использовать смерть поэта в целях антикоммунистической пропаганды. Так, «Prager Presse» (Прага. 1930. 16 апреля) в заметке «Самоубийство Маяковского» определяет последовавшие одно за другим самоубийства Есенина и Маяковского, этих «двух коммунистических поэтов», как «не каузальное, а феноменальное предьявление» задавленных в СССР прав личности [8].

Отметим, что вышеприведенные отклики из разных лагерей зарубежной прессы на смерть Маяковского, при всей их спорности на сегодняшний день, представляются довольно справедливыми для своего времени, поскольку опираются на действительные факты из жизни и творчества Маяковского. Возмущение вызывают лишь те публикации, за строками которых чувствуется либо погоня за сенсацией, либо *равнодушие* к личности поэта, выраженное в том, что в ряде случаев авторы статей даже не потрудились проверить действительность излагаемых фактов.

Вот, например, строчка из американской газеты «The Star» (Southhampton. 1930. 15 апреля. Ст. «A Poet's Suicide» («Самоубийство поэта»): «Он выстрелил себе *в голову*» [9]. Нью-Йоркская «The New-York Times» от 15 апреля 1930 г. в статье «Mayakovskys end» справедливо сообщает другое: «В.Маяковский ... *сегодня утром*

убил себя выстрелом *в сердце*». Однако после описания данного факта повествуется, что убил Маяковский себя, «вернувшись домой в сопровождении молодой актрисы *после кутежа, длившегося всю ночь*». Хотя еще чуть далее по тексту сообщается: «Он родился в *интеллигентной семье...*» [10].

Пышущая злорадством правая «*Gazette de Lausanne*» (Lausanne. 1930. 22 апреля) в статье с красноречивым заглавием «*Самоубийство придворного поэта*» помещает сведения о том, что «примкнув к большевистской партии еще до революции, Маяковский принял большое участие в перевороте, *специализировавшись на арестах офицеров*» [11]. Таким причудливым образом был преломлен тот факт, что сразу после революции Маяковский арестовал одного-единственного офицера — своего непосредственного начальника по автомобильной роте. Мало того, в этой же статье сообщается, что Маяковский, оказывается, «*издавал много коммунистических газет*!»! Думается, что оперирование многими иностранными газетами непроверенными (а подчас и просто вымышленными) фактами из жизни Маяковского может считаться проявлением элементарного неуважения к памяти поэта.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношение к личности Маяковского в зарубежной прессе было зависимым от политических

взглядов рецензентов и степени их предвзятости в отношении «поэта революции». Определенный отпечаток накладывало восприятие критикой советской страны и социалистического строя, поскольку Маяковский чаще всего понимался как полпред Союза, совершающий заграничную поездку с пропагандистскими целями. Отзывы о встречах вследствие этого колебались в своей тональности от восторженных до крайне отрицательных. Помимо политической подоплеки в фигуре Маяковского видели самые разные основополагающие моменты — и загадочность и размах «русской души», и футуристическую суть его поэзии. Эти отклики представляются, тем не менее, имеющими право быть, поскольку в большинстве своем опираются на достаточно тщательный анализ прижизненных переводов Маяковского на иностранные языки. Появившиеся же вскоре после самоубийства поэта сенсационные и противоречащие друг другу в искажении фактов заметки на страницах как левой, так и правой прессы могут считаться демонстрацией возмутительно поверхностного восприятия за рубежом жизни и творчества Маяковского. Однако нельзя не признать, что сам факт повышенного внимания к советскому поэту, «реагирования» на его выступления и произведения за рубежом говорит о значительности творчества Маяковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иваск Ю. Цветаева — Маяковский — Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. 1969. № 95.
2. Пильский П. Нахалкиканец из-за Ташкенту // Сегодня. Рига. 1927. № 144.
3. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 50. Стенограмма выступлений Вс. Мейерхольда, Б.Ф.Малкина, С.И.Кирсанова и др. на вечере 14 апреля 1935 г. Дувакин В.Д. о восприятии Маяковского иностранцами. Л. 19—20.
4. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 52. Стенограмма выступлений Н.Н.Асеева, Г.Гупперта и др. в Политехническом музее 17 декабря 1936 г. 45 л. Гуго Гупперт о восприятии Маяковского в Германии. Л. 7.
5. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
6. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Biha. Wladimir Majakowskis Ende* // *Rote Fahne*. Wien. 1930. 18 apr.
7. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. G. G. Некролог // *Humanite*. 1930. 28 oct.
8. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. Самоубийство Маяковского // *Prager Presse*. Praga. 1930. 16 apr.
9. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *A Poet's Suicide* // *The Star*. Southampton. 1930. 15 apr.
10. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
11. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. Самоубийство придворного поэта // *Gazette de Lausanne*. Lausanne. 1930. 22 apr.

REFERENCES

1. Ivask Yu. Tsvetaeva — Mayakovsky — Pasternak // *Noviy zhurnal*. New York. 1969. No. 95.
2. Pilsky P. Nakhalkikanets iz-za Teshkentu [Impudent fellow from place beyond Tashkent] // *Segodnya*. Riga. 1927. No. 144 (in Russian).
3. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 50. Transcript of remarks made by Vs. Meyerhold, B.F.Malkin, S.I.Kirsanov et al., April 14, 1935. V.D.Duvakin speaking about Mayakovsky perceived by foreigners, pp.19–20 (in Russian).
4. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 52. Transcript of remarks by N.N.Aseev, H.Huppert et al. In the Polytechnical Museum, December 17, 1936. 45 p. Hugo Huppert speaking about impressions from Mayakovsky in Germany. p. 7 (in Russian).
5. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
6. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Biha. Wladimir Majakowskis Ende* // *Rote Fahne*. Wien. 1930. 18 apr.
7. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *G. G. Obituary* // *Humanite*. 1930. 28 oct.
8. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Самоубийство Маяковского* // *Prager Presse*. Praga. 1930. 16 apr.
9. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *A Poet's Suicide* // *The Star*. Southampton. 1930. 15 apr.
10. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
11. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Court poet's suicide* // *Gazette de Lausanne*. Lausanne. 1930. 22 apr.

O.M.Kultysheva

Nizhnevartovsk, Russia

V. MAYAKOVSKY BY LIFETIME AND POSTUMOUS FOREIGN PRESS

Abstract: Vladimir Mayakovsky was a well-known figure for foreign journalists. His craving for everything “stoverst” prompted his need to expand the “KomFut” ideas to “out-of-soviet” space, while his romantic worldview has set a landmark goal in building a bright future, that is, to get the “new word” across to the “inveterate capitalists”. Considering this, in 1922–1924 Vladimir Mayakovsky went abroad to Latvia (up to 1940 Latvia was not in the Soviet Union), France (Paris) and Germany (Berlin). After his first international trips Mayakovsky wrote essays and poems based on his European impressions (“How does a democratic republic work?” (1922), “Paris (Talks with the Eiffel Tower)” (1923)). Mayakovsky went to Paris several times more in the period of 1925–1929, and he would always reflect his trips and impressions in his verse (such as lyrical cycle “Paris” (1924–1925)).

In 1925 Mayakovsky’s interest in engaging the reader's attention went further than Europe, as he traveled across to America to perform in public. The international trips aroused his interest in foreign life. Mayakovsky was admired by the engineering and architectural achievements he saw in the USA (see “Brooklyn Bridge” (1925)). However, as the poet wished to detect the discrepancies between the luxury of European and American capitals and the daily life of the common workers, he criticized the capitalist system, which he opposed to the “fair regime” of the young socialist state of the USSR. In his public speeches Mayakovsky did not miss a chance to express his beliefs and rejection of the western public institutions which, in his opinion, made human life miserable. Such an open confronting position of the Russian poet resulted in a strong reaction in foreign press.

The following article considers the responses to Mayakovsky’s creative works and personality reflected in lifetime and posthumous foreign press. The journalist works can be contingently divided into three groups: 1) hostile

right-wing press, 2) “moderate” journalism perceiving the poet in “cheap popular” light, 3) left-wing press welcoming the Soviet Union and the Soviet poet. The article is aimed at determining the overall “tone” of the foreign press writing about Mayakovsky. The cultural, historical and comparative analysis in notes and columns of foreign newspapers and magazines dedicated to Mayakovsky’s life, works and suicide, occupies an important place in the presented study. It is noted that this kind of sensational and conflicting notes distorting the real facts appeared on the pages in both the left-wing and right-wing press and can be considered as a demonstration of outrageously superficial international perception of Mayakovsky’s life and work.

Keywords: Mayakovsky; futurism; KomFut poet; public appearance; foreign press; undisguised exasperation; evident delight; Bolshevik ideas; cheap popular; suicide; unverified facts.

About the author: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Philology and Mass Communications.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 82.0

М.А.Лагода
Кемерово, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Предметом исследования в работе является интертекстуальность литературного произведения как один из аспектов события чтения. Цель настоящей статьи — наметить методологические ориентиры, позволяющие адекватно поставить вопрос о роли «межтекстовых» связей в акте интерпретации. В работе предпринята попытка типологизации существующих подходов к обозначенной проблеме. Методологические «полюса» обнаруживаются уже в самом происхождении термина «интертекстуальность», предложенного Ю.Кристовой в 1967 г. и явившегося результатом интерпретации идей М.М.Бахтина о диалоге. Поэтому значительное внимание в статье уделяется соотношению понятий «интертекстуальность» и «диалог», прояснению смысла осуществленной в работе Ю.Кристовой замены одного концепта другим. Предпринята попытка истолкования этих понятий в контекстах трудов названных исследователей, в трудах Р.Барта, а также в работах некоторых комментаторов этих трудов. Проводится сопоставительный анализ концепций «чужого» слова у М.М.Бахтина и Ю.Кристовой. В результате сопоставления обнаружено, что концепт «интертекстуальность» оказывается «переводом» понятия «диалог» на «язык» принципиально иной методологии.

Обращение к «историческому эпизоду» возникновения понятия «интертекстуальность» позволяет выявить существующий диапазон расхождения трактовок в понимании феномена «межтекстовых» связей. Один из пределов понимания связан с представлением о лингвистической природе художественного текста и предполагает практику «открытого» чтения, акцент на внешних связях и «дешифровке» цитат. Другой предел — диалогическая, личностная природа литературного произведения — делает акцент на ценностно-смысловой целостности «многоголосого» художественного высказывания и позволяет поставить вопрос об интертекстуальности как аспекте понимания уникального, но обусловленного жизненным и культурным контекстом художественного целого.

Ключевые слова: интертекстуальность; интерпретация; диалог; событие чтения; М.М.Бахтин; Ю.Кристева; Р.Барт.

Сведения об авторе: Лагода Мария Александровна, ассистент кафедры теории литературы и истории зарубежных литератур.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650903, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, тел. 3842582745, e-mail: lagoda.05@mail.ru

Интертекстуальность в современных исследованиях рассматривается как текстовая или как эстетическая категория: как «свойство» текстов (причем не только художественных) указывать на другие тексты, как «устройство», с помощью которого один текст перезаписывает другой

текст» [18. С. 48], как «принцип текстопостроения» (В.А.Миловидов) или принцип «порождения» (И.П.Смирнов) высказывания, как «средство» анализа литературного текста или описания специфики существования литературы (курсив в цитатах наш. — М.Л.)» [12. С. 206] и др.

«Ракурсы» исследования интертекстуальности многообразны. Нас в данной статье интересует *интертекстуальность* художественного литературного произведения как *один из аспектов события чтения*, один из аспектов читательского понимания. Речь идет о связях текста литературного произведения с другими (прежде всего словесно-художественными, но не только) высказываниями, об отсылках к другим текстам, которые обнаруживает читатель и которые влияют на *истолкование* им *смысла «отсылающего» произведения*. Какова роль межтекстовых связей в акте интерпретации? Как решается вопрос о позиции читателя как толкователя интертекста? И.П.Ильин отмечает, что «конкретное содержание термина [интертекстуальность] существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый ученый» [12. С. 207]. Предлагаемая работа — это попытка не столько обзора (разумеется, не претендующего на полноту), сколько *типологизации* существующих *подходов* к обозначенной проблеме, *выявления методологических «полюсов»* и самоопределения в этом поле методологических установок.

Как известно, термины «интертекстуальность» и «интертекст» введены в научный обиход Ю.Кристева в 1967 г. Они оказались чрезвычайно популярными и востребованными (если не сказать, модными) в контексте культуры последней трети XX — начала XXI в. Причем необходимость введения этих понятий во многих работах связывается со спецификой современного литературного процесса и особенностями современного гуманитарного мышления в целом.

Можно уверенно говорить о междисциплинарном, философско-филологическом характере этих понятий. Философский размах понятие интертекстуальности получает, например, в работах Ю.Кристева и Р.Барта, где оно является одним из центральных в концепции, характеризующей не только специфику художественного литературного текста, но и «внутритекстовое» положение человека, его сознания и самосознания в пространстве культуры, в мире текстовой реальности, куда включена и литература. В то же время понятие интертекстуальности очень активно используется в искусствоведческих, семиотических и в собственно филологических исследованиях. Оно актуализируется в лингвистических штудиях, например, в работах по лингвистике текста, лингвистике декодирования и лингвисти-

листике (Р.-А. де Богранд, В.У.Дресслер, Н.А.Фатеева, И.В.Арнольд, И.П.Ильин, И.Р.Гальперин и др.), а также является актуальным литературоведческим понятием, понятием теории литературы (Л.Женни, Ж.Женетт, М.Риффатер, Н.Пьеге-Гро, И.П.Смирнов, А.Жолковский, М.Ямпольский, В.А.Миловидов, О.В.Зырянов и мн. др.). Причем некоторые теоретические исследования посвящены «интертекстологии как возможному разделу поэтики, возникающему на наших глазах» (Г.К.Косиков о книге Н.Пьеге-Гро). Кроме того, существует почти необозримое множество работ, посвященных проблеме «текста в (о) тексте», выявлению литературных «источников», поискам аллюзий и реминисценций в произведении, «интертекстам» конкретных произведений, обнаружению и осмыслению межтекстуальных связей в творчестве того или иного автора. Понятие интертекстуальности или феномен межтекстуального взаимодействия, таким образом, подвергается постоянному переосмыслению, оставаясь в центре научных дискуссий. Причем этот термин актуализируется не только в работах, написанных в постструктуралистском ключе (а именно в данной «парадигме» мышления это понятие возникает), но и в рамках структурно-семиотического подхода, а также в исследованиях, где основополагающей является экзистенциально-герменевтическая установка.

Соотнося различные трактовки понятия «интертекстуальность», можно обнаружить определенную зону схождения, если не всех, то, по крайней мере, большинства существующих определений. Своего рода «аксиомой» практически любого интертекстуального исследования является следующее положение: *всякий текст обусловлен контекстом культуры, поэтому всякий текст указывает на другие тексты, «является “реакцией” на предшествующие тексты»* [12. С. 207]. Во многих работах появляется уточнение, что эта «реакция» направлена не только на «претексты», но и на тексты современные, «окружающие», а также превосхищает тексты будущие. Указанная «общность» (при широчайшем диапазоне возникающих в конкретных работах нюансов) закрепила определенную *опознаваемую* (и как бы самоочевидную, зачастую не требующую пояснений) *проблематику за понятием «интертекстуальность»* в научном обиходе. Однако нужно обратить внимание на то, что само это «общее» положение может основываться в современных исследованиях на принципиально разных методологических принципах

и, соответственно, по-разному трактоваться. От этих методологических установок зависит и понимание деятельности читателя «интертекста».

Разница этих установок обнаруживается уже в самом происхождении понятия «интертекстуальность», предложенного Ю.Кристева и представляющего собой, как пишет А.Компаньон, «кальку с того, что Бахтин называл *диалогизмом*» [13. С. 130]. То есть «интертекстуальность» возникает как интерпретация «диалогизма», как переосмысление этого понятия. В ряде исследований затрагивается проблема соотношения «интертекстуальности» и «диалогизма»¹ (в некоторых работах парой соотносимых понятий оказываются «интертекстуальность» и «диалогичность» [см., напр.: 19]), однако мы полагаем, что говорить об исчерпанности этой проблемы нельзя. Прояснения, уточнения требует вопрос о том, что подразумевают интерпретаторы трудов М.М.Бахтина под понятием «диалогизм», почему важнейшему в системе идей русского ученого понятию *диалога* Ю.Кристева «предпочитает» термин «интертекстуальность», а также вопрос о философских предпосылках рассматриваемых концепций².

Вопреки цитированному выше высказыванию А.Компаньона следует сказать, что слово «диалогизм» не входит в систему бахтинских понятий, а возникает, по-видимому, в «околобахтинском» контексте, в работах о бахтинской «идеологии». Можно предположить, что, по аналогии с подобного рода терминами (идеализм, материализм и т.п.) под словом «диалогизм» интерпретаторы трудов М.М.Бахтина подразумевают комплекс идей ученого о диалоге, бахтинскую философию диалога. При этом, как представляется, само появление этого термина («диалогизм» вместо «диалог») свидетельствует о существенных трансформациях научной мысли М.М.Бахтина в работах, посвященных осмыслению и истолкованию его идей, начиная со статьи Ю.Кристева «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967). «Диалогизм» — это как бы

«отформатированный» диалог, «переведенный» на «язык» другой методологии.

На наш взгляд, совершенно правомерно в некоторых работах указывалось на то, что бахтинское понятие диалога в кристевской концепции не просто трансформируется, но деформируется и сужается. Так, по выражению Г.К.Косикова, кристевское «осмысление и переосмысление бахтинского “диалогизма” можно обозначить как переход от intersубъективности к интертекстуальности» [15. С. 9]. Об этом же пишет С.Н.Бройтман: «Но то, что с легкой руки Ю.Кристева принято называть интертекстуальностью, плод некорректной интерпретации того, что сам Бахтин называл межсубъективными отношениями и считал более первичными, чем отношения *текст—текст*» [9. С. 299].

Остановимся несколько подробнее на соотношении понятий «диалог» и «интертекстуальность», говоря об актуальном и для М.М.Бахтина, и для Ю.Кристева вопросе: о позиции читателя, выявляющего межтекстовые связи (или «чужое» слово, «голос» другого) в литературно-художественном «высказывании» и стоящего перед проблемой интерпретации произведения с учетом обнаруженных отсылок.

Диалог, по Бахтину, — фундаментальный принцип, определяющий суть человеческого бытия, языка и культуры. В своей ранней философской работе он пишет: «Единство целого обуславливают <?> единственные и ни в чем не повторимые роли всех участников. *Множество неповторимо ценных личных миров* разрушило бы бытие, как содержательно определенное, готовое и застывшее, но оно именно впервые *создает единое событие* (курсив наш. — М.Л.)» [4. Т. 1. С. 43]. Понятно, что диалог рассматривается в работах Бахтина широко, не только как одна из речевых форм, но как «всякое речевое общение, какого бы типа оно ни было» [10. С. 429]. Диалог для ученого — преимущественно феномен «языка-речи» (а не абстракции языка как предмета лингвистики). Единицей диалогического взаимодействия является, по его мнению, высказывание. Высказывание как единицу «металингвистики», как «реальную единицу речевого общения» М.М.Бахтин противопоставляет слову, предложению и другим «крупным» единицам лингвистики. При этом ученый делает очень характерное уточнение: «реальной единицей языка-речи <...> является не изолированное единичное монологическое высказывание, а взаимодействие, по

¹ См. об этом, например: 1; 18 (параграф «Бахтин и диалогизм» в главе «Происхождение интертекстуальности, ее история и истоки»); 14; 15.

² Неубедительным представляется нам вывод Г.К.Косикова о существенной общности философских предпосылок, лежащих в основе работ М.М.Бахтина и Ю.Кристева и представляющих собой, как пишет исследователь, различные варианты «философии множественности» [см.: 15. С. 18—26].

крайней мере, двух высказываний, т.е. диалог» [10. С. 446]. Высказывание связано не только с контекстом языка (как лингвистические единицы), но и с контекстом жизненным, именно через него получая *индивидуальный и неповторимый смысл*. Границы высказывания определяются его смысловой завершенностью, возможностью ответа на это смысловое целое. Художественное произведение понимается в трудах М.М.Бахтина именно как высказывание, являющееся «репликой» в диалоге культуры и в свою очередь предполагающее активное ответное отношение к себе, «активно-ответное понимание».

Как указывают исследователи, теория интертекстуальности Ю.Кристева восходит к бахтинской концепции «чужого» слова. Речь идет, прежде всего, о работе «Марксизм и философия языка», где М.М.Бахтин говорит о двойной ориентации слова (высказывания) — на предмет (тему) и на «чужое» слово. Как пишет С.Н.Бройтман, диалог характеризуется им как «классический случай *противостояния* контекстов», как их «разнонаправленность», наличие двух *взаимно сталкивающихся* контекстов», напряженное и непрерывное *взаимодействие* контекстов и *борьба* контекстов, «многоакцентность слова», изменение ценностного акцента слова в разных контекстах», «реагирование слова на слово» [7. С. 153—154]. В указанные диалогические отношения вступают и художественные произведения, о чем более развернуто М.М.Бахтин пишет в своих поздних работах. Произведение, будучи «звеном в цепи речевого общения», «связано с другими произведениями-высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают; в то же время, подобно реплике диалога, оно отделено от них абсолютными границами смены речевых субъектов», отмечено «печатью индивидуальности» [5. С. 177—178]. Таким образом, с точки зрения М.М.Бахтина, указание на другой текст, «чужое» слово в художественном высказывании — это всегда *художественная интерпретация, прочтение, «освоение»* автором «чужого» высказывания («опыт самопознания в опыте другого» [21. С. 184]). В «формах передачи чужой речи» отображается «активное восприятие» автором слова другого, «ответ» на это слово, «его понимание и оценка, т.е. активная ориентация говорящего» [10. С. 446—448]. Само слово «ориентация» в этом контексте предполагает наличие определенной *траектории* и четких *границ* высказывания, т.е.

свидетельствует о *целенаправленности* акта «говорения». Таким образом, при изучении «реальной единицы речевого общения» (в том числе и художественного произведения) одним из аспектов исследования, по мнению ученого, становится «*многоголосие*» высказывания, которое, однако, должно быть осмыслено с учетом его *целостности, единства*. Читатель литературно-художественного целого *подключается к диалогу* произведений-высказываний (т.е. «активно ориентированных» позиций «говорящих» (авторов)), исходя из *контекста и ценностно-смысловой целостности* того художественного произведения, которое он *интерпретирует*. Как указывает, ориентируясь на бахтинскую традицию научной мысли, Л.Ю.Фуксон, «*интертекстуальные* или *диалогические* (в узком смысле)» связи «опосредованы **внутренними** связями, “овнутренены”, преломлены в фокусе данного художественного целого», «диалог текста с другим текстом является существенным моментом его “внутреннего” содержания» [20. С. 56, 58]. Здесь нужно отметить еще один важный момент концепции М.М.Бахтина, который особо подчеркивается в работах Х.Р.Яусса, С.Н.Бройтмана, Л.Ю.Фуксона: с понятием диалога у М.М.Бахтина соотносится понятие «участного» сознания, противопоставляемое «теоретическому» мышлению. Диалог связан «не с логическими отношениями, а с живым и неповторимым противостоянием “цельных личностей”» [7. С. 157]. Таким образом, авторство и чтение, по М.М.Бахтину, — это «активно-ответная», *диалогическая*, т.е. *интерсубъективная, акция*. Понимание литературного произведения предполагает «участность» читателя в *событии*, сущностно *затрагивающем* и *захватывающем* его самого. Отметим, что слово «событие» в контексте работ ученого связано именно с диалогической «участностью» (или со-«участностью», *со-бытием*). Причем чтение, по М.М.Бахтину, — это одна из составляющих «событийной полноты» литературного произведения, одна из сторон произведения как «сложного события» [3. С. 404]. Обнаружение и осмысление интертекстуальных или диалогических (в узком смысле) связей в рамках данного подхода — это один из аспектов *события чтения*.

Ю.Кристева, размышляя о понимании природы слова и языка в работах М.М.Бахтина, цитирует слова ученого: «Слово по своей природе диалогично», «диалогическое общение и есть

подлинная сфера *жизни* языка», «логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими, должны воплотиться, т.е. должны войти в другую сферу бытия», обрести автора, «стать словом, т.е. высказыванием». Однако исследовательница интерпретирует эти положения М.М.Бахтина в контексте традиционной лингвистической и семиотической дихотомии: «язык» — «речь», «код» — «сообщение», допуская сужение, «семиотизацию» бахтинского диалога¹. Значимое для М.М.Бахтина противопоставление «металингвистических» и собственно лингвистических единиц Ю.Кристева оставляет практически без внимания. Так, она пишет: «Понять статус слова значит понять способы сочленения этого слова (как семического комплекса) с другими словами предложения, а затем выявить те же самые функции (отношения) на уровне более крупных синтагматических единиц» [16. С. 215].

Задачи, которые ставит перед «литературной семиологией» Ю.Кристева, связаны с выработкой некой *общей «модели»*, «изоморфной логики производства поэтического смысла». Соответственно, конкретный текст понимается как частный случай реализации «общей модели», а заслуга М.М.Бахтина видится в «динамизации структурализма»: «Бахтин одним из первых взамен статического членения текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не *наличествует*, но *вырабатывается* по отношению к другой структуре» [16. С. 213—214].

Ю.Кристева затрагивает вопрос о жизненном контексте высказывания, через который оно, по Бахтину, получает смысл, но этот контекст понимается как «текст», «прочитываемый» и «переписываемый» писателем: «Бахтин, — пишет исследовательница, — <...> включает текст в жизнь истории и общества, в свою очередь *рассматриваемых в качестве текстов*, которые писатель читает и, переписывая их, к ним подключается (курсив наш. — М.Л.)» [16. С. 214]. В качестве подвижных «текстов» («дискурсов») рассматриваются здесь и сознание автора, и читателя. Читатель («получатель» у Ю.Кристевой)

¹ Нужно отметить, что такого рода «семиотизация» бахтинского «языка» — вообще очень характерное явление в современной науке, в том числе и в отечественном литературоведении [см., напр.: 11]. Об отмеченной тенденции в трактовке работ М.М.Бахтина пишет в примечаниях к своей статье С.Н.Бройтман: «Наиболее распространен “перевод” мыслителя на язык структурно-семиотической школы» [8. С. 58].

является, наряду с «субъектом письма» и «внеположными им текстами», одним из «измерений текстового пространства». Таким образом, если в контексте бахтинских идей значимо представление о взаимодействии высказываний как *межличностном* диалоге, а потому и о *границе* высказываний-«голосов», т.е. об их *целостности* и о *событийности восприятия «чуждого» слова*, то Ю.Кристева делает акцент на *множественности «языков», «голосов», «текстуальных плоскостей»* высказывания, на *открытости* слова и текста. В кристевской интерпретации идей М.М.Бахтина позиции участников диалога *теряют автономию*, оказываясь полем игры коллективного бессознательного, *границы* между разными «текстами» *размываются в «интертексте»*: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному прочтению*» [16. С. 215].

Обращение к существующим комментариям процитированного выше фрагмента работы Ю.Кристевой помогает прояснить вопрос о значении и причинах осуществленной «перестановки» («на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности»). Причем многие из этих комментариев написаны в ключе (или отмечены печатью) семиотической научной логики, а потому ориентированы на расшифровку и внятное проговаривание, прежде всего, позиции Ю.Кристевой. Так, Н.Пьеге-Гро², комментируя слова М.М.Бахтина о невозможности существования «девственного слова», не отмеченного печатью уже-оговоренности, пишет, что русским ученым «под вопрос ставится единообразие и однородность высказывания», делается акцент на *«расщеплении однородности каждого* из высказываний (в любое высказывание вложена чужая смысловая направленность)» [18. С. 66]. Таким образом, кристевское объявление «недействительным» понятия интерсубъективности и «предпочтение» термина «интертекстуальность» закономерно связано, как полагает Н.Пьеге-Гро, с тем, что «слово не принадлежит исключительно тому субъекту, который его употребляет, но отмечено чужим словом», а «текст представляет собою

² Отметим, что труд Н.Пьеге-Гро не принадлежит «парадигме» постструктурализма.

место, где происходит расщепление и раздробление субъекта» [18. С. 69]. В этих комментариях, как и в названной выше статье Ю.Кристовой, обращает на себя внимание заострение *только одной стороны* рассмотренной М.М.Бахтиным проблемы: *подчеркивание «разнородности»* высказывания, конституирующей роли «чужого» слова, «чужой смысловой направленности» в формировании высказывания и, соответственно, размывания его границ. Целостность, завершенность, замкнутость высказывания, конституирующая роль *своей* «смысловой направленности» объявляются невозможными. Не учтенным, не «замеченным» оказывается принципиальное для М.М.Бахтина противопоставление высказывания как единицы «языка-речи» традиционным лингвистическим единицам, полученным путем абстрагирования. Тем самым диалог, интерсубъективность «формализуются», подменяются «логическими отношениями» (С.Н.Бройтман), интертекстуальностью.

По Ю.Кристовой, именно читателем («получателем») «конституируется» повествование как «диалогическая матрица». Однако, как отмечает в своей статье И.П.Ильин, «концепция интертекстуальности тесно связана с теоретической “смертью субъекта”», причем «в конечном счете и “смертью” читателя, “неизбежно цитатное” сознание которого столь же нестабильно и неопределенно, как безнадежны поиски источников цитат, составляющих его сознание» [12. С. 206]. Таким образом, если для М.М.Бахтина почва интерпретации произведения и межтекстовых связей — *персонализация*, то Ю.Кристева подчеркивает *имперсональный характер* интертекстуальной игры.

Работа Ю.Кристовой «Бахтин, слово, диалог и роман», так же как и работы Р.Барта 70-х гг. (особенно эссе «S/Z»), расцениваются в современных исследованиях и справочных статьях как манифесты постструктурализма. Понятия «интертекстуальность» и «интертекст» у Ю.Кристовой, как и впоследствии у Р.Барта, обозначают, по-видимому, два взаимосвязанных феномена: речь идет, во-первых, о Тексте (интертексте) или «тексте-письме» как о зоне продуктивности, бесконечного процесса текстовой динамики, откуда черпает художник «цитаты», причем, по большей части, бессознательно, а во-вторых, об «интертексте-объекте» как завершенном «произведении», о «тексте-чтении». Таким образом, у каждого «произведения» есть свой Текст (по Р.Барту, «зона свободы»)/«стереофония идеоло-

гических стереотипов») как «бессознательная (пра)память культуры», которая «обладает бесконечным смысловым избытком по отношению к памяти произведения» [15. С. 35]. Задача читателя — «прорваться» на уровень «текста-письма», что связано с практикой «диссеминации, рассеивания, распускания» смысловых нитей. Очевидно, что так понятая интертекстуальность (хаос культурного бессознательного, порождающий «произведение» как законченный моносемичный или «ограниченно множественный» (Р.Барт) продукт) и такое чтение (Текста) не могут быть объектом научного исследования. «Такое “прочтение” Текста, — как пишет Г.К.Косиков, — не может быть ничем иным, как более или менее произвольным читательским актом...» [15. С. 37]. Как пишет Р.Барт в своем эссе «S/Z» (в главе «Интерпретация»), «интерпретировать текст вовсе не значит наделять его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность» [2. С. 48]. Субъективность читателя здесь ничем не ограничивается и не регулируется. Его сознанию предстоит не произведение как неповторимое высказывание, а произведение — «вещь», вторичный «продукт» Текста (интертекста). Причем текст самого произведения («текст-чтение») оказывается, по выражению Б.М.Гаспарова, не предметом исследования, а «отправным пунктом».

Нужно отметить, что в большинстве последующих теорий интертекстуальности (у Л.Женни, Ж.Женнета и у позднейших исследователей) содержание понятия «интертекстуальность» сужается, связывается с «интертекстом-объектом», «с текстом-чтением» как более «уловимым» предметом исследования.

Возвращаясь к проблеме соотношения «интертекстуальности» и «диалога» в современном научном контексте, нужно сказать, что эти понятия пересекающиеся, но не совпадающие по объему. Так, *бахтинское понятие диалога* охватывает гораздо более широкий круг явлений, чем феномен «цитации» «чужого» слова в том или ином тексте, являясь, на наш взгляд, вполне *метафилологическим* понятием¹. За термином

¹ Подробнее о категории диалога у М.М.Бахтина см. указанную работу С.Н.Бройтмана «Диалог» и «монолог» — становление категорий (от «К философии поступка» к «Марксизму и философии языка»), а также продолжение этого исследования: [8].

«интертекстуальность» закрепились, по-видимому, более узкая проблематика, связанная с одним из аспектов диалога. Вероятно, именно это несовпадение объема понятий является условием их взаимной актуальности в современной науке. Хотя нужно отметить, что многие исследователи стремятся к тому, чтобы «отмежеваться» от термина «интертекстуальность»¹. Совершенно очевидно, также, что термин «интертекстуальность» своей «безличностью» абсолютно чужд бахтинскому «тезаурусу», так как во взаимодействии, по мысли ученого, вступают не тексты, а воплощенные в них позиции «цельных личностей», «голоса», актуализируемые «участным» сознанием читателя.

Попытаемся обобщить вышесказанное и обозначить диапазон расхождения трактовок в понимании феномена межтекстовых связей. Один из пределов понимания — *диалогическая, личностная природа* художественного литературного произведения как высказывания, укорененность всякого текста в традиции. Всякое высказывание рассматривается как уникальное и неповторимое смысловое целое, которое вступает в диалог с другими высказываниями, с традицией как живым «голосом» культуры, «откликающемся» в тексте (Г.-Г.Гадамер, М.М.Бахтин, П.Рикер). Интертекстуальность здесь может быть понята как *встреча сознаний, «голосов», смысловых позиций*, т.е. как *событие диалога*, в котором участвует читатель.

Другой предел вызван к жизни «крайностями» структурно-семиотического подхода (в их постструктуралистском и деконструктивистском воплощении) и связан с представлением о *лингвистической, материально-вещественной природе межтекстовых взаимодействий*, о соприсутствии и пересечении текстов в пространстве культуры как кодифицирующей системы, «игры письма». Всякий текст рассматривается здесь как один из продуктов «языка» культуры (единого «интертекста»). Новизна всякого текста — *комбинаторика «старых» кодов*. Интертекстуальность — взаимодействие «между внеположными индивиду, безличными — сверхсубъектными и досубъектными — словесно-идеологическими инстанциями (текстами и дискурса-

¹ Примеры такого стремления многочисленны. Один из них — замечательная монография Б.М.Гаспарова «Литературные лейтмотивы», где понятие «интертекст» появляется только в заключении как предмет критической рефлексии автора.

ми)» [15. С. 15], пересекающимися в тексте (Ю.Кристева, Р.Барт, Ж.Деррида, П. де Ман, Л.Перрон-Муазес и др.). В рамках данной «парадигмы» предполагается практика «открытого» чтения, акцентирующегося не на целостности и внутренних, «системных» связях текста, а на «переключках» с другими текстами, на опознании, «дешифровке» и «разоблачении» идеологических стереотипов, «кодов» — цитат и т.п. Такого рода чтение соотносится с практикой комментирования, дробящего целое, т.е. пояснения «порознь» отдельных фрагментов текста, что и демонстрирует Р.Барт в своей работе «S/Z». Допускается произвольность читательской интерпретации, чтение рассматривается не как сбирание-стягивание, а как рассеивание смысла².

На наш взгляд, все существующие литературоведческие исследования интертекстуальности как проблемы чтения «укладываются» в указанный диапазон, занимают какую-либо позицию между обозначенными методологическими пределами. Первая трактовка феномена межтекстовых связей опирается на диалогическую концепцию человека и человеческой культуры, получившую обоснование в философии XX века (Э.Гуссерль, М.Шелер, М.Хайдеггер, Г.-Г.Гадамер, М.Бубер, М.М.Бахтин) и обусловившую актуальность философской герменевтики как «методологии гуманитарных наук» (Г.-Г.Гадамер, М.М.Бахтин, П.Рикер). Вторая трактовка может быть, по-видимому, охарактеризована как возврат (в рамках постструктурализма) к позитивистской в основе своей установке, предполагающей «исчерпанность» и объяснимость человека и культуры определенными «материальными» факторами и отвергающей «метафизические» проблемы (сознания, духа, смысла)³.

Поздние работы Ю.М.Лотмана, монография Б.М.Гаспарова «Литературные лейтмотивы», книга У.Эко «Роль читателя», работы П.Рикера и многие другие исследования свидетельствуют о том, что в конце прошлого столетия наметилось движение к интеграции герменевтического

² Очень характерную для представителей данного «полюса» трактовку проблемы истолкования мы находим также в работах Г.Блума, утверждающего, что смысл нужно искать не в произведениях, а в «тайных тропах» между ними [см.: 6].

³ Подчеркнем, что мы, конечно, не рассматриваем семиотические, а также лингвистические разработки в сфере интерпретации межтекстовых связей только как отрицательный (позитивистский) пример.

и семиотического подходов. Герменевтика, осмысляя «особость» объекта гуманитарного познания («выразительное и говорящее бытие» (М.М.Бахтин)), позволяет глубоко раскрыть понятие традиции, объяснить продуктивный и поступательный характер понимания литературного произведения, в котором «прошлые и

нынешние контексты судеб произведения и самого читателя активно взаимодополняют друг друга» [17. С. 223]. На наш взгляд, это именно та «почва», на которой должна решаться проблема интертекстуальности как одного из аспектов читательского понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). СПб., 1995.
2. Барт Р. S/Z. 3-е изд. М., 2009.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. Т. 5. Работы 1940—1960-х годов. М., 1997.
6. Блум Г. Страх влияния: Теория поэзии (главы из книги) // Новое литературное обозрение. 1996. № 20.
7. Бройтман С.Н. «Диалог» и «монолог» — становление категорий (от «К философии поступка» к «Марксизму и философии языка») // Бахтинский тезаурус. М., 1997.
8. Бройтман С.Н. Диалог и монолог (от «Проблем творчества Достоевского» к поздним работам Бахтина) // Дискурс. 2003. № 11.
9. Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008.
10. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
11. Иванов Вяч. Вс. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. VIII. Тарту, 1973.
12. Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999.
13. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.
14. Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
15. Косиков Г.К. Текст/Интертекст/Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
16. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М.Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. СПб., 2001.
17. Лавлинский С.П. Читатель у Бахтина // Филологический журнал. М., 2005. № 1.
18. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
19. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5.
20. Фуксон Л.Ю. Чтение: Учебное пособие. Кемерово, 2006.
21. Яусс Г.-Р. К проблеме диалогического понимания // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1997.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. Problema dialogizma, intertekstual'nosti i germenevtiki (v interpretacii hudozhestvennogo teksta) [The problem of dialogism, intertextuality and hermeneutics (in the interpretation of a literary text)]. Saint-Petersburg, 1995 (in Russian).
2. Barthes R. S/Z. 3rd ed. Moscow, 2009 (in Russian).
3. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, 1975 (in Russian).
4. Bakhtin M.M. K philisophii postupka [On the philosophy of an act]. Moscow, 2003 (in Russian).
5. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Moscow, 1997 (in Russian).
6. Blum G. Strah vlijaniija: Teorija poezii (glavy iz knigi) [Fear of influence: theory of poetry (chapters from the book)] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. № 20 (in Russian).

7. Broytman S.N. "Dialog" i "monolog" – stanovleniye kategoriy (ot "K filosofii postupka" k "Marksizmu i filosofii yazyka") ["Dialogue" and "monologue" – the formation of categories (from "On the philosophy of an act" to "Marxism and the philosophy of language")] // Bakhtinsky thesaurus. Moscow, 1997 (in Russian).
8. Brojzman S.N. Dialog i monolog (ot "Problem tvorchestva Dostoevskogo" k pozdnim rabotam Bahtina) [Dialogue and monologue (from "Problems of Dostoevsky's Art" to Bakhtin's later works)] // Diskurs. 2003. № 11 (in Russian).
9. Broytman S.N. Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki [Poetics of Russian classical and non-classical poetry]. Moscow, 2008 (in Russian).
10. Voloshinov V.N. (Bakhtin M.M.). Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the philosophy of language // Bakhtin M.M. (Behind the Mask). Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles. Moscow, 2000 (in Russian).
11. Ivanov V. V. Znachenie idej M.M.Bahtina o znake, vyskazyvanii i dialoge dlja sovremennoj semiotiki [Significance of M.M.Bakhtin's ideas of sign, utterance and dialogue for modern semiotics] // Trudy po znakovym sistemam. VIII. Tartu, 1973 (in Russian).
12. Ilyin I.P. Intertekstualnost' [Intertextuality] // Sovremennoye zarubezhnoye literturovedeniye (strany Zapadnoy Evropy i SShA): kosepty, shkoly, terminy. Encyclopedic Reference Guide. Moscow, 1999 (in Russian).
13. Kompanion A. Demon teorii. Literatura i zdraviy smysl [Theory demon. Literature and common sense]. Moscow, 2001 (in Russian).
14. Kosikov G.K. Rolan Bart — semiolog, literaturoved [Roland Barthes — a semiologist and a literary theorist] // Barthes R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Pojetika. M., 1989 (in Russian).
15. Kosikov G.K. Tekst/Intertekst/Intertekstologiya [Text/intertext /intertekstology] // Piégut-Gro H. Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, 2008 (in Russian).
16. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel] // Bakhtin: pro et contra. Lichnost M.M.Bakhtina v otsenke russkoy i mirovoy gumanitarnoy mysli [Bakhtin: pro et contra. Personality and creativity of M.M.Bakhtin assessed in Russian and international humanitarian works. V. I. Saint-Petersburg, 2001 (in Russian).
17. Lavlinskiy S.P. Chitatel u Bahtina [Bakhtin reader] // Philologichesky zhurnal. 2005. № 1 (in Russian).
18. Piégut-Gro H. Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, 2008 (in Russian).
19. Fateeva N.A. Intertekstual'nost' i ee funkcii v hudozhestvennom diskurse [Intertextuality and its functions in a literary discourse] // Izhvestiya AN. Seriya literatury i jazyka. 1997. T. 56. № 5 (in Russian).
20. Fukson L.Y. Chteniye [Reading]: Textbook. Kemerovo, 2006 (in Russian).
21. Jauss G.-R. K probleme dialogicheskogo ponimaniya [On the problem of dialogical understanding] // Bakhtinsky sbornik. Vol. 3. Moscow, 1997 (in Russian).

M.A. Lagoda
Kemerovo, Russia

INTERTEXTUALITY AS ASPECT IN THE INTERPRETATION OF LITERARY WORKS: THE PROBLEM STATEMENT

Abstract. The subject of research in this paper is intertextuality in literature texts as one of the aspects of the reading event. The purpose of this article is to outline the methodological guidelines to adequately raise the question of the role of "intertextual" relationships in the act of interpretation. The attempt is made to provide typology of existing approaches to the above problem. Methodological "poles" are found in the very origin of the term "intertextuality", proposed by J.Kristeva in 1967, a term that sprang from her interpretation of M.M.Bakhtin's ideas on dialogue. Therefore, considerable attention is paid to the relationship between the concepts of "intertextuality" and "dialogue", to the clarification the meaning of one concept replacement with another in the work of J.Kristeva. An attempt is made to interpret these concepts in the contexts of the works of these researchers, in the writings of R.Barthes, as well as in the works of some of the commentators. A comparative analysis of the concepts of "foreign" words in M.M.Bakhtin and J.Kristeva has been conducted. The comparison show that the concept of "intertextuality" is a "translation" of the concept of "dialogue" to a "language" of fundamentally different methodology.

The reference to the "historical episode" of the emergence of the concept "intertextuality" allows us to identify the existing range of diverging interpretations of the understanding of the phenomenon of "intertextual" relationships.

One of the limits of understanding is related to the linguistic nature of the literary text and involves the practice of “open” reading, emphasis on the text’s external relations and the “deciphering” of quotes. Another limit deals with dialogical, personal nature of a literary work and emphasizes the value-semantic integrity of a “polyphonic” literary expression. This allows one to raise a question of intertextuality as an aspect of understanding the unique artistic whole, influenced by life and cultural context.

Key words: intertextuality, interpretation, dialogue, reading event, M.M.Bakhtin, J.Kristeva, R.Barthes.

About the author: Maria Alexandrovna Lagoda, Assistant Lecturer at the Department of Literary Theory and Foreign Literatures.

Place of employment: Kemerovo State University

УДК 82.091

Л.А.Лысенко
Нижевартовск, Россия

ПОЭМА В ПРОЗЕ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И.ШМЕЛЕВА КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Аннотация. Иван Сергеевич Шмелев — глубоко религиозный, поистине православный писатель. Существует три главных истока религиозности Шмелева: во-первых, патриархальный уклад жизни в его семье, воспитание в детстве в духе православных традиций; во-вторых, брак с религиозной женщиной и, конечно, его православное отношение к бесчинствам революционного времени и гибели единственного сына Сергея. Объектом литературоведческого анализа в данной статье является поэма в прозе И.С.Шмелева «Лето Господне», предметом — отражение в ней круга русских православных праздников и связанных с ними традиций.

Цель предпринятого в статье анализа — доказать, что данное произведение Шмелева можно истолковать и практически использовать как энциклопедию православных праздников. Это произведение, являясь квинтэссенцией творчества И.С.Шмелева, основано на детском опыте писателя, выросшего в условиях патриархальной России. Свой детский опыт автор использует для того, чтобы показать всю красоту православия, его ценность как для конкретной семьи, так и для общества в целом. Главы «Лета Господня»: «Праздники», «Радости», «Скорби» — организованы круговоротом года и церковным календарем. В картинах своего детства Шмелев рассказывает, как этот календарь определял всю жизнь семьи, которая представляла в трех, но единых аспектах: дом, церковь, Москва. На первый взгляд, главы «Праздники» и «Радости» повторяют друг друга. В них есть и «Рождество», и Великий пост. Но «Радости» куда более «личные», автобиографические. Если в первой главе рассказывается о праздниках «всемирных», то во второй — о событиях семейных. Гораздо больше говорится здесь о внутреннем мире мальчика: о его размышлениях, чувствах, переживаниях, взаимоотношениях с домашними и, прежде всего, с отцом, который становится главным героем романа. Неслучайно две части «Именин» посвящены отцовскому празднику, а вся последняя глава — «Скорби» — его болезни, кончине, похоронам.

С помощью биографического, культурно-исторического, герменевтического методов и элементов системно-целостного анализа художественного произведения в статье утверждается, что поэму Шмелева, в которой в мельчайших подробностях описан круг церковных праздников, возможно использовать как энциклопедию православных праздников, в том числе и в практике школьного преподавания предмета «Основы православной культуры».

Ключевые слова: православие; праздники; детство; колорит патриархальной Руси.

Сведения об авторе: Лысенко Лидия Анатольевна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций НВГУ.

Место работы: Муниципальное бюджетное учреждение «Телевидение Нижевартовского района».

Контактная информация: e-mail: lla-08@mail.ru

«Шмелев есть прежде всего русский поэт — по строению своего художественного акта, своего созерцания, своего творчества», — так пи-

сал один из первых исследователей творчества И.Шмелева, его друг Иван Ильин. «В то же время он — певец России, изобразитель русского,

исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное трактование национального» [2. С. 335].

Поэму в прозе «Лето Господне» можно рассматривать как энциклопедию русских православных праздников и как вершину творчества Ивана Шмелева, поистине православного писателя. А его путь к тому, чтобы стать таковым, был нелегким.

Можно утверждать, что существует три главных истока религиозности И.Шмелева: во-первых, патриархальный уклад жизни в его семье, воспитание в детстве в духе православных традиций; во-вторых, брак с религиозной женщиной и, наконец, его православное отношение к бесчинствам революционного времени и гибели сына. В последние годы жизни за границей, как замечает А.Любомудров, Шмелев все более ощущал властное влечение к иному миру, олицетворением которого был для него православный монастырь. ... И желание его осуществилось: 24 июня 1950 г. он приехал из Парижа в небольшой монастырь, расположенный в Бюсс-ан-От. По воспоминаниям очевидцев, Шмелев был в приподнятом настроении, радовался, слыша звон церковного колокола. Вечером того же дня он скончался от сердечного приступа на руках монахини в стенах православной русской обители Покрова Божьей Матери [3. С. 146]. Таким был уход из жизни одного из самых православных писателей XX столетия.

Пожалуй, вершиной (квинтэссенцией) религиозного творчества Шмелева стала поэма «Лето Господне». Главы «Лета Господня», книги поистине удивительной, — «Праздники», «Радости», «Скорби» — организованы круговоротом года и церковным календарем. В картинах своего детства Шмелев рассказывает, как этот календарь определял всю жизнь семьи, которая представляла в трех, но единых аспектах: дом, церковь, Москва. И праздники, и радости, и скорби — в доме, в церкви, в Москве. Это была книга о самом дорогом, что виделось автору в жизни. Восприятие мира ребенком предстает у Шмелева как единственно подлинное, истинное, изначально народное.

Максим Дунаев отмечает, что «в “Лете Господнем” не соблюдена строгая хронология годового круга: Великий Пост — Пасха — Троица — Яблочный Спас — Рождество — Крещение...

а потом — Петровки — Покров — Михайлов день — опять Рождество — Вербное Воскресенье — Святая... Взаимопроникновение, взаимоналожение двух как будто не совпадающих во времени круговых движений. Но не прояснено: одни и те же дни описаны в разных главах или же различные. Рождество первой и Рождество второй глав — одно ли, или разные? Бессмысленный вопрос. Рождество всегда одно, единое, к какому бы году ни относилось. И “лето” — не один год, а время спасения. Герой книги живет как бы вне конкретного времени (он лишь некоторыми приметам намекает о себе, но не определяет жизни), все опирается лишь на время церковное, текущее по каким-то особым, неземным законам. Внутренний смысл хронологии «Лета Господня» еще предстоит разгадать» [1. С. 735]. Действительно, на первый взгляд главы «Праздники» и «Радости» кое в чем повторяют друг друга. В них есть и Рождество, и Великий пост. Но «Радости» куда более «личные», автобиографические. Если в первой главе рассказывается о праздниках, так сказать, «всенародных», то во второй — о событиях семейных... Гораздо больше говорится здесь о внутреннем мире мальчика: о его размышлениях, чувствах, переживаниях, взаимоотношениях с домашними и, прежде всего, с отцом, который становится главным героем романа. Неслучайно две части «Именин» посвящены отцовскому празднику, а вся последняя глава — «Скорби» — его болезни, кончине, похоронам. Главы «Донская», «На Святой», «Москва» рассказывают о Москве, а «Ледоколье», «Петровками», «Ледяной дом» представляют, так сказать, бытовые очерки, зарисовки замоскворецкой среды. О некоторых праздниках устами Горкина в поэме рассказывается довольно подробно. Среди них Пасха и особенности подготовки к ней во время Великого поста, Троица, Преображение Господне, Рождество, Святки, Крещение Господне, Вход Господень в Иерусалим или Вербное Воскресенье, Покров Пресвятой Богородицы, Радолица. По сути, эти праздники — основа православной веры, самые главные для любого христианина. Возможно, именно потому, для понимания духовной составляющей уклада православной семьи, эти праздники описаны очень точно: евангельская история праздников, традиции и обряды приготовления к ним, некоторые сведения о богослужениях. К тому же Шмелев словами того же умудренного опытом Горкина излагает, для еще более точного создания

колорита праздников, отрывки из тропарей праздников, стихир, кондаков, псалмов; из «Великого канона» св. Андрея Критского, из Евангелия. С первых же страниц «Лета Господня» читатель не только открывает для себя удивительный, вещно-зримый уклад замоскворецкого купечества, но и познает тесно переплетенную с этим укладом духовную культуру русских людей второй половины XIX в. Эта культура формировала особый тип сознания, свойства которого коренятся в православном мироощущении древнерусского средневековья. Немудрено, что древнерусская религиозная традиция, предполагающая двойственное восприятие мира (вечного, нетленного и земного, временного), буквально пронизывает все праздники и посты, весь календарь православной духовности, который скрепляет художественную структуру повести «Лето Господне». В этой двойственности мироощущения — один из истоков радостного, приподнятого отношения к жизни героя-повествователя, потому что он в предметном мире, в его обрядах и ритуалах различает явления жизни неизмеримо более высокой и благодатной. Вот почему маленький герой повести И.С.Шмелева охотно и радостно принимает все, что делают взрослые в Чистый понедельник, благоговейно вдыхая «незабвенный, священный запах» Великого поста». Все, из чего складывается освященный столетиями русского православного быта ритуал очищения души в Чистый понедельник, герой принимает как давно ожидаемое, знакомое, родное [4. С. 4].

Итак, «Великий пост». «Чистый понедельник». С него начинается первая глава — «Праздники». «Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески с охотниками и утками уже сняли, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят... И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж “душа начнется”, — Горкин вчера рассказывал, — “душу готовить надо”. Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться» [5. С. 283]. Именно с подготовки к самому главному празднику — Пасхе — начинается поэма. И хотя пост праздником отнюдь не является, для православного человека, а особенно для ребенка, глазами которого читатель видит все события, это и есть настоящее торжество. Утром из дома выкуривают масленицу, убрали шторы с окон, с пола ковры, на мебель и на кар-

тины надели чехлы, «все домашние... в затрапезных платьях с заплатками, и мне велели надеть курточку с продранными локтями... теперь будет по-бедному, до самой Пасхи» [5. С. 285]. Кроме того, собираются на постный рынок за продуктами, перед иконами «зажгли “постную” голого стекла лампадку» [5. С. 284]. За окном слышится «плачущий и зовущий благовест — по-мни...по-мни...» [5. С. 284]. Изменяется и меню семьи: «Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, “кресты” на Крестопоклонной... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “коливо”! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а...великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая “рязань”...» [5. С. 287]. Это, конечно, все внешняя сторона начала поста, бытовая. Но ведь и быт освящается, как и вся жизнь человека.

Дальше описывается сам религиозный обряд. Следующая глава «Ефимоны». «Я еду к ефимонам с Горкиным. ...Это первое мое стояние, и оттого мне немножко страшно. То были службы, а теперь уж пойдут стояния. Горкин молчит и все тяжело вздыхает, от грехов должно быть. Но какие же у него грехи? Он ведь совсем святой — старенький и сухой, как и все святые. И еще плотник, а из плотников много самых больших святых: и Сергей Преподобный был плотником, и святой Иосиф. Это самое святое дело.

— Горкин, — спрашиваю его, — а почему стояния?

— Стоять надо, — говорит он, поокивая мягко, как и все владимирцы. — Потому, как на Страшном Суду стоишь. И бойся! Потому — их-фимоны.

Их-фимоны... А у нас называют — ефимоны, ... — Господне слово от древних век. Стояние — покаяние со слезами. Ско-рбе-ние... Стой и шопчи: Боже, очисти мя, грешного! Господь тебя и очистит. И в землю кланяйся. Потому, их-фимоны!..

Таинственные слова, священные. Что-то в них... Бог будто?... как будто та жизнь подходит, небесная, где уже не мы, а души» [5. С. 291]. Такими диалогами, в которых наставник Вани Горкин учит ребенка вере, православным обычаям,

традициям, умению понимать церковное богослужение, особенностям уклада жизни в зависимости от периода церковного календаря, пронизано все произведение. При этом автор использует лексику простонародную. Старенький Горкин повествует так, что читатель невольно начинает понимать смысл происходящего события, праздника. Тем не менее, в главах используются и выдержки из богослужебных текстов: например, в первой главе о Великом Посто звучит текст молитвы Св. Ефрема Сирина, которую принято читать в течение всего поста: «Господи и Владыко живота моего...» [5. С. 284]. А при описании «стояния на ефимонах» приводятся самые яркие по глубине духовного содержания строки Великого Покаянного канона Андрея Критского «Душе мо-я... ду-ше-е мо-я-ааа, Возстани, что спи-иши, Конец при-бли-жа...аа-ется...» [5. С. 296]. В оригинале слова написаны так, как и поются. Все это создает колорит православного покаянного настроения богослужения. В продолжение части «Великий Пост» идет описание бытовой жизни в великопостное время.

Таким образом, благодаря содержанию первой главы читатель может представить себе, как должно устраивать свою жизнь в столь строгое время — до Пасхи. Внимательный читатель сразу заметит приметы пасхальных традиций: и Плащаница еще находится в храме, и новая одежда на Горкине, и свечка именно красная, пасхальная, и подготовка Крестного хода, с которого и начинается торжественное Пасхальное богослужение. «Хрис-тос воскре-се из ме-ртвых...

— Ну, Христос Воскресе... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевелником... сме-ртию смерть... по-пра-ав..! Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная» [5. С. 331]. Практически кульминация главы — столь радостное описание празднования *Светлого Христова Воскресения*. Все: и работники, и хозяева христосуются, дарят друг другу пасхальные яйца и, конечно, создают атмосферу непомерно огромного торжества, радости и веселья.

В книге Шмелева «движение совершается от радостей к скорбям. От вступления в сознательный, отроческий возраст — к смерти. К смерти еще не собственной физической, но к переживаниям смерти — в прощании с умирающим отцом» [1. С. 735].

Даже в названии частей в главе «Скорби» прослеживается некоторая закономерность или даже предначертанность: Святая Радость — Живая вода — Москва — Серебряный сундук — Горькие дни — Благословение детей — Соборование — Кончина — Похороны. Так же как изменяются времена года, в круге церковных праздников есть ничем не нарушаемая последовательность, так и жизнь человеческая неизменно проходит от рождения до смерти. И точка во всей поэме ставится именно на Похоронах. Важно, что и в этой части мы находим подтверждение того, что поэма «Лето Господне», по сути, является энциклопедией русских православных праздников, потому что даже в главе «Скорби» фоном для рассказа о семейных событиях становятся православные праздники.

Таким образом, по мнению Осьминой, главным вопросом книги становится вопрос о спасении души. М. Дунаев, словно развивая эту мысль, пишет о смерти, что она — и горе, и радость. Недаром в самый момент смерти отца мальчик погружается в некое райское радостное видение (и неземное, и обыденно-привычное), в котором он встречается со здоровым и радостным отцом. Скорбь расставания и радость ожидания встречи — там [1. С. 736]. Итак, можно утверждать, что даже глава «Скорби» соответствует названию нашей работы. Только если первая глава рассказывает о жизни по вере в круге церковного календаря, то вторая — о смерти в вере, о том, как достойно приготовиться к смерти, и праздником в ней является весь ход приготовления к уходу в мир иной, но праздником исключительно для души.

Очень точно, довольно возвышенно И. Ильин писал об этом произведении: «...С тех пор, как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу мироосвещающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой. Впервые создана лирическая поэма об этой встрече, состоящая не в догмате, не в тайнстве, и не в богослужении, а в быту. Ибо быт насквозь пронизан токами православного созерцания; и младенческое сердце, не постигающее учения, не разумеющее церковного ритуала, пропитывается излучениями православной веры, наслаждается восприятием священного в жизни; и потом, повернувшись к людям и к природе, радостно видит, как навстречу ему все радостно лучится лучами скрытой божественности. А мы, читатели, видим, как лирическая поэма об этой чудной

встрече разрастается, захватывает весь быт взрослого народа и превращается в эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия... Так Шмелев показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь — из сердечной глубины верующего ребенка» [2. С. 385].

Подводя итог, остается сказать, что поэма в прозе «Лето Господне» — действительно своеобразная настольная книга русских православных праздников, в которой внимательный читатель может найти исторические сведения, еван-

гельские истории, традиции и обряды, особенности богослужения и даже описание православной подготовки к смерти. Колорит патриархальной Руси, созданный в поэме, словно налитан осознанием вечных ценностей, которые на некоторое время были преданы забвению в нашей стране в связи с изменением политического устройства России и утратой обществом религиозных устоев. Теперь происходит процесс возврата к исконно русским традициям, восстановления церковных традиций одновременно с открытием для читателей таких произведений как «Лето Господне» Ивана Сергеевича Шмелева. Поистине русского писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаев М.М. Творчество И.С.Шмелева (1873—1950) // Православие и русская литература. Ч. 5. М., 2003.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 1.
3. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К.Зайцев, И.С.Шмелев. СПб., 2003.
4. Морозов Н.Г. Лето Господне И.С.Шмелева // Шмелев И.С. Лето Господне. М., 1998.
5. Шмелев И.С. Лето Господне. М., 1991. Т. 2.

REFERENCES

1. Dounaev M.M. Tvorchestvo I.S.Shmelyova (1873—1950) [I.S.Shmelyov's creative works] // Pravoslaviye i russkaya literatura. Part 5. Moscow, 2003 (in Russian).
2. Ilyin I.A. Collected Works: in 10 volumes. Vol. 6, book 1. Moscow, 1996 (in Russian).
3. Lubomudrov A.M. Dukhovny realism v literature russkogo zarubezhja: B.K.Zaitsev, I.S.Shmelyov [Spiritual realism in literary works of Russian émigré community: B.K.Zaitsev, I.S.Shmelyov]. St. Petersburg, 2003 (in Russian).
4. Morozov N.G. Leto Gospodne I.S.Shmelyova [Year of the Lord by I.S.Shmelev] // Shmelev I.S. Year of the Lord. M., 1998.
5. Shmelyov I.S. Leto Gospodne [The Summer of the Lord]. Vol. 2. Moscow, 1991 (in Russian).

L.A.Lysenko
Nizhnevartovsk, Russia

I.SHMELYOV'S POETIC NOVEL "THE SUMMER OF THE LORD" AS AN ENCYCLOPEDIA OF RUSSIAN ORTHODOX HOLIDAYS

Abstract: Ivan Shmelyov is a firmly religious, truly Orthodox writer. The writer's religiosity was can be attributed to three main reasons. First, he was brought up in a patriarchal family in the spirit of the Orthodox traditions. Second, he married a religious woman. And third, he had a pure Orthodox attitude towards the excesses of the revolutionary period and the death of his only son Sergei. This article analyses Shmelyov's prose poem "The Summer of the Lord" and the way Russian Orthodox holidays and related traditions are reflected in the poem.

The overall purpose of the analysis is to prove that Shmelyov's novel can be interpreted and used as an encyclopedia of Orthodox holidays. This literary work, being the quintessence of Shmelyov's creativity, is based on the writer's childhood experience of the Russian patriarchal society. Using his childhood experience, the author shows

the beauty of Russian Orthodoxy, its value for a particular family and for society as a whole. The chapters of “The Summer of the Lord” – “Holidays”, “Joys”, “Sorrows” are organized within the annual circle and church calendar. Using the stories from his childhood, Shmelyov tells the reader how this calendar defines the entire family life reflected in three major aspects, such as the house, the church, and Moscow. At first glance, the chapters of “Holidays” and “Joys” repeat each other, as they tell about Christmas and Lent. However, the “Joys” are much more “personal”, autobiographical. The former chapter deals with national holidays, the latter tells the reader about family events and about the inner world of a little boy, about his thoughts, feelings, experiences, relationships, especially about the relationship with his father who becomes the protagonist of the novel. That’s why the writer devoted two chapters to the father’s life, such as “Nameday”, a chapter about father’s holiday, and “Sorrows”, a chapter about his illness, death, and funeral.

Using biographical, cultural, historical, and hermeneutical methods and elements of the system analysis, the author of this study argues that Shmelyov’s novel describing a range of religious holidays in detail may be used as an encyclopedia of Orthodox holidays for teaching the course of “Fundamentals of Orthodox Culture” in schools.

Keywords: Russian Orthodoxy; holidays; childhood; character of patriarchal Russia

About the author: Lydia Anatolievna Lysenko, post-graduate student at the Department of Philology and Mass Communication, Nizhnevartovsk State University.

Place of employment: Municipal Budget Institution “TV Nizhnevartovskogo rayona” (Nizhnevartovsk District Television)

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 372.881.1

О.В.Брезгина
Нижевартовск, РоссияОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В последние годы значение информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе высшей школы резко возросло. Многие экспериментальные и теоретические исследования ставят своей целью определить эффективность использования ИКТ. В статье рассматриваются проблемы использования информационно-коммуникационных технологий, применение которых позволяет повысить мотивацию студентов, оптимизировать процесс обучения иностранному языку, увеличить эффективность самостоятельной работы, разнообразить формы и виды деятельности.

Цель работы — изучить имеющийся педагогический опыт, раскрыть сущность противоречия между потенциальными и реальными возможностями ИКТ. Автор в своей работе использовал как общетеоретические методы, так и методы изучения и обобщения педагогического опыта. В статье предпринята попытка показать роль и место ИКТ в образовательном процессе, дидактические методы в сочетании с данными технологиями, возможные негативные стороны их применения. Автор называет необходимые условия для эффективного использования информационно-коммуникационных технологий, включая пути повышения компетенции преподавателя. Предлагаемый материал адресован преподавателям и может помочь педагогам грамотно применять современные образовательные технологии на своих занятиях.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); обучение иностранным языкам; комбинированное обучение.

Сведения об авторе: Брезгина Ольга Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации.

Место работы: Нижевартовский экономико-правовой институт (филиал) Тюменского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. 60 лет Октября, 49 А; Тел. 3466431015(110); e-mail: belief59@mail.ru

Под влиянием глобализационных процессов современный рынок труда ставит новые задачи перед высшей школой в повышении качества подготовки специалистов с новым типом мышления, соответствующим требованиям информационного общества. С каждым днем в различных сферах образовательной деятельности все больше используются информационно-коммуникационные технологии, влияющие на функционирование всей системы образования, да и на жизнь всего общества в целом. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — обобщающее понятие, включающее различные методы, способы и алгоритмы сбора, хранения, обработки, представления и передачи информации.

Проблема внедрения информационно-коммуникационных технологий остается актуальной на протяжении последних лет. Доказательством этому являются новые публикации научных статей (Аветисян Д.Д., Болдова Т.А., Вар-

нина Л.П., Закотнова П.В., Зимина Е.И., Колесова Т.В., Кондакова Н.Н., Кувшинов С.В., Лалова Т.И., Латышев В.Л., Марутян М.Б., Могилев А.В., Хакимова А.А., Штурба Я.Ю. и др.), в которых авторы делятся опытом, обсуждают преимущества и возможные сопутствующие недостатки использования данных технологий. Интерактивность информационно-коммуникационных технологий, которая обеспечивается гипертекстовыми и мультимедийными средствами, предполагает переход на качественно иной уровень работы с информацией. Потенциал ИКТ поистине безграничен: здесь большие возможности дифференцированного подхода, визуализации обучения, организации самостоятельной работы студентов, оперативного контроля, обеспечения учебно-методическими материалами, кроме того, сетевое мышление, которое обеспечивают данные технологии, изменяет взгляды на жизнь и отношения между людьми.

Дидактические возможности ИКТ изучены и подробно описаны. Необходимо отметить, что общедидактические методы обучения органично включают в себя использование информационно-коммуникационных технологий. По взаимодействию преподавателя и студентов целесообразны следующие методы:

— метод передачи новых знаний. На этой модели основаны цифровые образовательные ресурсы в Интернете, которые облегчают массовый доступ к учебным материалам, независимо от временных и пространственных ограничений. Недостаток данного метода заключается в том, что студент является пассивным получателем информации;

— метод отработки и закрепления навыков и умений. Использование информационно-коммуникационных технологий при данном методе обучения позволяет сформировать многократно используемый фонд учебно-методических ресурсов, регулярно использовать обратную связь, что повышает степень усвоения необходимого материала. При системном применении метода отработки и закрепления навыков и умений полностью раскрывается потенциал ИКТ, меняется роль преподавателя. Ограниченность данного метода может состоять в недостаточной информационной компетенции преподавателя;

— метод выработки новых знаний основывается на опыте применения информационно-коммуникационных технологий вышеназванных моделей. При данном методе студенты должны самостоятельно выстраивать стратегию решения учебных задач, критически оценивать информацию, анализировать подходы к решению проблемы. Роль преподавателя заключается в поддержке образовательного процесса, на этой модели существенно повышается ответственность педагога за достижение результатов освоения учебного материала. Данный метод обучения предполагает высокую мотивацию, критическое мышление, эффективное взаимодействие студентов. Такие факторы мотивации как способность к непрерывному обучению, ответственность, целеустремленность являются важными инструментами для приобретения знаний. Недостатки данного метода в сочетании с внедрением ИКТ состоят в высоких требованиях к информационно-коммуникационной культуре профессорско-преподавательского состава.

Приоритетной задачей обучения иностранному языку в высшей школе является формиро-

вание у студентов коммуникативных компетенций для решения профессиональных задач средствами изучаемого языка. Применение ИКТ в процессе изучения иностранного языка имеет неоспоримые преимущества: привлекательность, интерактивность учебных материалов, способствующих интересу к изучению иностранного языка; возможность адаптации образовательного процесса под нужды каждого студента. Неотъемлемой частью учебного процесса стало использование мировой паутины для общения с носителями изучаемого языка, обмена информацией, просмотра фильмов и передач на иностранном языке, в том числе в режиме онлайн. ИКТ обеспечивают высокую информативную емкость материала, повышают мотивацию студентов, стимулируют их познавательную активность, позволяют решать множество дидактических задач:

— формирование навыков и умений всех видов речевой деятельности;

— обогащение активного и пассивного словарного запаса студентов;

— формирование социокультурной и страноведческой компетенций обучаемых;

— имитирование языковой среды.

В качестве аутентичных Интернет-ресурсов можно использовать *LinguaLeo*, *Learn English Elementary*, *Wordshake*, *Learning English With The New York Times* и др.; онлайн образовательные ресурсы для преподавателей иностранных языков: *BBC learning / teaching Websites*; словари на электронных носителях — *ABBYU Lingvo*; онлайн словари: *Lingvo*, *Webster*, *Multiflex*, *online free dictionary*, *Multitran*, и др. Крупнейшим видео-хостингом считается *YouTube*, использование возможностей данного сервиса может способствовать развитию навыков аудирования, монологической и диалогической речи. Последовательность работы с аудиофайлами может быть следующей: краткое вступительное слово; первое прослушивание, определение основного смысла, ключевых слов; проверка понимания содержания аудиофайла; фонетическая отработка текста; повторное прослушивание аудиофайла [4. С. 107]. В дальнейшем каждый из предложенных аудиофайлов-подкастов может быть использован как эффективное средство закрепления и повторения нового грамматического и лексического материала.

Однако использование информационно-коммуникационных технологий на занятиях должно быть не основным, а вспомогательным средством

в осуществлении учебного процесса, так как сокращение живого диалогического общения снижает возможность формирования критического мышления, основанного на диалоге. При обучении иностранному языку оптимальным может стать комбинированное обучение (blended learning, или b-learning) — методика обучения с использованием как очных занятий, так и занятий с применением электронных средств. В этом случае совмещаются преимущества обеих методик. Комбинированное обучение дает возможность преподавателю выступить в новой роли, а также сохранить очное общение с учащимися [3. С. 93].

В то же время любой опытный преподаватель знает, что на фоне достаточно частого положительного эффекта от внедрения информационных технологий зачастую их использование никак не сказывается на повышении качества обучения, а порой имеет негативный эффект. Можно выделить две причины: во-первых, недостаточная медийная и информационная грамотность преподавателей в условиях развития цифровых технологий. От участников образовательного процесса требуются новые виды компетенций, необходимых для активного участия в жизни информационного сообщества. Для использования всех преимуществ ИКТ целесообразно адаптировать материал под новую образовательную среду. Информационно-коммуникационные технологии могут стать мощным образовательным инструментом, если преподаватель сумеет использовать преимущества асинхронии, разработать смешанные модели и курсы, учитывающие индивидуальные потребности студентов [3. С. 90]. Как показывает практика, методическую поддержку преподавателям в области ИКТ могут обеспечить сетевые педагогические сообщества, например, metodist.ru или pedsovet.org и др. В настоящее время успешно работают около 20 федеральных образовательных порталов, предоставляющих информационные услуги по различным предметным областям и вопросам образования, среди которых можно отметить: www.edu.ru «Федеральный портал «Российское образование»; www.humaties.edu.ru Социально-гуманитарное и политологическое образование; www.ict.edu.ru Информационно-коммуникационные технологии в образовании; www.openet.edu.ru Российский портал открытого образования; www.international.edu.ru Международное образование и др.

Вторая причина вызывает беспокойство у медиков: по данным статистики, каждый обу-

чаемый, так называемый пользователь «3 Dictation» («3D» + «Education»), обладает как минимум двумя из 5 заболеваний нового века, среди которых:

- туннельный синдром запястий;
- зрительный синдром;
- позвоночный синдром;
- дыхательный или легочный синдром;
- венозно-сосудистый синдром [1. С. 13].

Очевидно, что решение проблем уместной и оправданной информатизации обучения должно осуществляться комплексно и повсеместно. В.Л.Латышев выделяет следующие направления компенсации и профилактики психофизиологических напряжений:

- сертификация программных продуктов;
- введение жестких санитарно-гигиенических норм, регламентирующих работу с компьютером;
- использование психологических методов профилактики [2. С. 145].

В качестве прочих условий эффективности обучения с применением ИКТ нужно отметить: ориентированность на конечный результат, измеримость цели; оптимальную корреляцию времени обучения и объема учебного материала; алгоритмизацию процесса обучения; четкую систему контроля и самоконтроля.

Несмотря на накопленный теоретический и практический опыт в области применения информационно-коммуникационных технологий, можно сказать, что внедрение ИКТ в образовательный процесс протекает стихийно, налицо противоречия между потенциальными и реальными возможностями их использования. Эффективное применение ИКТ возможно в том случае, если:

- в учебно-методических комплексах будут прописаны цели, задачи, методы использования информационно-коммуникационных технологий; разработаны рекомендации по изучению курса, содержащие информацию как для преподавателя, так и для студентов; уделено особое внимание четкому описанию формируемых компетенций в результате освоения учебного материала;
- профессорско-преподавательский состав и студенты будут подготовлены к применению ИКТ;
- в вузе будет создано информационное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кувшинов С.В. «Homosapiens» vs «HomoDigital» // Народное образование. 2013. № 8.
2. Латышев В.Л. Как сохранить здоровье пользователю IT? // Народное образование. 2013. № 10.
3. Марутян М.Б. Использование ИКТ в организации процесса подготовки переводчиков на базе языковых факультетов // Инновационные технологии в профессиональном образовании: от компетентностной к культурологической парадигме: Всероссийская молодежная конференция. Томск, 2012.
4. Штурба Я.Ю., Лалова Т.И. Роль YouTube в изучении иностранного языка // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 3.

REFERENCES

1. Kuvshinov S.V. «Homosapiens» vs «HomoDigital» // Narodnoye obrazovaniye. 2013. № 8 (in Russian).
2. Latyshev V.L. Kak sokhranit zdoroviye polzvatel'yu IT? [How to preserve the health of IT user?] // Narodnoye obrazovaniye. 2013. № 10 (in Russian).
3. Marutian M.B. Ispolzovaniye IKT v organizatsii protsessa podgotovki perevodchikov na baze yazykovykh fakultetov [Use of ICT in the training translators at language faculties] // Russian Youth Conference "Innovatsionniye tekhnologii v professionalnom obrazovanii: ot kompetentnostnoy k kulturologicheskoy paradigme" ["Innovative technologies in vocational education: from competence to culturological paradigm"]. Tomsk, 2012 (in Russian).
4. Shturba Ya. Yu., Lalova T.I. Rol YouTube v izuchenii inostrannogo yazyka [YouTube role in learning a foreign language] // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2012. № 3 (in Russian).

O.V. Brezgina
Nizhnevartovsk, Russia

USING INFORMATION COMMUNICATION TECHNOLOGY IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract. Recently, the importance of using information communication technologies in higher education has increased dramatically. Many empirical and theoretic researches have been devoted to determining the effectiveness of information communication. The present article deals with the issues of using information communication technologies for increasing students' motivation, improving foreign language teaching, making student's independent work more efficient, and diversifying the forms and types of activities.

The aim of the study is to analyse the educational experience to date and reveal the contradiction between potential and real opportunities offered by information communication technologies (ICT). The author has used general theoretic methods, as well as methods of studying and generalizing the existing educational experience. As results of the study, the author shows the role and place of ICT in the education process, didactic methods in combination with the given technology and the possible disadvantages of its usage. The author denominates the necessary conditions for efficient application of information communication technology, including the ways of raising the level of the teacher's competence. The proposed material is intended for teachers and may contribute to the successful application of modern educational technologies.

Key words: information communication technologies, ICT, foreign language teaching, combined learning (sandwich course).

About the author: Olga Vitalievna Brezgina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Foreign Language and Intercultural Professional Communication.

Place of employment: Nizhnevartovsk Economics and Law Institute (Branch) of Tyumen State University.

КИНОФИЛЬМЫ С СУБТИТРАМИ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются кинофильмы с субтитрами как лингводидактический материал, используемый с целью изучения иностранного языка. Цель работы — проанализировать основную теоретическую базу по заданной тематике, охарактеризовать кинофильмы с субтитрами как лингводидактический материал и выявить, в чем заключается практичность и эффективность данного материала. В ходе работы применялись общенаучные теоретические методы исследования, такие как сбор материала, анализ, классификация, дедукция.

Приводятся виды субтитров и их особенности, дается краткое описание специфики работы с теми или иными субтитрами. Постулируется следующее: интерлингвистические субтитры более оптимальны для учащихся с начальным уровнем владения иностранным языком; интралингвистические субтитры как дидактический материал более эффективны для учащихся с пороговым и/или продвинутым уровнем владения. Выясняется, что билингвальные субтитры с дидактической точки зрения мало изучены, но являются перспективными в плане исследований. Выделяются намеренный и непреднамеренный виды изучения иностранного языка при просмотре кинопродукции с субтитрами. Автор приходит к основному выводу — просмотр фильмов с субтитрами происходит в многозадачном режиме, что усиливает эффективность изучения иностранного языка. Данный многозадачный режим работы объясняет сверхпрактичность субтитрированных фильмов как дидактического материала.

Ключевые слова: аудиовизуальные дидактические материалы; субтитры; интерлингвистические субтитры; интралингвистические субтитры; билингвальные субтитры; изучение иностранного языка; намеренное и непреднамеренное изучение иностранного языка.

Сведения об авторе: Зиязова Ирина Римовна, аспирант, преподаватель кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3Б, каб. 213; тел. 3466273577, e-mail: irina_cloud@mail.ru

С течением времени специалисты области образования последовательно и сознательно уходят от традиционных методов преподавания. Необходимость применения новых, экспериментальных методов обучения иностранному языку объясняется спецификой данного предмета, а также нечастой возможностью отрабатывать языковые навыки с носителями языка (в особенности в региональных учебных заведениях).

Многочисленные научные открытия, научно-технические достижения влекут за собой цепную реакцию перемен во всех сферах, не исключая сферу образования. Актуальным становится фактор медиаобразования. Внедрение инновационных технологий происходит в сфере как естественных наук, так и гуманитарных.

В связи со складывающейся коммуникационной и культурной ситуацией в мире, которую именуют термином «глобальная деревня»¹ (Global Village), можно утверждать, что спрос и желание владеть иностранным языком (англий-

ским, как языком международного общения, в первую очередь) продолжают расти и набирать обороты. Спрос рождает предложение, и образовательные предложения/программы/методы принимают новые формы. Среди образовательных новшеств — современных способов и средств изучения иностранного языка — можно выделить: телепередачи, видеоуроки/видеолекции (множество на youtube), онлайн-конференции и вебинары, языковое программное обеспечение, вебсайты/форумы (BBC Learning English, Lingualeo, Deutsche Welle), социальные сети для любителей/изучающих иностранные языки (Livemocha, Busuu), аудиокурсы (Pimsleur, Earworms), подкасты (6 Minute English, Learn English, Duden), репетиторство с носителем языка посредством Skype и Google+, образовательные приложения от AppStore и мн. др.

Использование аудиовизуальных продуктов, в конкретном случае — кинофильмов с субтитрами, является уже выверенным дидактическим механизмом и по сравнению с вышеперечисленными механизмами более изученным с лингводидактической точки зрения.

¹ Термин введен канадским философом, филологом Маршаллом Маклюэном.

Научные труды по использованию видеоматериалов при обучении иностранному языку имеются как в отечественной литературе, так и в зарубежной. Однако влияние просмотра фильмов с субтитрами на процессы освоения языка более глубоко изучено за рубежом. Исследования по данной тематике проводились такими специалистами, как M.Danan, J.Díaz Cintas, G.d'Ydewalle, M.Pavesi, E.Perego, M.Condinho Bravo, V.L.S.Araújo и др.

Кинофильмы с субтитрами как аудиовизуальный материал для работы на занятиях иностранного языка при корректном применении могут оказаться сверхпрактичными, поскольку подобный материал представляет собой поликодовый текст, т.е., согласно трактовке А.Г.Сонина, комбинацию «семиотически гетерогенных составляющих» [4. С. 117].

Преимущество данного вида текста как дидактического ресурса заключается в том, что подобные тексты высокоинформативны. В случае, если учащимся не воспринимается тот или иной сегмент информации на слух, он может быть восполнен за счет видеоряда. Помимо этого динамика сюжетной линии кинопродукта позволяет в большей/меньшей мере удерживать внимание учащихся на определенный период времени и погрузить их в близкую к естественному общению микросреду.

Использование аудиовизуальных материалов (видеоролики, рекламные/новостные ролики, мультфильмы, коротко- и полнометражные фильмы) с субтитрами довольно популярно и часто встречается на занятиях в университетах, общеобразовательных школах, языковых школах, на языковых курсах. Объясняется это тем, что кинофильмы — это популярный информационно-развлекательный ресурс, благодаря которому можно заинтересовать обучаемых и мотивировать к дальнейшему изучению. Об этом говорят Л.А.Иванова, О.В.Игнатъев, М.О.Магомедова, О.С.Полозова, А.В.Фёдоров и др.

Далее необходимо отметить, что среди аудиовизуальных продуктов мы выделяем именно кинофильмы. Методологически важным является то, что кинофильмы:

- тематизированы, что практично, поскольку к изучаемой теме можно подобрать фильмы с соответствующим содержанием;
- отражают социокультурные аспекты, что значит — вместе с изучением языка запускается параллельный процесс лингвокультурной адаптации, у учащихся пополняются фоновые знания;

- могут быть различной длительности, что дает преподавателю возможность спланировать/организовать учебный процесс.

Согласно лингвистической классификации субтитры подразделяются на интралингвистические (на языке оригинала; транскрипт), интерлингвистические (переводные) и двуязычные или билингвальные. Просмотр фильмов с каждым из вышеперечисленных типов субтитров имеет свои особенности и преимущества.

Так, кинофильмы с *интерлингвистическими* субтитрами будут уместны при работе с учащимися начального уровня владения иностранного языка (basic, A1, A2). Перевод в данном случае крайне необходим, но польза от просмотра подобных материалов не оставляет сомнения, поскольку у студентов происходит постепенное приобщение к особенностям языка (фонологическим в частности), развивается слуховое восприятие иностранного языка. Важно отметить, что усвоение структуры/грамматики иностранного языка у учащихся с базовой компетенцией происходит на бессознательном/интуитивном уровне.

Материалы с *интралингвистическими* субтитрами больше предназначены для учащихся с пороговым и/или продвинутым уровнями (intermediate, advanced, B1, B2, C1). Имеющиеся знания позволяют изучающим язык смотреть фильмы в оригинале, при этом процесс освоения языка, как правило, становится более эффективным.

Студенты пополняют лексический запас и, как отмечают определенные специалисты (S.D.Krashen, J.Díaz Cintas и мн. др.), процесс усвоения и запоминания лексических единиц происходит более интенсивно, поскольку текстовая информация снабжена аудиоподдержкой и видеореферентами. По словам J.Díaz Cintas, видеоматериалы с субтитрами обязывают обучающихся прорабатывать сообщение одного высказывания троекратно (видео, аудио и текст субтитра), вследствие чего выше показатели запоминания новых слов и их правописания [6. С. 211]. Также студенты начинают разграничивать денотативные и коннотативные значения, познают стилистическую систему языка, закрепляют и осмысливают правила, нормы, исключения и пр.

Использование кинопродукции с *билингвальными* субтитрами представляется целесообразным при работе со студентами, специальность которых — перевод. Двуязычные субтитры могут

послужить наглядным и практическим пособием относительно переводческих стратегий, трансформаций, решений и находок. Данный вид дидактического механизма малоизучен, но представляет собой перспективную нишу для исследований.

Если говорить о кинофильмах с субтитрами в целом и сравнивать с другими дидактическими материалами, то можно выделить много положительных моментов:

1) развивается аудитивная компетенция, осваиваются произношение, интонация, фонетические особенности языка; улучшается фонематический слух, распознаются акценты, диалекты изучаемого языка (J.Díaz Cintas, M.F.Cruz);

2) поликодовость способствует более интенсивному процессу мышления, восприятия и запоминания (S.D.Krashen, J.Díaz Cintas, M.F.Cruz);

3) в случае непонимания какого-то сегмента информации домысливание происходит за счет аудиовизуальной поддержки;

4) осваиваются не только вербальные навыки коммуникации, но и невербальные, т.е. язык тела, жесты, мимика и другие коммуникативные невербальные элементы, присущие носителям той или иной лингвокультуры;

5) параллельно происходит лингвокультурная адаптация, познание иноязычных реалий, строятся ассоциативные связи;

6) повышается скорость чтения на изучаемом языке;

7) улучшается правописание;

8) просмотр в данном случае — процесс образовательный, но также развлекательный и информационный.

Несмотря на многочисленные достоинства просмотр фильмов с субтитрами на занятиях — процесс не всегда идеальный. К возможным недостаткам данного дидактического механизма следует отнести следующие:

1) существует риск, что просмотр фильма может превратиться в его «прочтение», субтитры могут препятствовать получению удовольствия от просмотра кинопроизведения;

2) существует риск, что учащиеся могут не успеть прочесть тот или иной субтитр и упустить существенную информацию;

3) в силу технических особенностей перевода посредством субтитров то, что представляется в письменной форме, может отличаться от того, что звучит в устной форме (применение переводческих трансформаций, таких как сжатие, опущение).

В случае с освоением иностранного языка посредством просмотра фильмов на языке оригинала с переводными субтитрами необходимо также отметить, что выделяют два вида изучения языка (M.Pavesi, E.Perego, S.B.Neman, P.Koskinen, A.Reber, M. Van de Poel, G.d'Ydewalle): 1) *целенаправленное* (intentional learning), когда для зрителя кинопросмотр представляется процессом не только развлекательного характера, но и осознанного образовательного воздействия; 2) *непреднамеренное* (unintentional/incidental learning), когда в силу определенных обстоятельств зрителю приходится пользоваться текстовым сопровождением. Непреднамеренное освоение языка имеет особое место в странах, регионах, где существуют два официальных языка, и телевизионная продукция и кинопродукция снабжаются переводными субтитрами, либо в странах, в которых субтитры являются доминирующим видом аудиовизуального перевода.

Среди современных дидактических материалов кафедры лингвистики и перевода НВГУ имеется значительный комплекс аудиовизуальной продукции: художественные фильмы, документальные фильмы, анимационные фильмы, учебные передачи и видеоролики и др. Вся продукция снабжена интралингвистическими и интерлингвистическими субтитрами.

Так, студенты первого курса работают с видеоклипами по заданным тематикам. Видеоклипы в данном случае короткометражные, с пройденной лексикой. Это может быть видеосюжет по теме «внешний вид / одежда», который учащиеся смотрят в первый раз без субтитров и выполняют задания, тем самым тренируя навыки слухового восприятия. После выполнения заданий просмотр происходит с интралингвистическими субтитрами для сопоставления ответов с текстовым сопровождением.

Таким образом гарантируется закрепление изученного лексического блока.

У студентов младших курсов просмотром художественного фильма также завершается цикл занятий по какой-либо теме / проблеме. Фильм с интралингвистическими субтитрами просматривается на одном занятии либо распределяется на несколько с последующими заданиями на самостоятельную работу. Студентам с низким уровнем владения языком предлагается просмотр произведений с интерлингвистическими субтитрами.

При работе со студентами старших курсов используются тематизированные видеоматериалы,

с более узкой направленностью и определенной терминологией. Так, живой отклик у студентов вызывает полнометражный анимационный фильм «Первый отряд», демонстрируемый в честь праздника Дня Победы и в целях патриотического воспитания. Данный фильм на тему Великой Отечественной войны отличается высокой насыщенностью военной терминологии. Исходя из специальности студентов — перевод, в качестве задания требуется составить глоссарий во время просмотра фильма. Учащимся предоставляется список лексических единиц и фраз военного характера (*отряд, под знамена, Ледовое побоище, крестоносцы, противоборство, тыл, контузия и др.*), которые они впоследствии воспринимают и выслеживают в английских субтитрах, опираясь на контекст и со-

относя лексические единицы с видеореферентами.

Проведенные исследования и теоретический анализ позволяют нам утверждать, что применение аудиовизуальных материалов — кинофильмов с субтитрами — при изучении иностранного языка предполагает многозадачный режим работы (просмотр, чтение, прослушивание, восприятие, перевод, осмысление). Именно в данном многозадачном режиме работы заключается сверхпрактичность субтитрованных фильмов как дидактического материала. Несмотря на то, что процесс просмотра и восприятия довольно интенсивный, не стоит забывать о развлекательном характере материала, что лишь усиливает эффективность изучения иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Л.А. Медиаобразование в обучении иностранным языкам — влечение времени // *Magister Dixit*. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. № 2.
2. Игнатъев О.В. Использование художественных фильмов в процессе формирования коммуникативно-речевой компетенции и лингвокультурологическая адаптация иностранных учащихся // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2012. № 2.
3. Игнатъев О.В. Средства вербального и невербального воздействия на учащихся при изучении русского языка с использованием фильмов // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2012. № 3.
4. Магомедова М.О., Полозова О.С. Использование видеофильмов при обучении иностранному языку // *Современная наука*. 2011. № 3.
5. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // *Вопросы языкознания*. 2005. № 6.
6. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М., 2007.
7. Condinho Bravo M. da C. Putting the Reader in the Picture: Screen Translation and Foreign-Language Learning: Dissertation presented for the award of Doctor of Philosophy. Tarragona, 2008.
8. Díaz Cintas J., Fernández Cruz M. Using subtitled video materials for foreign language instruction // *The Didactics of Audiovisual Translation / Benjamins Translation Library*. 2008. Vol. 77.
9. Pavesi M., Perego E. Tailor-made interlingual subtitling as a means to enhance second language learning // *The Didactics of Audiovisual Translation / Benjamins Translation Library*. 2008. Vol. 77.

REFERENCES

1. Ivanova L.A. Mediaobrazovaniye v obuchenii inostrannym yazykam – veleniye vremeni [Media education in teaching foreign languages – necessity of the time] // *Science and Education Journal of Eastern Siberia «Magister Dixit»*. 2013. № 2 (in Russian).
2. Ignatiev O.V. Ispolsovaniye khudozhestvennykh filmov v protsesse formirovaniya kommunikativno-rechevoy kompetentsii i lingvokulturologicheskaya adaptatsiya inostrannykh uchashchikhsya [Use of feature films in developing communicative speech competences and language and culture adaptation of foreign students] // *Bulletin of Peoples' Friendship University. Series “Russian and foreign languages and language teaching methods”*. 2012. № 2 (in Russian).
3. Ignatiev O.V. Sredstva verbalnogo i neverbalnogo vozdeistviya na uchashchikhsya pri izuchenii russkogo yazyka s ispolsovaniyem filmov [Means of verbal and nonverbal impact on students learning Russian language with the help of films] // *Bulletin of People's Friendship University. Series “Russian and foreign languages and language teaching methods”*. 2012. № 3 (in Russian).

4. Magomedova M.O., Polozova O.S. Ispolzovaniye videofilmov pri obuchenii inostrannomu yazyku [Using video material in teaching a foreign language] // *Sovremennaya nauka*. 2011. № 3 (in Russian).
5. Sonin A.G. Eksperimntalnoye issledovaniye polikodovykh tekstov: osnovniye napravleniya [Experimental study of policode texts: major trends] // *Voprosy yazykoznaniiya*. 2005. № 6 (in Russian).
6. Fedorov A.V. Razvitiye medikompetentnosti i kriticheskogo myshleniya studentov pedagogicheskogo vuza [Development of media competence and critical thinking of pedagogy students]. Moscow, 2007 (in Russian).
7. Condinho Bravo M. da C. Putting the Reader in the Picture: Screen Translation and Foreign-Language Learning: Dissertation presented for the award of Doctor of Philosophy. Tarragona, 2008.
8. Díaz Cintas J., Fernández Cruz M. Using subtitled video materials for foreign language instruction // *The Didactics of Audiovisual Translation / Benjamins Translation Library*. 2008. Vol. 77.
9. Pavesi M., Perego E. Tailor-made interlingual subtitling as a means to enhance second language learning // *The Didactics of Audiovisual Translation / Benjamins Translation Library*. 2008. Vol. 77.

I.R.Ziyazova
Nizhnevartovsk, Russia

SUBTITLED FILMS AS DIDACTIC AID IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Abstract. The author examines subtitled films as a didactic aid in language learning. The aim is to characterize subtitled films as a didactic material and to determine their usability and effectiveness. The applied research methods include general theory methods such as fact finding, analysis, classification, and deduction.

The study describes the types of subtitles and briefly characterizes the work with each type accordingly. It is stated that interlingual subtitles are more efficient for beginners, whereas intralingual subtitles are considered of more appropriate and efficient use for upper-intermediate and advanced learners. Bilingual subtitles in language learning are yet to be studied. The general merits and demerits of subtitling in foreign language learning are analysed. Intentional and unintentional ways of foreign language learning are briefly presented. The conclusion is that watching subtitled films for language learning is multitasking. Multitasking fosters learning and memorizing which explains why subtitled films are supereffective didactic materials.

Key words: audiovisual didactic materials, subtitles, interlingual subtitles, intralingual subtitles, bilingual subtitles, language learning, intentional and unintentional language learning.

About the author: Irina Rimovna Ziyazova, postgraduate student, lecturer at the Department of Linguistics and Translation Studies.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 377

Н.В.Самсонова
г. Нижневартовск, Россия

СИСТЕМА ПРОБЛЕМНЫХ ЗАДАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Предметом рассмотрения в данной статье являются проблемные задания духовно-познавательного уровня, обуславливающие формирование ценностно-смысловой компетентности студентов при обучении иностранному языку.

Цель предпринятого анализа — обосновать объективную необходимость вхождения ценностно-смысловой компетентности в состав ключевых компетентностей, формируемых в образовательном процессе, и возможность ее развития при проблемном обучении иностранному языку, где проблемные задания духовно-познавательного уровня могут явиться средством формирования ценностно-смысловой компетентности. В процессе проводимого анализа доказывается, что ценностно-смысловая компетентность обеспечивает механизм самоопределения личности, обуславливает ее индивидуальную образовательную траекторию и программу жизнедеятельности в целом; данная компетентность проявляется в действии, отношении, деятельности. Была выявлена также взаимосвязь содержания формируемой компетентности с содержанием общей культуры человека, выделены характеристики и умения ценностно-смысловой компетентности.

В статье раскрывается воспитательный потенциал проблемного обучения иностранному языку, который проявляется в трех направлениях: воспитание культуры мышления, культуры общения и культуры ценностного отношения к действительности, а также подробно рассматривается система проблемных заданий при работе с текстами, содержащими ценностные проблемы. Обосновывается, что обсуждение проблемных задач духовно-познавательного уровня при обучении иностранному языку обуславливает формирование ценностно-смысловой компетенции и воспитание общей культуры обучающегося в целом. Система проблемных заданий может быть использована при обучении немецкому языку.

Ключевые слова: ценностно-смысловая компетентность; культура; воспитательный потенциал проблемного обучения; иностранный язык; проблемные задания.

Сведения об авторе: Самсонова Нина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628606, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, д. 11; тел. 3466435540; e-mail: inostrannih@yandex.ru

Когда речь идет об основных тенденциях в современном образовании в целом и в обучении иностранному языку в частности, внимание акцентируется, прежде всего, на его компетентностной составляющей, что ориентирует на формирование компетенций в обучении. Не отставиваясь в рамках данной статьи на рассмотрении вопросов определения его основных понятий, основных характеристик, различий между понятиями «компетенция» и «компетентность» и т.д., обратимся к понятию ценностно-смысловой компетентности как одной из ряда выделяемых исследователями ключевых компетенций (И.А.Зимняя, А.В.Хуторской и др.) и проблемным задачам духовно-познавательного уровня, являющимся, по нашему мнению, средством формирования данной компетенции при обучении иностранному языку.

Подчеркнем также необходимость закономерно учитывать целостность образовательного процесса с позиции равнозначности его функций (обучение, воспитание, развитие) и целостность личности обучающегося, поскольку формирование ценностно-смысловой компетентности относится в большей мере к аспекту воспитания. При этом ценностно-смысловая сфера, являясь ядром, центральным образованием личности, воздействует в целом на поведение человека в каждой конкретной ситуации и определяет общую направленность его жизни, помогая осмысливать свое существование, окружающие явления, мир в целом. Формирование ценностно-смысловой сферы личности продолжается на протяжении всей жизни, а ее содержание может меняться под влиянием многих факторов. Поэтому образование в целом и процесс обучения отдельным предметам в частности могут сыграть значительную роль в

формировании ценностно-смысловой компетентности. Прежде чем мы попытаемся проанализировать возможности ее формирования и развития при обучении иностранному языку, рассмотрим кратко место и роль данной компетенции в контексте ряда общих компетенций.

Так, определяя группы ключевых компетенций, основывающихся на главных целях общего образования, структурном представлении социального опыта и опыта личности, а также основных видах деятельности обучающегося, А.В.Хуторской выделяет, в том числе, группу ценностно-смысловых компетенций. Это компетенции, связанные с ценностными ориентирами учащегося, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. Данные компетенции обеспечивают механизм самоопределения обучающегося в ситуациях учебной и внеучебной деятельности, от них зависит его индивидуальная образовательная траектория и программа его жизнедеятельности в целом. Ценностно-смысловые компетенции предполагают также, по А.В.Хуторскому, следующие *умения*: формулировать собственные ценностные ориентиры; владеть способами самоопределения в ситуациях выбора на основе собственных позиций; уметь принимать решения, брать на себя ответственность за их последствия, осуществлять действия и поступки на основе выбранных целевых и смысловых установок; осуществлять индивидуальную образовательную траекторию с учетом общих требований и норм [7].

Анализируя модель целостной социально-профессиональной компетентности как единого

целого качества личности обучающегося, И.А.Зимняя также выделяет ценностно-мотивационный аспект в общем контексте компетенций. Важным представляется выделение оснований их группировки: 1. компетенции, относящиеся к *самому человеку* как личности, субъекту деятельности, общения; 2. компетенции, относящиеся к *взаимодействию* человека с другими людьми; 3. компетенции, относящиеся к *деятельности* человека, поскольку формирование ценностно-смысловой компетенции (относится к личности) происходит во взаимодействии в процессе творческой деятельности. Рассматривая эти компетенции как актуальные компетентности, И.А.Зимняя отмечает, что последние будут включать такие *характеристики*: «а) *готовность* к проявлению компетентности (т.е. мотивационный аспект); б) *владение* знанием содержания компетентности (т.е. когнитивный аспект); в) *опыт* проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (т.е. поведенческий аспект); г) *отношение* к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой аспект); д) *эмоционально-волевая* регуляция процесса и результата проявления компетентности» [2]. Данные компетентности могут рассматриваться в том числе в качестве общих ориентированных *критериев* оценки содержания компетентности.

И.А.Зимняя рассматривает также, как соотносятся и взаимодействуют формируемые в результате образования компетенции/компетентности с общей культурой человека, подчеркивая, что система образования есть та среда, где происходит дальнейшее «вращивание» человека, осуществляется «вхождение» внешнего, социального во внутреннее, психическое, т.е. происходит интернализация основного содержания культуры, ее присвоение обучающимся. С позиций личностно-деятельностного подхода в содержании общей культуры могут быть выделены *шесть* основных *направлений*, которые представляют *три* глобальных *плана ее рассмотрения*: план культуры личности (культура отношения и культура саморегуляции), план культуры деятельности (культура интеллектуальной деятельности и культура предметной деятельности) и план культуры социального взаимодействия человека с другими людьми (культура поведения и культура общения). При этом И.А.Зимняя подчеркивает, что «культура отношения, культура интеллектуальной деятельности и культура са-

морегуляции образуют внутренний, интеллектуально-аффективно-волевой, ценностно-смысловой пласт общей культуры человека. Культура предметной деятельности, культура поведения и культура общения представляют собой внешний контур, в реализации которого выявляются особенности внутреннего» [2]. В качестве *составляющих* культуры определяются: понимание мира (осмысление); знание мира и себя в нем; умение творческого преобразования или творения и готовность человека к дальнейшему развитию.

Данные положения требуют внимания для нашего дальнейшего анализа, поскольку, во-первых, формирование ценностно-смысловой компетенции при обучении иностранному языку происходит в процессе освоения и присвоения ценностей культуры; во-вторых, результирующей составляющей процесса проблемного обучения языку является воспитание общей культуры обучающегося через воспитание культуры мышления, культуры общения и культуры ценностного отношения к действительности.

Что же может явиться средством формирования ценностно-смысловой компетенции при обучении иностранному языку? Полагаем, что таковыми могут быть проблемные задачи через систему формулируемых проблемных заданий. Отмечая при этом, что проблемные задачи и проблемные ситуации при обучении иностранным языкам могут моделироваться на трех уровнях — лингвистическом, коммуникативно-познавательном и духовно-познавательном (И.А.Зимняя, Е.В.Ковалевская), мы остановимся в рамках данной статьи на рассмотрении методики создания и разрешения проблемных задач и проблемных ситуаций духовно-познавательного уровня, что способствует формированию духовно-познавательных умений студентов в контексте реализации воспитательного потенциала иностранного языка как учебного предмета и воспитательного потенциала проблемного обучения.

В чем же заключен и как может быть эксплицирован воспитательный потенциал проблемного обучения иностранным языкам? Проблемное обучение обладает большими возможностями для воспитания личности обучающегося в силу имманентно присущего данному типу обучения сущностного потенциала. Так, во-первых, проблема (противоречие) — единица проблемного обучения — активизирует мыслительную деятельность не только для обучения, но для воспитания и самовоспитания

(С.Л.Рубинштейн). Во-вторых, создание в процессе обучения проблемной ситуации как ситуации общения позволяет раскрыть воспитательные возможности обучения через само содержание этой ситуации, через решение проблемной задачи в групповых и коллективных формах взаимодействия (А.А.Вербицкий, А.А.Леонтьев, А.М.Матюшкин). Наполнение процесса общения ценностным содержанием, в силу беспредметности языка (И.А.Зимняя), позволяет создать условия для воспитания обучающихся, где на основе присвоения ценностей общественного сознания, привносимых в процесс обучения, вырабатываются индивидуальные ценности, соотносимые с личностным смыслом и личностной картиной мира (А.Н.Леонтьев). В-третьих, механизм проблематизации (И.А.Зимняя, Е.В.Ковалевская, Л.И.Колесник, С.В.Юткина и др.) позволяет сделать непроблемные задания проблемными, превратить непроблемный текст в проблемный, эксплицировав его внутренние проблемы, сделав его источником и средством воспитания. Вследствие чего воспитательный потенциал проблемного обучения может трактоваться как его имплицитные возможности, эксплицируемые в учебном процессе в трех направлениях: воспитание культуры мышления, культуры общения и культуры ценностного отношения к действительности, где конечным результатом предполагается воспитание общей культуры обучающегося [6]. Отметим также, что в качестве основных сквозных характеристик общей культуры личности, вслед за И.А.Зимней, нами выделяются: понимание и осмысление мира; знание мира и себя в нем; умение творческого преобразования или творение; готовность к саморазвитию, к самосовершенствованию [4. С. 33—34].

Для того чтобы эксплицировать имплицитные возможности проблемного обучения в плане воспитания, необходимо создание определенных *условий* в учебном процессе. К таковым относятся: отбор и организация текстов, имеющих воспитательный характер, т.е. содержащих ценности духовного плана; разработка к ним и внедрение в процесс обучения проблемных задач и моделирование проблемных ситуаций духовно-познавательного уровня, а также формирование умений учащихся работать с проблемными текстами, проблемными задачами и проблемными ситуациями данного уровня. Исходя из того, что при отборе текстов основным требованием к ним в содержательном плане явля-

ется наличие проблем ценностного уровня, могут быть рекомендованы тексты различного формата, изначально содержащие в себе проблемы-ценности, например, пословицы, поговорки, афоризмы, поэтические тексты и т.п.

При этом, основываясь на понимании роли текста как феномена культуры, с одной стороны, и как продукта речевой деятельности — с другой, представляется возможным в этом контексте выделить два аспекта: лингвокультурологический и лингвopsихологический. В первом случае понимание текста может быть представлено как установление взаимосвязи между языковыми явлениями в тексте и достижением понимания его в контексте культур, что обуславливает достижение цели познания языка как средства познания культуры народа. По мнению В. фон Гумбольдта, язык должен рассматриваться не как мертвый продукт, а как созидающий процесс, как постоянная деятельность, превращающая звучащую материю в выражение мысли. Во втором случае понимание текста как продукта речевой деятельности является отражением коммуникативно-деятельностной природы человека. Рассматривая речевую деятельность как реализацию общественно-коммуникативной деятельности людей в процессе их вербального общения, И.А.Зимняя отмечает, что «текст как продукт говорения представляет собой достаточно полную и сложную объективацию объекта говорения — мысли и в то же время опосредованный языком процесс отражения самой действительности» [3. С. 179]. С одной стороны, для понимания смысла текста следует учитывать, что текст (от лат. *textum* — «ткань, соединение») выступает как связь автора и читателя, это обуславливает изначально диалогичную природу текста. С другой стороны, понимание текста может быть рассмотрено как процесс овладения значениями и смыслами, заложенными в тексте, и порождение собственных смыслов. Следовательно, цель обучения чтению состоит не только в овладении значениями, скрытыми за лексико-грамматической формой предложений, но и в его осмыслении, умении увидеть в одном тексте другой текст, «лежащий по ту сторону печатного текста» (В.С.Библер), умения выйти за его рамки.

Понимание текста как феномена культуры включает в себя не только овладение значениями, но и осмысление значений, т.е. наделение их личностными смыслами, поскольку значение принадлежит языку, а смысл — личности. При

декодировании текста, расшифровке внешней картины мира, отображенной в нем, субъект является носителем своей внутренней картины мира и личностных смыслов (А.Н.Леонтьев). Слово своим значением раскрывает содержательную сторону текста, а своим смыслом предполагает ценностное отношение к нему. Универсальные смыслы становятся для участников коммуникации ценностно-личностными смыслами (В.С.Библер), побуждающими к личностной рефлексии. Здесь следовало бы также отметить понимание текста Л.П.Доблаевым (1982) как совокупности проблемных ситуаций, которые человеку приходится решать для того, чтобы понять текст, вследствие чего задача преподавателя в учебном процессе — научить обучающегося видеть и разрешать имплицитно существующую проблемную ситуацию.

Работа с текстами, проблемными задачами духовно-познавательного уровня предполагает прохождение определенных этапов в раскрытии и освоении ценности. Так, в процессе декодирования смысла текстов, осознания и понимания проблемы, раскрытия ее для себя, наполнения ее «личностным смыслом» происходит процесс «присвоения» общечеловеческих ценностей (процесс интериоризации); далее через взаимодействие, общение, диалог в процессе коллективного обсуждения проблемных задач духовно-познавательного уровня происходит процесс углубленного понимания проблемы на основе сопоставления с другими мнениями, расширенное построение «картины мира» (процесс экстериоризации). Результатом коллективного обсуждения ценностных проблем на основе «вычерпывания» глубинного проблемного смысла текстов является не единая точка зрения на проблему, а наполняемость ее новым содержанием. Происходит развитие не только личности в обучении как субъекта деятельности, но и развитие объекта, что подтверждает положение о том, что проблемность является условием развития объекта и субъекта, и этот процесс носит взаимообусловленный и взаимосвязанный характер.

Таким образом, «вскрытие» проблемы (ценности), ее разрешение, присвоение, наполнение новыми смыслами происходит на следующих качественно различных *уровнях*, которые соотносятся с *этапами* решения проблемной задачи:

I уровень (первый этап) соотносится с «закрытым» этапом решения проблемы: используется только свой предыдущий (прежний) опыт.

II уровень (второй этап): происходит расширение и углубление в восприятии ценностной проблемы в процессе размышления/осмысления, анализа, синтеза данной проблемы, за счет включения дополнительных знаний при работе с текстами и проблемными задачами.

III уровень (третий этап): глубинное понимание проблемы через коллективное обсуждение и решение проблемных задач, рефлексивный уровень самооценивания, самоосознания, соотнесение личностной позиции с «картиной мира» группы, своего народа, другого народа, человечества, мира — этап открытого решения проблемной задачи.

При каких же *условиях* возможно успешное моделирование и разрешение проблемных задач и проблемных ситуаций духовно-познавательного уровня? К таковым следует отнести в первую очередь необходимость уровневой организации учебного процесса, что обеспечивается: степенью проблемности в содержании как проблемных задач (определяется их сложностью), так и проблемных ситуаций (определяется индивидуальной трудностью для обучающихся), а также степенью самостоятельности студентов. Как отмечает Е.В.Ковалевская, в контексте интеграции положений Т.В.Кудрявцева и В.А.Крутецкого, присвоение ценностей на духовно-познавательном уровне в проблемном обучении происходит на 5 уровнях: 0 уровень проблемности — непроблемное изложение духовных ценностей; 1 уровень — проблемное изложение ценностей; 2 уровень — преподаватель ставит проблему, а учащийся с его помощью ее решает; 3 уровень — учащийся самостоятельно решает ценностную проблему, поставленную преподавателем; 4 уровень — учащийся сам находит (вскрывает) и решает ценностную проблему [5. С. 13].

Проблематизация учебного процесса осуществляется также на трех уровнях: преподаватель ставит проблемные задачи — студент решает их с помощью преподавателя; преподаватель ставит проблемные задачи — студент решает их сам; студент самостоятельно ставит и решает проблемные задачи. Кроме того, сюда включено также активное творческое взаимодействие субъектов обучения, где отношение к другому, встреча с «ты» является условием возникновением «я» (Н.А.Коваль).

Исходя из этого и в соответствии с уровнями проблемности, соотносимыми со степенью мыслительной активности учащихся в постановке

и решении проблемных задач духовно-познавательного уровня, с учетом уровня их коммуникативных умений и уровнями проблемности заданий к текстам можно классифицировать проблемные задания по *трем уровням*, что является особенно важным для студентов неязыковых факультетов.

Так, к *первому уровню проблемности* относятся задания репродуктивного характера, при решении которых в большей мере *формируются умения работать с готовым текстом*: это умения, связанные с пониманием языкового материала, которые необходимы для переработки информации на языковом уровне и обеспечивают точность понимания, и умения, связанные с пониманием содержания текста и направленные на полноту понимания и получение содержательной информации. К этому уровню проблемности можно отнести задания следующего плана: 1. Сравните и выберите из предложенных пословиц те, которые выражают такой же / другой смысл, что и нижеприведенная пословица; 2. Найдите эквиваленты русских пословиц и сравните их; 3. Подберите рифму (из предложенных слов) в незаконченной пословице; 4. Сравните следующие пословицы. Какая из них нарушает логический ряд?; 5. Сопоставьте текст / картинку и нижеприведенные пословицы. Выберите из них те, которые подходят по смыслу к тексту / которые выражают основную мысль текста / которые могут быть заглавием к тексту; 6. Соотнесите начало пословицы (буквы) и ее окончание (цифры); 7. Выберите из следующих высказываний те, которые соответствуют Вашему представлению о счастье; 8. Проанализируйте и упорядочите пословицы по их основной мысли (например, нельзя делать ничего плохого людям и т.д.); 9. Сформулируйте пословицу из составляющих ее частей; 10. Выберите из предложенных афоризмов один, который отражает цель Вашей жизни, и т.д.

Ко *второму уровню проблемности* относятся задания репродуктивно-продуктивного характера, которые предполагают владение умениями вышерассмотренной группы, а также частично умениями, связанными с осмыслением содержания текста, но при этом у обучающихся есть возможность использовать для ответа опоры в виде текстов, формулировки заданий и т.п. Это могут быть задания первого уровня, проблематизированные за счет вопросов: 1. Почему?; 2. Какой точки зрения придерживаетесь Вы и почему?; 3. При каком условии это воз-

можно?; 4. Обоснуйте свое мнение / свой выбор, и т.д. При необходимости следует также подготовить формулировки клише для высказываний, если возможности продуктивного плана остаются у студентов невысокими.

К *третьему уровню проблемности* можно отнести задания продуктивного характера, которым свойственна наибольшая мера продукции и которые являются в наибольшей степени творческими, поскольку они непосредственно лично значимы и затрагивают чувства и интересы студентов. При этом умения, связанные с осмыслением содержания текста, включают в себя: а) умение вывести суждение; б) умение оценить факты; в) умение интерпретировать — понять подтекст. Отметим, что критерии и умения понимания текста выделяются нами вслед за С.К.Фоломкиной. К данному уровню проблемности относятся задания следующего типа (формулируются на примере темы «счастье»): 1. Если бы Вы были миллионером (стариком, ребенком), что бы Вы сделали, чтобы быть счастливым?; 2. При каком условии Вы чувствуете себя счастливым? Почему? Что Вы делаете для этого?; 4. Как Вы считаете, совпадает ли ощущение / понимание счастья у Вас и у автора текста / Ваших родителей? В чем совпадает? Что не совпадает?; 5. Придумайте провокационные утверждения (например, счастье можно купить) и докажите их верность / неверность с Вашей точки зрения. Почему Вы так считаете?; 6. Как Вы будете воспитывать своих детей, чтобы они чувствовали себя счастливыми?; 6. Какой совет Вы могли бы дать своему ребенку, чтобы он ... был счастлив? Почему...?

Следует отметить при этом, что, во-первых, деление на уровни может быть достаточно условным и зависит, прежде всего, от коммуникативных возможностей студентов, умений видеть, вскрывать, решать и, наконец, самому моделировать проблемные задачи и проблемные ситуации духовно-познавательного уровня, непосредственно соотносимые со своей личной картиной мира, наполняемой личностными смыслами, что, предположительно, является основанием для последующего поведения, поскольку именно поступок является мерой воспитанности человека. Во-вторых, эти три уровня являются в свою очередь взаимосвязанными, поскольку развитие *интеллектуальных и коммуникативных умений*, а также *умений ценностного отношения к действительности*, которые формируются в совокупности в процессе

работы с проблемными текстами, содержащими ценностные проблемы, с проблемными задачами и проблемными ситуациями духовно-познавательного уровня, суть взаимообусловленный процесс.

В процессе решения проблемных задач и разрешения проблемных ситуаций духовно-познавательного уровня развиваются следующие *группы умений*. Развитие основных мыслительных операций: сравнение, анализ, синтез, обобщение, перенос и т.д. (от наиболее простых ко все более сложным) — как опыт мыслительной деятельности дает возможность развивать такие *интеллектуальные умения* как: видеть, «вскрывать», ставить проблему, решать и оценивать решение проблемных задач и проблемных ситуаций, что способствует *воспитанию культуры мышления* обучающихся. Развитие *коммуникативных умений*: понимать себя, воспринимать другого как личность, адекватно реагировать, разрешать конфликты, отстаивать свою точку зрения, владеть для этого вербальными и невербальными средствами — способствует *воспитанию культуры общения*. Развитие *умений ценностного отношения*: умение устанавливать смысловые связи, «вскрывать» и осмысливать ценностные проблемы, умение их переноса, переживания и присвоения, умения оценивания и рефлексирования — является основанием для *воспитания культуры ценностного отношения к действительности*.

Воспитание культуры мышления, культуры общения, культуры ценностного отношения к действительности в контексте эксплицирования воспитательного потенциала проблемного обучения в образовательном процессе позволяет

формировать картину мира личности, отражающую иерархию ее ценностей. При этом интегративное единство названных направлений значительно расширяет рамки учебного процесса, ибо воспитание более высоких форм мышления позволяет не только осваивать и присваивать ценности в общении и взаимодействии, но творчески преобразовывать как сами ценности, так и себя, поскольку, по А.А.Вербицкому, обучающийся не только «потребляет» культуру, но и обогащается уже тем, что «возвращается» в культуру как творческая, духовно и нравственно развитая целостная личность и тем самым становится фактором развития самой культуры [1. С. 12]. Моделирование в учебном процессе проблемных задач и проблемных ситуаций духовно-познавательного уровня, которые в содержательном плане несут в себе или вскрывают ценностные проблемы, пробуждает личностные смыслы, способствует самоосознанию, самовоспитанию, саморазвитию субъекта учебной деятельности.

Таким образом, создаваемая система проблемных заданий при обучении иностранному языку и процесс обсуждения ценностных проблем в диалоге, сотрудничестве, взаимодействии обуславливает формирование ценностно-смысловой компетенции, которая, в свою очередь, являясь объектом формирования, выполняет функцию некоего интегративного целого, способствующего формированию, развитию и воспитанию общей культуры обучающегося через воспитание культуры мышления, культуры общения, культуры ценностного отношения к действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М., 1999.
2. Зимняя И.А. Единая социально-профессиональная компетентность выпускника университета: понятие, подходы к формированию и оценке. URL: <http://www.misis.ru/Portals/0/Download/Press/2011/Зимняя.doc>
3. Зимняя И.А. Лигвопсихология речевой деятельности. М.; Воронеж, 2001.
4. Зимняя И.А., Боденко Б.Н., Кривченко Т.А., Морозова Н.А. Общая культура человека в системе требований государственного образовательного стандарта. М., 1999.
5. Ковалевская Е.В. Духовно-познавательный уровень в проблемном обучении иностранному языку // Современные подходы к обучению: теория и практика: Материалы I Московской международной конференции «Образование в 21 веке — глазами детей и взрослых». М., 2001.
6. Самсонова Н.В. Реализация воспитательного потенциала проблемного обучения в организации учебного процесса (на материале иностранного языка): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.
7. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>

REFERENCES

1. Verbitsky A.A. Novaya obrazovatel'naya paradigma i kontekstovoye obucheniye [New educational paradigm and context learning]. Moscow, 1999 (in Russian).
2. Zimnyaya I.A. Yedinaya sotsialno-professional'naya kompetentnost' vypusknika universiteta: ponyatiye, podkhody k formirovaniyu i otsenke [Unified social and professional competence of university graduate: idea, approaches to competence development and evaluation]. URL: <http://www.misis.ru/Portals/0/Download/Press/2011/Зимняя.doc> (in Russian).
3. Zimnyaya I.A. Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti [Linguo-psychology of speech]. Moscow, Voronezh, 2001 (in Russian).
4. Zimnyaya I.A., Bodenko B.N., Krivchenko T.A., Morozova N.A. Obshchaya kultura cheloveka v sisteme trebovaniy gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta [General personal culture within the requirements of state educational standards]. Moscow, 1999 (in Russian).
5. Kovalevskaya E.V. Dukhovno-poznavatel'ny uroven' v problemnom obuchenii inostrannogo yazyku [Spiritual and educational aspects of problem-based training of a foreign language]. Moscow, 2001 (in Russian).
6. Samsonova N.V. Realizatsiya vopitatelnogo potentsiala problemnogo obucheniya v organizatsii uchebnogo protsessa (na material inostrannogo yazyka) [Implementing the educational potential of the problem-based learning in the educational process (on the basis of a foreign language)]. Author's abstract of a thesis, Moscow, 2007 (in Russian).
7. Khutorskoy A.V. Tekhnologiya proyektirovaniya klyuchevykh i predmetnykh kompetentsiy [Development technologies of key and subject-based competences]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>

N.V.Samsonova
Nizhnevartovsk, Russia

SYSTEM OF PROBLEM-BASED ASSIGNMENTS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AS A MEANS OF DEVELOPING AXIOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS

Abstract. The study considers problem-based assignments of spiritual and cognitive characters contributing to the development of axiological competence of students learning a foreign language.

The undertaken analysis is aimed at justifying the objective necessity of including the axiological competence into key competences developed during the educational process, and the possibility of developing such a competence within the problem-based training of a foreign language, where problematic assignments of spiritual and cognitive character can be the means of creating the axiological competence. The analysis has shown that the axiological competence provides for the mechanism for self-identity and preconditions the educational trajectory of an individual and his or her life program as a whole. This competence is manifested in actions, attitudes, and activities of an individual. The author has identified the relation between the content of the competence with the content of general personal culture and distinguished the characteristics and skills of the axiological competence.

The article reveals the educational potential of problem-based training of a foreign language manifesting itself in three aspects, such as developing a culture of thinking, a culture of communication and a culture of a value-based attitude to reality. The study also considers a system of problem-based assignments and tasks when working with texts with axiological problems. The author proves that the discussion of topical spiritual and cognitive problems in the process of learning a foreign language helps to develop axiological competence and general culture of a student. The system of problem-based assignments can be used in teaching the German language.

Key words: axiological competence; culture; educational potential of problem-based training; foreign language; problem-based assignments.

About the author: Nina Vasilievna Samsonova, Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of Foreign Languages.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 81

Элина Тамминиеми
*Хельсинки, Финляндия***XX ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС
МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Аннотация. Обзор материалов XX всемирного конгресса международной федерации переводчиков «Человек или машина: дилемма перевода — будущее устных и письменных переводчиков и терминологов», состоявшегося в Берлинском Свободном университете (г. Берлин, 4—6 августа 2014 г.).

Сведения об авторе: Тамминиеми Элина, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Хельсинкский университет.

Контактная информация: тел.: 358400696321; e-mail: elina.tamminiemi@kolumbus.fi

Каждые три года Всемирная федерация переводчиков (FIT), которой в 2013 году исполнилось 60 лет, созывает всемирный конгресс международной федерации переводчиков и терминологов. После конгрессов, организованных в 2008 г. в Шанхае и в 2011 г. в Сан-Франциско, в 2014 г. XX-й всемирный конгресс международной федерации переводчиков состоялся в г. Берлине. Организацию всемирного конгресса осуществила Федерация переводчиков Германии (BDÜ). В конгрессе приняли участие более 1600 представителей из 70 стран мира.

«Человек или машина: дилемма перевода — будущее устных и письменных переводчиков и терминологов» — такую тему всемирная федерация переводчиков выбрала в качестве лейтмотива всемирного конгресса для обсуждения и получила позитивный резонанс от более 120 профессиональных ассоциаций и образовательных учреждений из 60 стран мира. Было представлено более 360 тезисов выступлений участников из многих стран, от Канады до Бразилии, от Финляндии до Южно-Африканской республики, от Китая и Японии до Океании. Специальная комиссия отобрала более 200 выступлений в форме докладов, круглых столов, выступлений-постеров, семинаров из 50 стран мира. XX-й всемирный конгресс международной федерации переводчиков отразил весь мир перевода во всем своем разнообразии.

С приветствием к XX-му всемирному конгрессу международной федерации переводчиков обратилась генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова. В своем обращении она констатировала, что язык является не только инструментом коммуникации, но и имеет ог-

ромное значение для сохранения нематериального культурного наследства, представляет собой связь между прошлым и будущим. И. Бокова подчеркивала, что переводчики являются незаменимыми гарантами успешного диалога между обществами и культурами, что они играют основную роль в обмене мнений между людьми и в межкультурном развитии; отмечала, что переводчики преодолевают преграды непонимания, позволяют каждому человеку пользоваться тем языком, который он предпочитает для выражения многообразия мнений. В своем обращении И. Бокова констатировала, что партнерство между ЮНЕСКО и Всемирной федерацией переводчиков восходит к созданию федерации более 60 лет назад, и пожелала плодотворной и вдохновляющей работы участникам конгресса.

Важным актом всемирного конгресса международной федерации переводчиков стало обращение представителей ассоциаций-членов Всемирной федерации переводчиков, в котором выражалось беспокойство по поводу коллег, работающих в различных конфликтных регионах мира. Выполняя важную и одновременно опасную работу, переводчики обеспечивают коммуникацию между сторонами конфликта. Обязанные сохранять нейтралитет, профессионалы языка строят мосты коммуникации, разрушая языковые и культурные преграды, и таким образом помогают разрешать конфликты, заставляя замолкать пушки. Несмотря на это, работа переводчиков не всегда получает заслуженное признание и уважение. Участники собрания официальных представителей ассоциаций-членов Всемирной федерации переводчиков, обращаясь

к национальным правительствам стран мира и международному сообществу, призвали их защищать и охранять переводчиков, работающих в конфликтных регионах, обеспечивать им безопасные условия для жизни и работы как в период работы в конфликтных регионах, так и после окончания работы, уважать нейтралитет переводчиков, разработать и принять соглашение под эгидой ООН и/или иной международный документ об обеспечении безопасности переводчиков, работающих в конфликтных регионах во время работы и после окончания работы.

Обсуждение актуальных и наиболее дискуссионных вопросов на всемирном конгрессе международной федерации переводчиков проходило в рамках работы семи секций: «Технологии перевода, менеджмент перевода, переводческая память и машинный перевод», «Терминология», «Устный и письменный перевод», «Литературный перевод», «Социальная ответственность», «Устные и письменные переводчики на рынке труда», «Профессиональная подготовка переводчиков, последипломное образование, преподавание».

В кратком обзоре трудно перечислить все заслуживающие внимания доклады и выступления. Остановимся на некоторых из них, на наш взгляд, наиболее актуальных, интересных и дискуссионных.

Особое внимание на конгрессе уделялось технологии перевода и письменному машинному переводу (М.А.Фиола, Г.С.Сеонг, Т.Холопайнен, Д.Клуванек, В.Квок, А.Пирот, П.А.Шмит, Т.Свобода, Х.Ускорейт, Н.М.Юсуф, К.Жанг, М.Дер, М.Эренсбергер-Дау и Г.Массей, Т.Оливер, А.М.Владыка), роли машин в устном переводе (А.Дрехсель, С.Фюнфер, Л.Лим), системе переводов в on-line (С.Лотц), последующему редактированию машинного перевода (Й.Даниельсон, Н.Хофманн, Б.Месса-Лао, М.Гэффер и М.Карл, Ш.О'Брайн, Л.Салми и М.Копонен, В.Усвак, Ж.Верхегген), переводческой памяти (Р.Докхорн, Ю.Кляйн, Г.Кох, М.Лёблан, К.Морриссетт, А.Росновле, Э.Ступиело, Л.Сум, Ф.Яхайя), работе переводчика в глобальной сети (И.Элмеро и С.Борей, А.Перриго, В.К.Ванг), роли смартфонов и планшетов в качестве мобильного офиса переводчиков (С.Амбреустер, А.Дрехсель), роли переводчика в социальных сетях (А.Диамантидис, М.-Л.Гросс).

Интерес представляют доклады, посвященные проблемам терминологии, подходам и методам создания и перевода терминологии, профес-

сиональному образованию терминологов (Р.Докхорн, Т.Горностаи, Ф.Массион, Д.Райнеке, А.Вайланд, Б.Н.Вилар, М.Пердек, М.Фаррелл, Д.Вестгейт, К.Кси).

Значительная часть докладов посвящена проблемам устного и письменного перевода, методам и подходам к устному и письменному переводу (Г.Боканете, Й.Чопик, В.Иванова, Э.М.Лионс, А.М.Радованович, Ю.Сабель, Э.Теймури, Ю.Витцель, Ю.Ксионг, Ф.-Х.Жонг, Ж.-Ф.Кин, Я.Йиао, М.-Ж.Жанг, Л.Жанг), проблемам устного перевода (К.Бар, В.Ч.Че, М.Халдиман, Э.М.Наварро-Халл, Т.Вукелич, К.Цайтер), устного и письменного перевода в социальном мире (П.Баглионе, К.Хеймер-Могган, Н.Сигарева), в медицинской сфере (Т.Асано, Ш.Хаттори, М.Сугимото и М.Тачибана, К.Баллиу, А.Фелткамп, С.Марини, Ф.Райнке, К.Шустер, К.Ферлегер), в юридической области (П.Твидле, Э.Корнелиус, М.Давила, Б.Гутфер, Л.Качинка, К.Дрисен, Д.Друммонд и Л.Качинка, Х.Й.Коккерг и С.Перальди, М.Скорек, Ф.Урзи), перевода аудио-визуальных средств массовой информации (Е.А.Коломин, Л.Бивуд, С.-Е.Чо, Ю.Кляйн), роли языка в сфере дипломатии (Ю.Чен, Й.Мацца, М.Янг), языку жестов (Й.Блаув, Х.Котце и Р.Редди, М.Мицуно и Г.Ватанабе), специфическим требованиям к устному переводу (Ё.А.Эрзурумлу, П.Р.Перес-Торрес, А.Ю.Перротти-Гарсиа), переводу «непереводимого» (Д.Джемсон, К.Лер, Р.Л.М.Замора, С.Сайлер), специфике языковых комбинаций (М.Вукчевич, Н.Баш), переводу официальных документов (Р.Штольце, И.Торманн). В рамках работы этой секции также был организован лингвистический форум (М.Больё, Э.Кёрнер-Чекелихиди, Э.Носсем).

Внимание переводчиков привлекают проблемы литературного перевода (Б.Кристенсен и Э.Кольстадт, И.Фейнауер, Л.Ли, Ю.Химмельрайх, А.Лииматайнен, А.Мартин, А.Ланде Петерс, С.Шмидт-Вуссов, Д.Х.Шмитц, Ю.Ксионг).

В круг интересов переводчиков входит социальная ответственность переводчика, миссии и значимость перевода и переводчиков (А.-М.Бейкес, Ф.Суи, С.А.Хоссеини, И.Джабраилов), права переводчика в кризисных регионах (М.Хесс, Л.Фитчетт и С.Борей, П.Кадвелл, А.Карраро, Х.Лиу, Р.Петрас).

В сборник материалов конгресса включены доклады, связанные с положением устных и письменных переводчиков на рынке труда, рассматривающие профессиональные аспекты

переводчика в мире (М.Моури, А.М.Келли, А.Беренс, М.С.Канг, Д.Керцковска и Й.Миллер-Кассино, Р.Пакет и К.Трембле, В.Озольник-Кунс, Х.Леш), перспективы профессии переводчика (М.Алби-Микаша, М.Годвут, Х.Кейт, А.Копп, Ж.Женг), вопросы маркетинга перевода (М.Боерс, Д.Картер-Сигглов, Д.П.Корнвили, А.Диамантидис, К.Дурбан, М.Фаррелл, Б.Гольмс, И.Гомес-Поркини и М.Г.Гомес-Поркини, Б.Хампел, И.Медер, Н.Саттлер-Ховдар, М.Визер), руководство переводческим проектом и обработка данных (Й.Чопик, Э.Носсем и Д.Олигшлегер, Ю.Витцель), качество и сертификацию перевода (И.Ароша, С.Бертолини, С.Коррадини и О.Оливетти, Н.Далюгге-Момме, А.К.Мельби, Б.Нахера, С.Перальди, П.Йонас и Г.Зауберер, М.Шмитц, М.Штрик, Х.Ускорейт, Й. ван дер Меер, Ш.О'Брайн, А.К.Мельби, В.Жу, К.Циглер), групповую работу переводчиков (К.Мейлен, А.Мутшеллер, Б.Нееб и К.Шмидт), ассоциации переводчиков (Х.Х.Аревалило Доваль,

Э.Эванс, Э.Фогарти, А.Линдемманн, Х.Лиу, Ж.Орстедт, Й.К.Винд Гильсен).

Тематика докладов свидетельствует, что участники конгресса проявляли интерес к вопросам подготовки переводчиков (Ф.Кеньон, Н.Хела, М.Олохан, Х.М.Рейес-Мунос, Б.Аренс, Э.Ходзик, М.Р.Хоф, Я.Сомейя), последиplomному образованию переводчиков (М.Й.Крукс, С.Лешен, Э.О.Салтоглы, Л.Р.О'Двиер), преподаванию переводоведения (А.Клетуи, К.Эйзенрайх, Ф.Й.Хейдингер, Л.М.Виргиния, Д.Кренцлер-Бем, Л.Лаукканен, К.Ксиа, А.Вильянмаа, М.Х.М.Загоод, М.Жанг).

Материалы всемирного конгресса переводчиков представляют интерес в первую очередь для специалистов, работающих в области устного и письменного перевода или терминологии, а также для преподавателей, студентов, аспирантов и докторантов вузов, и всех тех, кто интересуется теоретическими и практическими вопросами, проблемами в сфере устного и письменного перевода и терминологии.

*E. Tamminiemi
Helsinki, Finland*

FIT XXth WORLD CONGRESS 2014

Abstract: Overview of the proceedings of the XXth World Congress International Federation of Translators «Man vs machine – the future of translators, interpreters and terminologists», which took place in Freie Universität Berlin in August 4–6, 2014.

About the author: Elina Tamminiemi, Candidate of Philology, doctoral student.

Place of employment: University of Helsinki.

Уважаемые коллеги!

Издательство Нижневартковского государственного университета приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов, соискателей опубликовать результаты своих исследований в области гуманитарных, естественных и технических наук.

«Вестник Нижневартковского государственного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Тематические выпуски издания:

- «Исторические науки»
- «Филологические науки»
- «Естественные науки и науки о Земле»
- «Культурология. Философия. Социология»
- «Психологические и педагогические науки»
- «Физико-математические и технические науки»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия; свидетельство о регистрации № ФС77-55479 от 25.09.2013 г.

«Вестник Нижневартковского государственного университета» зарегистрирован в ISSN реестре: ISSN 2311-1402 (печатная версия журнала); ISSN 2311-4444 (электронная версия журнала).

Журнал включен в Каталог российской прессы «Почта России» (подписной индекс: 24943) и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Публикация в журнале бесплатная.

Как опубликовать статью?

Вы отправляете нам статью и сведения об авторе по адресу e-mail: uni@nggu.ru.

Оформление статьи: формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура шрифта — Times New Roman, размер шрифта — 12 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см, список литературы — по ГОСТ 7.0.5.2008. Статья помимо основного текста должна содержать аннотацию и ключевые слова (на русском и английском языках), код УДК. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание; аспиранты, соискатели — указать вуз и кафедру; место работы (город, организация, подразделение), должность; корреспондентский почтовый адрес; контактный телефон; контактный e-mail.

Аспиранты и соискатели дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

Статья направляется на рецензирование (7—14 рабочих дней). При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике Вашей статьи; один экземпляр издания направляется Вам.

В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартковский государственный университет, управление научных исследований (каб. 219).

Телефон: (3466) 451820

E-mail: uni@nggu.ru

Web: www.nggu.ru или nggu.pф

Куратор: Овечкина Елена Сергеевна, начальник управления научных исследований